

УЛУГ-ХЕМ

литературно-
художественный
альманах

14

КЫЗЫЛ · 1973

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ТУВИНСКОЙ АССР

УЛУГ-ХЕМ

литературно-
художественный
альманах

14

ТУВИНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Кызыл — 1973

На обложке: работы лауреата Государственной премии Тувинской АССР и Государственной премии РСФСР имени Репина заслуженного деятеля литературы и искусства Тувинской АССР Х. К. Тойбу-Хаа.

Фотомаериалы взяты из фонда хранилища Тувинского республиканского краеведческого музея им. Алдан-Маадыр.

Фоторепродукции П. Гольцова.

0—7—3—3
0—7—4—3

121—170+03+M133

НАСЛЕДНИКИ БОГАТЫРЕЙ

Документальный рассказ

Дело близилось к зиме. Ондару Куртугбаю, передовому чабану совхоза «Алдан-Маадыр», пора было с семьей кочевать на зимнее стойбище. Об этом у них с женой и шел разговор. Таисья на этот раз все сомневалась, дотошно выпрашивала:

— Жить-то там хоть можно, на этой зимовке? Изба не без окон-дверей стоит?

— Да что ты, Таисья, как инспектор какой из района? К управляющему прошлый раз вот так же пристала: сделан, не сделан ли на зимовке ремонт... Говорил же он, что посылал туда рабочих и жилье отремонтировали. Что ж ты думаешь, управляющий обманывать тебя станет? Да не такой наш Монге-Назын человек.

— Он-то не станет, да ведь и его обмануть могут: скажут, готово, а сами потюкали маленько молоточками да и домой... Им-то в селе, без всяких перекочевок, куда как хорошо!

— Брось ты это, — уже с досадой оборвал жену Куртугбай. — Никто никого не обманывает. Сам я на зимнюю нашу стоянку ездил на днях, видел: изба готова: и побелено, и покрашено, завалины насыпаны. Что тебе еще надо?

— Мне-то ничего, лишь бы ребятишки в тепле были да скот благополучно прозимовал. А вот корма скоту хватит ли?

— Ты же знаешь, пастбища в Кужурлуг-Хову всегда были неважные. Да ничего, прозимуем. Не в первый раз, — Куртугбай помолчал, затягиваясь трубкой и пуская клубы дыма. — Сена мы накосили, на подкормку молодняку да маткам хватит. Топливо тоже есть, кизяку много. Я летом, как, бывало, приеду туда, все его и собираю...

— Слушай-ка, старик, — Таисья перебила мужа, — люди говорят, что твой Монге-Назын скоро всех чабанов переведет жить в поселок. А овец пасти, как бы это сказать, вон, как на заводах работают — в две смены. Правда это, или нет? Я в газетах читала, пишут, Коржен-оол из Танды уже так и работает, да и в других районах...

— Читал и я об этом в газетах, — не сразу заговорил Куртугбай, — только пока ни до чего толком додуматься не могу.

Одно мне ясно: всю жизнь мы с тобой кочуем — то по Хемчику, то по Алашу, то по Хольчуктугу. В поселке, почитай, и не бывали. Ребятишек в кой-то веки проведаешь в интернате! Конечно, там за ними догляд, сыты они, одеты... А все же без родительского присмотра нехорошо. Так, что ли, жена?

— Вот-вот, это самое я и хотела сказать. Семеро ведь у нас, да и самим охота пожить, как все люди... Может, поедешь в село, зайдешь в контору? Посоветовались бы с нашими даргаларами, как бы и нам опыт этого Коржен-оола перенять...

...Солнце показывало полдень. Небо было ясным. Только вершину Кара-Дага — ту самую, на которой когда-то скрывались от врагов 60 легендарных богатырей — заволокли белые, как молочная пена, облака. Осень вступала в свои права. Листья на деревьях уже сменили цвет...

Когда Куртутбай с Таисьей переступили порог конторы, руководители хозяйств все были в сборе. Поначалу чабану показалось, что дарги, перебивая друг друга, только и делают, что горячатся. Но когда прислушались, стало ясно: управляющий Монге-Назын и парторг Дагдыш ведут с активом серьезный разговор. Наши супруги слушали, стараясь не проронить ни слова, и все, как говорится, мотали себе на ус...

Приготовившись говорить, Монге-Назын погладил себя по лысине, затем острым взглядом обвел сидевших. Постучав для порядка по графину с водой, он начал, чуть заикаясь:

— В нашем отделении совхоза, вы все это знаете, есть еще люди, которые летом и зимой кочуют со скотом. Некоторые даже зимуют в юртах, как, бывало, наши деды и прадеды...

— Да кто этого не знает! Что предлагаешь, дарга, говори скорей, не тяни! — раздался чей-то голос.

— Есть предложение, — продолжал Монге-Назын, — и оно — райкома и обкома партии, а также нашей первичной парторганизации... Не торопитесь, я не могу говорить, когда меня перебивают.

— Ийет-ийет! — поддержал Монге-Назына Дагдыш и постучал карандашом по графину.

— А предложение такое: в течение трех-четырех лет всех чабанов, табунщиков, пастухов-скотников перевести на полную оседлость.

— А овец кто будет пасти? Выходит, лучшие пастбища Алаша, Манчурека, Хольчуктуга надо бросить, скот весь согнать в стойла и там, на привязи, кормить? — не выдержал Монгуш-оол.

«И как только этот непутевый человек здесь оказался? — про себя удивились Ондары. — Нигде он как следует не работал, вечно болтался без дела».

— Не спешите, эштер — товарищи! Я не закончил еще свою мысль, — Монге-Назын принялся разъяснять. — Люди бу-

дут жить в поселке. А скот по-прежнему будем выгонять на зимние, весенние, летние и осенние пастбища. Просто скот будем пасти посменно.

Слова Монге-Назына никого не оставили равнодушным. Поднялся невообразимый шум. Одни приветствовали, другие выражали свое несогласие. Погом выступили парторг, председатель женсовета, секретарь комсомольской организации, многие чабаны... До поздних сумерек шел разговор в конторе. Наконец, было принято решение: одобрить постановление пленума обкома партии о переводе чабанов на жительство в поселки.

Когда закончилось заседание, Куртугбай с Таисьей подошли поближе к даргам, но заговорить не решались, стояли, переминаясь с ноги на ногу.

— Вам что-нибудь неясно? Сомневаетесь, может быть, что можно так перестроить жизнь животноводов? — спросил у них Дагбыш.

Пока Ондар думал, с чего ему начать, Таисья первая нашла:

— Чего уж лучше: переселить всех животноводов в село, а скот пасти по очереди! Мы давно уже об этом говорим. И готовы со стариком первыми на себе эти новшества испытать. Да ты говори, говори! — подталкивала она мужа. — Или голос потерял?

— Ийет-ийет, — с места в карьер сорвался и Куртугбай. — Дайте нам дом в селе. У нас семеро детей.

— Только попросторней, — опять вмешалась Таисья, — нам избушку не надо, надоело тесниться в юрте.

— Хорошо, — сказал Дагбыш, — дом вам дадим и посменную пастьбу начнем с вас.

— Тогда в нашу отару еще сто овец прибавьте, — сказал совсем осмелевший Куртугбай, а Таисья загнула большой палец. Чабан продолжал: — На время летней, весенней и осенней пастьбы дайте нам хорошую новую юрту, — тут Таисья загнула еще палец. — И неплохо бы не двух, а трех человек закрепить за отарой. Хотя бы на зимнее время. Тогда порядок будет и с выходными днями, и с отпуском, — у Таисьи средний палец аккуратно приложился к двум загнутым.

— Кого вы предполагаете себе в смежники?

— С Ооржаком Маадыр-оолом мы уже договорились. Еще с Монгушом Адар-оолом поговорю, — ответил Куртугбай. — Он сосед мой, давно у меня на примете.

— Ну, вот и хорошо. Раз вы согласны — будет и дом, и все, о чем вы просили, — заверил управляющий.

— Еще вопрос можно, дарга? — осторожно осведомилась Таисья.

— Можно, можно, Тася!

— Скот поедут пасты мужчины — значит, продукты им с собой издо? Сразу на четыре-пять дней.

— Ийет-ийет...

— А каким образом они будут меняться?

— Каждому чабану дадим коня. Верхом будут пасты. А смену будем привозить на машине.

— Красота! Зимовье наше Кужурлуг-Хову в пятидесяти километрах. Пожалуй, на машине за час туда можно добраться. Отгулял, значит, пять суток дома, сел в машину и едешь к отаре, а освободинся эт смены — домой привезут? — мечтательно произнес Куртугбай.

— Так, так, именно так! — поддержал его Дагбыш. — Приезжает чабан с пастбища домой, а его ждет жена. Тут — горячий обед, свежее белье, банька... — видя, как расплылось в радостной улыбке лицо Ондара, парторг не выдержал и расхохотался.

— А главное, — совсем уже размечталась Таисья, — прибегут из школы, из яслей этих, из сада, малыши твои ли все «Экии, ачай!» скажут. Чего же еще лучше-то?..

— Понятно, все понятно. Поедем теперь к себе в юрту, — твердо сказал Ондар Куртугбай. — Соберем все что надо, и — присылайте, дарги, машину за моей семьей, пусть переселяется в поселок! А я останусь с отарой, — и, переговариваясь, супруги зашагали к двери.

...На заре вся семья уже поднялась. Почистили от сажи чугунную чашу, встряхнули постели. Сборы были недолги, как бывало при каждой перекочевке. Дорогие вещи, тяжелые предметы Ондары с собой на кочевку не брали, а оставляли в селе людям на хранение. Так что утвари, которую надо было теперь везти в село, оказалось совсем немного.

Услышав фырканье подъезжающей машины, хозяин вышел из юрты. С шофером Биче-оолом приехал и Ооржак Маадыр-оол. Поздоровались.

— К поезду в село подготовился, Ондар? — спросил шофер.

— Я-то не поеду, с отарой останусь, а Таисья с детьми едет, — и чабан указал на сложенные возле юрты вещи, — большая груда в село поедет, маленькая здесь останется, — засмеялся он. И тут же спросил:

— А ты, Маадыр-оол, зачем приехал?

— А вас сменить. Монге-Назын послал.

— Э-э, нет. Ты еще сумеешь ли пасты, опыта-то у тебя никакого нету, как доверить самую первую смену? Езжай лучше с моими, помоги Таисье в доме устроиться. А как войдет все в колею, тогда и твоя очередь настанет. Договорились, парень?

— Так мне что? Я ведь потому и в чабаны идти теперь согласен, что работа посменная. Могу и сразу с отдыха на-

чать! — заготовил парень. Ондар улыбнулся: он знал, что Маадыр-оол на самом деле старательный парень, вчерашний солдат, только отслужил...

Вскоре машину нагрузили. И Таисья, многие годы кочевавшая с отарой, с радостью поехала в село. Ондар смотрел вслед отъезжающей семье и думал: «Сколько веков деды и отцы наши жили так: куда скотина — туда и арат. Теперь не будет такого. Скот без корма не останется, и человек будет жить по-своему!» Гордые эти мысли заслонили невольную грусть разлуки с семьей, и чабан быстро зашагал к отаре.

«За ребяташек мне нечего теперь опасаться. Они с матерью — в селе. За ними присмотр надежный. А у меня одна забота: овец пасти, как зеницу ока беречь народное добро», — так думал Ондар, поглядывая на отару с пригорка. Заметив, что овцы из другой отары (их пас Монгуш Адар-оол) могут смешаться с его питомцами, он вскочил на Гнедка, горланно крикнул: — Эй, хо-хо-хой! — и помчался в сторону пастбищ, которыми распоряжался его сосед. Немного погодя, уже шагом, снова поднялся на холм, стреножив коня. Затянулся трубкой, не переставая думать о своем:

«Овцы не разбредутся, пожалуй. Тут есть с чего жирку нагулять. По Алашу поля орошаемые, урожай богатый, не меньше, как по 20—25 центнеров с гектара соберут нынче. Если по-хозяйски управятся, потерь не допустят, тогда и хлеб — в закромах, и овцы подкормятся на жнивье».

Стук копыт заставил Ондара удивленно обернуться. От опустевшей юрты к нему приближался верховой. Кто бы это мог быть и почему так спешит? Но вскоре Ондар разглядел всадника: это был его сосед, чабан Адар-оол. Даже не ожидая ответа на свое приветствие, тот начал:

— Па, Куртутбай! Что же это такое? Заглянул сейчас к тебе в юрту, а там никого! Ни жены, ни детишек нет. И пусто как-то... Разлучились, выходит? Что, один будешь жить — как перст? Уваа, чудно как-то, — качал головой сосед, закуривая. — Я и то подумал, что это за машина сегодня фырчала, разворачивалась... Куда же она? К матери? Или... Да... Дела...

— Дела... — в тон ему ответил Куртутбай, с трудом удерживаясь от смеха. — Теперь уж так ведется: не понял вовремя, что человеку надо, поневоле пеняй на себя. Надоело моей по кочевкам мыкаться, юрту со всем добром четыре раза на году перевозить, детишек зимой морозить. Села да уехала, а что я скажу? Посадил на первую попугную машину да и отправил. Холостяком остался, один теперь...

— Выходит, и впрямь разошлись. Вот беда-то какая! — не на шутку забеспокоился Адар-оол. — А что если и моей такая блажь в голову придет? Тоже ведь, поди, только и мыслей, что пожить бы в селе, к магазину поближе, к школе, да к

больнице...— от волнения он даже вскочил на ноги, хотя оба уже удобно устроились на плоской вершине холма.

— Бросит меня и все,— уже совсем обеспокоенно продолжал Адар-оол,— вот и будем с тобой торчать тут, как два одиноких пня. Как жить-то нам, без детишек, без жен?..

— Трудно, конечно, — согласился Куртугбай. — Тоскливо. Поверишь, нет: я выть был готов, когда моя Таисья с детьми уезжала. В глазах потемнело, ни юрты, ни овец не вижу...

При этих словах Адар-оол покачал головой и, заткнувшись дымом, тихо произнес:

— Ты сильный, мужественный человек,— и с затаенным интересом стал ждать, что еще скажет сосед.

— Да пошутил же я, чудак ты человек!— рассмеялся вдруг Куртугбай.— Никто у нас никого не бросал. Ты послушай лучше, что я тебе скажу.

— Ийет-ийет, слушаю, говори...

— Про пленум обкома партии слышал, конечно? Ну и в газетах читал... Вчера собрался актив нашего отделения: дарги, сельский Совет — все, и говорилось на том активе, чтобы нашу жизнь — вот таких, как мы с тобой, кочевников поневоле живогноводов, — в корне изменить.

— Читать-то читал,— смутился Адар-оол,— и слышать много привелось разговоров, а вот, какие тут могут быть изменения, толком не пойму.

Он с нетерпением ждал подробного разъяснения, и Ондар не пожалел слов. Наконец и Адар-оолу стало понятно, почему Таисья переехала в село.

— Так это ж... замечательно! — воскликнул сосед.— Вот обрадуются моя жена и ребятишки! Перевезу-ка я их тоже в поселок, а сам останусь совсем как ты, на холостяцком положении,— он улыбнулся и, чуть помолчав, продолжал: — Это ты верно говоришь: чем лучше живет чабан, чем больше о нем заботятся, тем больше он сам об отаре будет заботиться, а значит, и скот сытей будет, и прирост больше...

— Верно, Адар,— поддержал Куртугбай.— Вот я и решил попробовать эту самую сменную пастьбу. Знаешь, с кем? С Маадыр-оолом, сыном Лопсана. Пять дней пройдет — он сюда придет, а я — в село. Нам бы еще одного человека на осеннее время надо. Может, ты, Адар, пойдешь в наше звено?

— А что? Мы с тобой давно друг друга знаем, отары по соседству пасем. Только вот как с семьей быть... Пятеро ведь нас, с детьми вместе. Куда я их? У меня в поселке крыши нет.

— Стоит ли об этом печалиться? В Кужурлуг-Хову мой зимник стоит, изба готовая. Вот туда и перевез бы семью. Мы-то вдвоем до холодов и юртой обойдемся, а они там побудут. Не хочешь в мою избушку — договорись с другими.

чабанами, мало ли пустых зимников! А в Алдан-Маадыре, сам знаешь, дома строятся. Со временем совхоз и тебе выделит квартиру.

— Это уж куда лучше. Детей, жену в поселок отправить — да это ж гора с плеч! Сейчас домой поеду, расскажу своим. Это же — всем новостям новость! — с радостью заключил Адар-оол и вскочил на коня.

Спустились сумерки. Они скрыли всадника, только слышен был топот копыт.

«Ишь, как сгрудились... А вон те уже лежат, жуют свою жвачку, — приглядываясь к овцам, подумал Ондар, — пора им на ночлег». Он закричал громко: «Чучу-чучу!» — и отара пришла в движение, неторопливо потянулась к аалу. У алаашской канавы чабан остановил овец на водопой. а затем, все так же не торопясь, погнал их к кошаре. Закрыв животных на ночь, зашел в юрту. И вот здесь растерялся. Не знал, за что и приняться: тоска по жене и детям охватила его.

«Как они там? Устроились? Старшенькие, поди, прибежали из интерната, помогли матери... Да в школу-то успели, нет ли?..» — тут же успокоил себя: «Все там в порядке, мать ведь с ними». Наклонился к железной печке, чтоб растопить ее и приготовить ужин, как услышал: в кошаре заблеяли овцы.

«Что там стряслось?» — с тревогой подумал Ондар и вышел. Какой-то человек привязывал лошадь к коновязи. Когда, смачно высморкавшись, приезжий направился к юрте, Куртугбай узнал в нем Адар-оола.

— Слушай, а я уже своей рассказал. Ох и обрадовалась! Не успел чаю напиток — к тебе отправила. «С кем еще пасти, как не с Ондаром, — говорит. — Езжай, мол, скорей, скажи ему, что согласен». Вот я и прискакал к тебе, — и Адар-оол принялся снова за курево.

— Оо, славно получилось. Заходи в юрту, посидим, — пригласил Ондар, а сам направился к овцам. Обошел вокруг отары и вернулся в юрту.

Адар-оол с удивлением оглядывал юрту. Рассмеялся, бросил окурочек в большое, алое, еще ничем не закрытое отверстие гудящей железной печки.

— Ну и простор у тебя! Не верится даже. И тишина. С ума можно сойти от тоски, верно, Куртугбай?

— Еще бы, эжим. И не говори, друг. Опечалился я было, как проводил своих. Но понемногу взял себя в руки. Ничего! Скоро привыкнем, — и хозяин занялся приготовлением ужина.

Пили чай с далганом, после подкрепились супом и до поздней ночи беседовали, как лучше устроить новую жизнь чабанов. Потом Куртугбай проводил друга домой, еще раз осмотрел отару и только тогда вернулся в юрту. Многое исчезло из нее, но самое необходимое все же осталось на месте.

Железная кровать, посудный шкаф, латунная чаша, два ведра, топор, пила, седло, старенький войлочный коврик, керосиновая лампа, кое-какая посуда... Предусмотрительная Таисья и мешок муки оставила, и бидон с молоком, а на крюку висела задняя часть барана. Да много ли надо одному человеку?.. Ондар не спеша разделся и лег, подумав: «Вот и первая холостяцкая почка настала...» — и тут же уснул.

Так прошли пять дней. Его смена кончилась. Вот на попутной машине приехал Адар-оол.

— Экии, эш Куртугбай! Все ли у тебя в порядке?

— Экии, эжим. И сам здоров, и овцы целы. Как в аптеке на весах, — улыбнулся чабан, довольный, что к месту вспомнил слышанную как-то шутку. И тут же засыпал своего сменщика вопросами:

— Из поселка? Что там новенького? Как моя Таисья? Устроилась? Все ли они здоровы? Что ни говори, пять дней я их не видал...

— Что новенького, говоришь? Есть кое-что, конечно. О сменной нашей пастыбе разговор с языка у людей не сходит. Как, дескать, все это будет на деле? Сомневаются некоторые: как, мол, пасти одному, как обходиться без семьи... Партийное собрание было... В повестке дня — этот же самый вопрос. Тебя, говорят, там в пример ставили.

— Открытое собрание, говоришь? Уж моя Таисья не утерпит, непременно прибежит. Да ты говори, говори, как она там?..

— Перед тем, как ехать сюда, нарочно к твоим заскочил...

— Да не тяни ты! Выкладывай уж сразу.

— Дом вам дали добротный. Не верится даже: пять дней назад узлы таскали, а сейчас — словно давным-давно все обжито. Предложи сейчас свей Таисье обратно переключать сюда, — откажется, пожалуй. Я слыхал, старики теперь так говорят: если корень оседлости пошел вглубь, значит, никаким бурям его не расшатать. Да ты сам увидишь. Езжай быстрее. Машина ждет.

— Не торопись, друг, сейчас останешься тут полным хозяином, — с усмешкой сказал Ондар. — Сперва принимай, как говорится, дела: отара в целости — 350 голов. За пять дней никаких потерь. Считать будем или так примешь, эжим?

— Верю и без счета, — весело бросил Адар-оол. — В конце месяца подведем итоги, отвечать-то поровну придется. Езжай скорей. Женушка, небось, заждалась тебя, ха-ха-ха!

— Наскучается, так пуще любить будет, — тоже со смехом сказал Куртугбай. Прихватив из юрты большую черную сумку, он перервалился через борт машины. Из кузова виднелась его голова.

— Адар, — окликнул он сменщика, — а про твоих-то я и

забыл спросить. Где они — на зимнике или тоже в поселке? Ты сильно-то не расстраивайся: прежде мы уходили в тайгу белковать или зверя дикого добывать — и на месяц, и на два... А ничего, живы оставались. А уж пять дней — куда ни шло!.. — но тут машина, урча, тронулась с места.

«Любовь... Сила большая...» — подумал Ондар, покачиваясь в кузове. И вспомнились ему сороковые годы.

...Жаркое лето. В Чайлаг-Хаваке это было, в долине Хольчуктуга. Собрался тогда молодежный хурал. Молодежный, а пришли и старые, и малые — со всей округи. Много было девушек. С одной из них и познакомился. Сама ростом небольшая, полненькая, а косы — каждая не тоньше детской руки. По душе пришлось ему эта девчонка... И вот уже много лет живут они с Таисьей, семерых детей она ему родила. И нет, кажется, в окрестностях такого места, где бы ни ставили они свою юрту. В кочевой жизни всякое бывало. И сладкого, и горького нахлебались... Только горького-то, ох, как много!.. «Дождались и мы новой жизни, теплого жилья, — думалось Куртугбаю. — Это и означает постоянную заботу партии о народе, выполнение ленинского наказа сделать счастливой жизнь для всех трудовых людей. Большую-то заботу можно ли хоть вообразить себе? Пожалуйста, Куртугбай с Таисьей, живите в теплом, светлом доме, детей растите, все у вас для этого есть, а на заботу — работой ответите, сыт и здоров будет скот...» — мысли, как волны, текли. А дорога уже подходила к концу, вдали показался Алдан-Маадыр.

Шофер высадил Куртугбая у конторы.

— Тут тебе недалеко, — сказал он.

Чабан, помахивая черной сумкой, направился к новому дому. И вправду, недалеко, а идти пришлось долго. Жители села, как нарочно, один за другим здоровались с ним. Останавливали, заводили разговоры: откуда приехал, где был, будто и не знали. Куртугбай понимал, что на самом деле хотят узнать от него эти люди, хоть и не до того было: спешил к детям, к Таисье, старался отвечать подробно каждому. Вот уж, кажется, больше никого на улице не видеть, — так нет, сзади кто-то еще окликает:

— Э-эй, Куртугбай!

Он оглянулся на голос и увидел Монге-Назына. Куртугбай повернул назад, еще издали поздоровался с управляющим.

— Докладывать будешь. О первом опыте пятидневной пастьбы доложишь партбюро, рабочему и сельсовету. Поделисься, как справлялся с работой в одиночку.

— Зачем же доклад, дарга? Как смогу — так и расскажу, только давай без доклада.

— Ладно, не в названии дело. Пусть будет информация, разъяснение, что ли. Но учти: народу много соберется, почти

весь актив нашего отделения совхоза, так ты продумай свое выступление. Как его построить, о чем прежде сказать — ты ведь первый в хозяйстве ступил на дорогу оседлой жизни, начал сменную пастьбу.

— Понимаю, дарга... Домой бы сходить ненадолго, а там уж в контору, вы мне все и объясните, как о чем говорить.

— Э-э, нет. Подсказывать тебе не намерен. Как сам понимаешь, так и говори... А посоветоваться захочешь — иди лучше к парторгу Дагбышу.

— Хорошо, дарга, я с ним посоветуюсь. Байырлыг! — и только он двинулся с места, как Монге-Назын снова остановил его:

— Стой, эжим! Думаешь, твой «аал» в какую-нибудь подслеповатую избушку переселился? Нет, тебе новый дом дали!

— Слышал, слышал, дарга. Только где же он, мой дом? — переспросил Куртугбай. Адрес он уже знал от шофера, но лестно ведь и еще раз услышать, от самого дарги.

— Вон, где все новые дома. Кара-Дагская, 2. У нас таких восемь домов построено.

— Спасибо! — удовлетворенно сказал Куртугбай, и снова его широкая спина замаячила вдоль улицы.

«Первопроходец», — вспомнил непривычное слово Монге-Назын, глядя ему вслед. Да, первопроходцем хорошего начинания представлялся сейчас чабан управляющему отделением. И хотелось от души ему пожелать доброго пути — чоруун чогузун.

Вот и Кара-Дагская, 2. На всякий случай Куртугбай прочитал надпись на только что прибитой к стене табличке. И дом весь был такой же свежий, только выстроен. Все тут такое, все восемь одинаковы, только наличники на окнах по-разному вырезаны и покрашены. Под окнами, в палисадниках, за тонкой штакетной оградой, шелестели поблекшей уже листвой тополя. Каждое дуновение осеннего ветерка чувствуют!.. Куртугбай снаружи, за кольцо, поднял задвижку, открыл калитку...

Дома ли Таисья с маленькими?.. Он ступил на чистый, ухоженный двор и огляделся по сторонам.

«Ага — вот дровяник, а коровник вон стоит... Кладовка... Вон и еще одна пристройка, тоже нужная», — усмехнулся чабан. Заметил натянутые через двор веревки: выстиранное белье висело на них, по цвету, по размеру он сразу узнал вещички своих семерых, угадал, кому что принадлежит. Не стал сразу заходить в дом: чтобы успокоить волнение, решил еще немного походить по двору. Пригляделся к поленницам дров: ого, ближняя уже далеко до верха не доходит. Пожалуй, маловато топлива. Ничего, за пять суток много можно заготовить...

Вошел в сени. Придирчиво, словно санитарная комиссия, осмотрел кладовку. На стене висели уздечки, подпруги, седла.

Тугие мешки, стоявшие вдоль стен,— в них хранились мука, тараа и всякое зерно — напоминали каменных баб в степи. Тут же висели баранья туша, осердие, и отдельно, в тазу, кругами лежали тщательно промытые кишки...

«Ждут меня»,— с удовольствием отметил Куртугбай и, распахнув двери, наконец, переступил порог своего нового гнезда...

Он никак не мог ожидать, что никто не встретит мужа и отца. Но в доме было пусто. И куда только все разбрелись? Ну, дети — понятно: может, играть побежали, а может, рыбачить на речку ушли или облешиху собирать, вон ее сколько, целые заросли сразу за поселком. Но где жена? Неужели не позаботилась о муже в день его приезда? Хоть приготовила что-нибудь из еды? Он же голодный с дороги, должна она это понимать! Чувствуя все возрастающее раздражение, Куртугбай заглянул в буфет. Посуда блестела. Горки румяных боова и боорзаков возвышались на тарелках. На плите стоял горячий чай. Хозяин, еще раз оглядевшись, решил, что не лишним будет пока побаловаться чайком. Попивая душистый, щедро, по-таисьиному, забеленный молоком чай, немного успокоился. Снова стал оглядывать кухню, коридор... Понравилась хитрая русская печка с плитой: и тепло дает, сушилочки вверху всякие понаделаны, и готовить хорошо, просторно.

В коридоре его внимание привлек шифоньер с зеркалом. Большое, как раз в рост человека, оно отразило его всего, и чабан устыдился своего пропыленного, совсем не домашнего вида. Критически осмотрел себя, провел рукой по щекам и подбородку... Нет, в баню, в баню надо идти первым делом да щетину сбрить, иначе — какой он этому дому хозяин?..

А дом состоял из трех комнат. Вот здесь ребяташки живут: кровати небольшие, железные, с панцирными сетками. Каждому по росту. Для маленьких — повыше, и по бокам тоже сетки, только веревочные, голубые да зеленые. И все плюшевыми одеялами заправлены. Подушки взбитые... Это он помнит, как Таисья чуть не с каждой полочки всякого добра накупала, а он только дивился: ну куда им столько?.. А теперь — на каждой стене по ковру, теплей будет, да и по всему полу в этой комнате ковер расстелен. Игрушки на нем... А в проходной комнате еще красивей: тут уж ковер приметный, помнится, сотни две стоил, на нем — круглый стол, в одном углу друг на друга поставлены два аптара, украшенные ярким узором... А замки-то, замки какие хитрые! Вставишь ключ — тоненько-тоненько знакомый напев звучит... Вот швейная машина. Вот стиральная. А вот и радиоприемник на ножках, с проигрывателем, вон и пластинки лежат!.. Это уж, наверное, старшие дети у матери выпросили. Вспомнилось, что в кладовке висел новенький велосипед. А чемоданов не меньше десяти штук. Да не какие-нибудь фанерные — новень-

кие, тот пестрой клеенкой поблескивает, этот — из материи в крупную красную да зеленую клетку... По старой традиции большинства тувинских семей чемоданы были составлены горкой, меньший на большем и так до самого крохотного. Зачем их столько? Ведь не придется же больше кочевать... А дети же растут, поедут учиться — пригодятся чемоданы! Да и самим, может, еще дороги предстоят — есть же на свете такой поезд «Дружба», один знакомый чабан, старик уже, ездил — по всему Союзу!..

Ондар продолжал разглядывать свое жилье. Полы, рамы, косяки, двери — все покрашено, так и блестит. На окнах новые белые тюлевые шторы...

«Уваа, да ведь я же все эти вещи и раньше видел. Все до единой! Но казалось: вот, только деньги даешь на покупки, а пользы от них никакой нет. А как собрали все в одно место — вот и видно, что наша семья достаток имеет. Приходи, кто хочет, смотри, убеждайся, каково живется тувинскому арату в Советской стране! Вот она, ленинская-то национальная политика, о которой на собраниях говорят!» — гордо выпрямился перед зеркалом Ондар Куртубай и, уже не обращая внимания на свой запыленный вид, принялся отплясывать что-то, только ему одному известное... Так и застала его вошедшая в дом Таисья.

— Па! Опомнись, старый! Перед кем это ты так выкаблучиваешь! Ха-ха-ха!.. — так и залилась она, обнимая мужа.

Все тревоги Ондара как рукой сняло, теплом долгожданным овеяло его душу.

— Когда приехал? Поеть-то успел уже? Нашел, что где лежит? — заботливо расспрашивала Таисья, заглядывая ему в глаза.

— Сытехонек, сарыым, чаю с боовой напился. Хорошо так-то — приезжать на все готовое! — Ондар обвел рукой дом и все, что увидел в нем. — Значит, ждут тебя!

— Рассказывай, как у тебя дела? Целы ли овцы? Тяжело, поди, одному? — спрашивала Таисья. И ему вдруг захотелось назвать ее полузабытым с юности именем — не Тасей, как соседки зовут, а нежно, по-своему — Тая...

— Не в работе трудности, Тая, — в другом. Тоскливо одному, вы не выходите из головы — ты да ребяташки, — он обнял жену, прижал ее голову к своей груди и прикоснулся к волосам.

— Да будет тебе! — зарделась Таисья, слегка оттолкнув от себя мужа. Повернулась к зеркалу, стала поправлять волосы. Глаз не мог оторвать от жены Ондар. В чистоте, в тепле домашнем посвежела она. Гладкая прическа ей к лицу. Щеки ни дать ни взять — спелая клубника. «Царица, да и только!» — подумал чабан и начал расспрашивать о детях.

— Как устроились, сразу четверых — Эртине, Чечена, Чезекму, Любу — отвела в школу.

— Уваа, Таисья Дамдыновна, или боялась, что твои деточки заблудятся? Как им, интернатским покою веку, дороги в школу не знать!

— Что ты, Ондар! Самой захотелось там побывать. Школа-то и больница совсем рядом. А учителя как обрадовались, когда узнали, что насовсем мы переехали сюда! Руки пожимали, поздравляли... — оживленно рассказывала жена.

— Охаай! Здорово все получилось, а?

— Лучше не надо. Четверо учеников у нас, с первого по восьмой класс, и все теперь дома живут. А малышки — Лариса с Людмилой да Люмирочка — целыми днями играют в детском садике. Там и ясельная группа есть... — счастьем так и светились глаза Таисьи.

«Похорошела, помолодела жена, — думал Ондар, — с одной стороны, это хорошо. С другой...» Отгоняя от себя тревожные мысли, спросил:

— Что же, Тая, детишки в школе да в садике, а сама чем занимаешься без них? Первое время, понятно, устраивалась, а сейчас? Скука не заедает?..

— Что ты, Куртугбай! Когда мне скучать! Я на работу поступила. Техничкой в сельский Совет. Да и по дому дел много. Семеро ведь, всех накормить надо, следить, чтоб чистые были... у одного пуговица отлетела, у другого еще что-нибудь... Уроки тоже готовят — думаешь, их проверять не приходится? Сам знаешь, не только школа — мы, родители, тоже должны своих детей воспитывать.

— Верно, Таисья. Это наш долг. Вот партия и позаботилась, чтобы мы могли этот долг выполнять, сами своих детей воспитывать. Теперь у них и учеба, и дисциплина подтянется, — Куртугбай, продолжая разговор, взялся было за трубку...

— Постой, постой, — заторопилась Таисья. — Не дыми, тут тебе не юрта. На-ка лучше вот, как их называют, си-сигареты закури. От них дыму меньше, занавески коптились не будут. Я и еще для тебя кое-что купила, — и она подмигнула мужу. — В магазин в селе такие хорошие товары возят!.. Я пошла-то туда за простынями, пододеяльниками. А купила еще тебе рубашки — белые, из этого, как его — нилона, чтобы ты их с галстуком носил. И галстук тоже припасла. Как-никак, ты теперь дарга целого звена, тебя на собрания приглашать будут, — снова рассмеялась Таисья.

— Спасибо, женушка, — сказал Куртугбай. — Все у тебя под рукой. А если б продолжали мы кочевать, не видать бы нам ни яслей-садилов, ни магазинов. К ребятишкам в школу в кои-то веки, бывало, выберешься, а приболеешь — из боль-

ницы помощь пока к тебе доедет... Вот что значит оседлая жизнь.

— Вот, возьми-ка белье чистое, одежду,— между тем говорила Таисья, наклонившись над полками шифоньера.— В машине стирала, электрическим утюгом гладила!— в ее голосе слышалась гордость.— В баню сходи. Да подстричься, побриться не забудь: ишь, как оброс!

— Такого заросшего, поди, и к себе не подпустишь?

— А ты думал? Ни за что!

И оба они расхохотались.

ГЛАЗА ЧЕСТНОГО ЧЕЛОВЕКА

Уже в течение многих лет прозаик Михаил Иванович Пахомов работает над широким повествованием о судьбах трех поколений хемчикских аратов в новой Туве. Первая книга вышла в Тувинском книжном издательстве в 1972 году под названием «Утро древнего края». Сейчас продолжается работа над второй, отрывок из которой предлагается вниманию читателей.

Вы встретитесь с героями, уже несколько изменившимися: ведь со времен, описываемых в первой книге, и до того дня, на котором раскрываются для вас страницы второй книги, прошло несколько лет. В последней главе «Утро древнего края» родные и друзья провожали Самдана на учебу. Теперь же мы видим его уже молодым партийным работником, его жена Сенди стала учительницей. Женился на девушке по имени Долумажан и тоже уехал учиться белозубый Таржа, сын старого коммуниста Бюрюкея. Внезапно потерял жену отважный партизан и энергичный председатель юного колхоза «КИМ» Кара-Сал Аракчаа, и в его юрту, чтобы заменить мать осиротевшим детям, вошла много испытавшая в жизни Ошку-Саар. Но обрела ли она и здесь покой и счастье? Ведь ее легкомысленный сын Саин, озлобленный на народную власть, совершил вместе с дружкойм Бапыном преступление и отбывает наказание... Каким вернется он домой, как перенесут беду Ошку-Саар, сестры Саина Матнаа, Серен и Хургулук, как дождутся возвращения Бапына его мать, старая «партийка» Дарыкмаа, и сестра Сенди, та самая учительница, жена Самдана? Как сложатся их дальнейшие судьбы?

Об этом расскажет нам автор в публикуемом здесь отрывке.

Самдан квартиры не имел и жил в своей юрте, благо, было совсем недалеко от хошкома. В тот воскресный вечер он, Сенди и их Володя пришли проведать бабушку. Дарыкмаа была рада: кто для старой женщины может быть дороже дочери, зятя и внука? Но чем могла она угостить их, кроме чая с лепешками да жареного проса и сквашенного молока — хойтпака? На дворе только корова с теленком, да зерна немного — выделил колхозный председатель.

За чаепитием и невеселой, но дружной беседой время катилось незаметно. Над жаром тлеющих в очаге углей в полуоткрытое ореге заглядывали смеющиеся звезды. Володя косолапо переходил от матери к бабушке, мостился к ним на колени, либо по привычке взбирался на плечи отца, садился ему на шею и понукал воображаемого «скакуна».

— Бедовый стал! — восхищалась старая Дарыкмаа. — Бабын рос не таким. Ко взрослым никогда не приставал. Появись люди, он тут же заберется куда-нибудь в уголок и сидит, ковыряет пальчиком узоры кошмы, а то землю гвоздиком либо палочкой копает. Старик, бывало, шутит: «Канавы будет рыть!» А вот и ошибся!..

Раздался легкий скрип двери, и порог перешагнул Бабын.

Почти все в один голос (не считая маленького Володи) необычно громко приветствовали вошедшего. Бабын глухо ответил и остался у порога, пригнув голову.

— Проходи, садись, акым! — в замешательстве пригласила Сенди, освобождая место у очага в центре юрты, передвинулась ближе к Самдану.

Дарыкмаа тоже приподнялась с пола и присела на орун, чтобы очистить проход, сказала:

— Иди, садись, сын. Чего стоишь? — и тихо заплакала: почти полгода не видела, а обнять при встрече не посмела — только что из тюрьмы, с добром ли пришел? Недаром в народе говорят: «С плохой родней аалу позор, с плохим дитем — юрте».

Бабын продолжал стоять. Казалось, колебался: от сердца ли приглашение? Может быть, ему совсем даже не рады и не вернуться ли да не выйти за дверь? Не ожидал, что именно в такое время и при таких обстоятельствах увидит Самдана. А встречи с ним очень хотел! Всю дорогу, пока добирался от Кызыла, думал о ней. Освободившись из тюрьмы, знал, что Самдан уже дома. Ох, как хотелось с ним повстречаться и поговорить по душам! Много надо было рассказать с глазу на глаз, услышать доброе слово. Но в Кызыле не довелось. И вот она, эта желанная встреча! Да. Но обстановка совсем не для душевной беседы, и место неподходящее. К тому же

Бабын не знал, как еще отпесется Самдан к его появлению в юрте: ведь могло быть, что он и сам теперь тут живет на правах хозяина...

Тяжелые мысли прервал Самдан:

— Ну, чего же стоишь? Проходи и садись. Не в гостях ведь!

Будто оттаяло на сердце. Бабын, подобрав полы старой армейской шинели, обошел пылавший очаг и опустился на пол, подогнув под себя ноги.

— Досрочно? — спросил Самдан, подавая пачку «Борцов». — Закурим!

— Да, — тихо ответил Бабын, беря папиросу.

— И Саина освободили? — поинтересовалась Сенди.

— Да, и его тоже.

— Совсем? — не утерпела мать.

— А то как же? По чистой, — уже смелее проговорил Бабын.

Самдан смотрел на шурина и дивился: будто не в тюрьме, а в армии опять служил: опрятный да сытый, как молодой барашек. Не так давно бритая круглая голова густо обросла черными, как смола, волосами, над темными глазами дыбились кустики бровей, под ширококрылым носом плотно сомкнуты тонкие губы. Самдану показалось, что и физически Бабын возмужал, как будто все это время был на воле.

— Чем заниматься пришлось? — спросил.

— Все было. Но больше на лесозаготовках. Плоты гоняли.

— То-то и выглядишь молодцом.

— От работы не уклонялся. Режим не нарушал. Кормили хорошо. На лесозаготовках о тюрьме, вроде бы, даже забывается.

— Даже понравилось? — с улыбкой спросила сестра.

— Что ты, дочь! — испуганно замахала на нее Дарыкмаа.

— Да нет! Люди говорят: «Крепка тюрьма, да черт ей рад!» На воле все-таки лучше.

— Ну, а как Саин себя чувствует? — поинтересовался Самдан.

Бабын поглядел на зятя и как-то нехотя ответил:

— У него самого бы спросить... Он, кажется, по-другому на все смотрит. Его ведь и там больше под замком держали. Я думал, что амнистия его и не коснется. Но, смотрю, и он домой собрался. Только это не очень его, видать, обрадовало.

— Неужели урок ничему не научил? — спросил Самдан.

— Трудный он человек, — уклончиво ответил Бабын. — Давай-ка, еще твоих закурим! А как вы тут живете? — переменял он тему разговора...

— Трудный, говоришь, сын? — продолжила мать разговор о Саине. — Ты что же, только теперь прозрел?

— Да нет. Еще на суде. Вернее — сразу после суда, — уточнил Бапын.

— Как же это случилось? — поинтересовалась Сенди. — До преступления вы с ним разве мало дружили?

— Дружили? — переспросил Бапын. — Не дружили, а пьянствовали, ты хочешь сказать?

— Пусть так, — вмешалась Дарыкмаа. — И все-таки тогда ты его не понял, видно... Разные у вас с ним корни, а вы подросли и ветви свои соединили. Вот и все понятие. Хорошо, хоть люди помогли тебе разобраться в таком «друге». Ты же старше его! Слышал старую пословицу: «Щенок наестся и на хозяина лает, а сын иной вырастет — и на мать кричит»? Вот он как раз такой. Когда его отца убили, он мать свою совсем не слушал — даже бить налетал!..

— Да это-то все я знал, мама. Хотел помочь ему исправиться, но сам попал в его лапы. А они у него, как я потом понял, волчьи. Он все ненавидит и готов всем мстить ... за отца. Это пострашнее, чем твой щенок!

2.

Саин, приехав в колхоз, к своей матери зайти не захотел: ему было известно, что живут они — мать и сестры — вместе с Кара-Салом. Породнились с убийцей его отца! Как же он мог повидать их в юрте ненавистного человека?!

Переночевав у знакомого колхозника, он пошел в хошкооп узнать, не найдется ли какой работы. Считал себя достаточно грамотным, но согласился бы работать даже сторожем, пастухом закупаемого скота, погонщиком верблюдов: кататься до Кызыла и обратно с грузом, продуктов навалом, спи сколько хочешь! И от колхоза подальше!

Рождение этого колхоза в воспаленном мозгу Саина сливалось с убийством его отца, с конфискацией скота у таких добрых людей, как Баазан, который приютил было сироту, но и его срубили под корень... Надо было бы жить где-то вообще подальше от этих колхозов, которыми руководят всякие там кара-салы, где постоянно маячит на глазах тот, кто выследил их с Бапыном, и они попали в тюрьму... Бюрюкея Саин не переносил. Ему постоянно казалось, что ненавистные глаза старика преследуют его всюду.

У хошкооповских построек, занимавших квартал в центре будущего города, было суетно, как на ярмарке (в тюрьме Саин слышал о таких торжищах в Кызыле). Там и тут дремали

веревницы привязанных один к другому выючных быков, лошадей, верблюдов. Это были караваны из торговых палаток хош-коопа в сумолах: привезли заготовленное сырье и зерно, а обратно готовились увезти товары. На обширном дворе внутри торгового квартала рядами стояли фургоны, сапи, плуги, сеялки, бороны, предназначенные для колхозов — в кредит и за наличный расчет: громоздились целые горы порожних коробов для упаковки и транспортировки битой дичи — куропаatok, глухарей, рябчиков, мяса диких животных.

Саин смешался с работниками кооперации, покупателями, руководителями колхозов, приехавшими отбирать кому что надо, и дивился: люди о чем-то заботились, спешили, вели деловые разговоры, смеялись и радовались чему-то. Ему это было непонятно, ничто его не интересовало, не радовало. В этой, в общем-то, деловой и веселой сутолоке он чувствовал себя посторонним.

— Вернулся, оглум! — услышал хриплый голос и вскинул глаза: перед ним стоял Чамзырай.

— Экий, дарга! — только и успел сказать, низко поклонившись, Саин, как председатель хошуна строго буркнул:

— Иди за мной и слушай! — сам, заложив за спину руки, вразвалку побрел со двора.

Саин молча последовал за ним, напрягая слух.

— Зачем тут толкаешься? — начал Чамзырай. — Не вздумай опять за свое взяться! Напъешься, чего-нибудь снова вытворишь — и опять за решетку!

— Я бросил, акым! — вставил Саин, шагая сзади.

— То-то, бросил. Я за тебя поручился, пообещал, что в колхозе будешь. Вот и освободили досрочно. А ты здесь пляешься. Бездельников тут и без тебя хватает...

До самых дверей дома, где помещалось хошунное управление, шел Чамзырай, ни разу не оглянувшись на Саина, который следовал за ним, как бычок на веревочке, и все говорил, наставляя парня на путь, который, по его словам, был самым верным.

Как темдек Кас (тавро, выжженное каленым железным клеймом на стегне лошади), отпечаталось в воспаленном воображении строгое предупреждение хошунного дарги: «Не попадись опять на зубы тому старому волку!» Саин знал, кого так называл его духовный наставник. При упоминании о ненавистном председателе партиячейки колхоза Бюрюкее у него по спине пробегали мурашки и темнело в глазах: на старика он был зол не менее, чем на Аракчу и Самдана. Все, что говорил Чамзырай, удивительно подходило к его настроению. Но он не понимал, как это удастся ему хотя бы для вида помириться с Кара-Салом (придется работать в колхозе — нельзя же вое-

вать с его руководителем!) и согласиться с предательством матери, сестры: живут в одной юрте с убийцей его отца?!

У двери председатель хошуна обернулся и сказал:

— А теперь — з колхоз. Здесь тебе пока делать нечего. Сначала обратись там к бухгалтеру Адар-оолу. Он поможет во всем. До свиданья!

3.

С Бапыном Саин встречаться не хотел: еще в Кызыле почувствовал, что тот смотрит на него несколько свысока. Даже не скрыл удивления: «И тебя, — сказал, — амнистировали!» Саин понимал, что удивился тот не напрасно. Как-никак среди заключенных Бапына называли отличным работником и доверяли работать на заготовке леса без охраны, гощать плоты. А вот ему, Саину, такого доверия и уважения не было. Его часто упрекали своеволием и ленью. И вдруг — их освободили, как и осудили, вместе, да еще досрочно!

В колхозной конторе он застал одного бухгалтера. Молча остановился у двери, предполагая, что Адар-оол по старому обычаю поздоровается первым и пригласит присесть. Или уж прямо укажет на дверь. Но тот, взглянув на вошедшего, продолжал что-то подсчитывать, рассыпая дробь на счетах. Еще будучи начальником хошунного ВУОС, Адар-оол привык к новому порядку приветствия: первым здоровается тот, кто входит. И ждал, что Саин поздоровается. Но парень тоже молчал.

— Что скажешь, товарищ Саин? — спросил Адар-оол, будто не зная, зачем тот пришел, хотя только что звонил председатель хошуна.

— Дарга мне велел к вам обратиться, — проговорил Саин, уставившись на бухгалтера.

— Шапку полагается снимать. Не в кошару вошел. Садись вот сюда, к столу.

Саин молча стянул свой полумеховой треух, не поднимая головы, прошел к столу и бочком опустился на край табуретки. На нем была поношенная стеганая тужурка и такие же брюки, заправленные в широкие сморщенные голенища бродней. Адар-оол обратил внимание, что парень и теперь не научился вести себя опрятно: в ушах и на шее лоснилась засохшая грязь, такая же грязь широкими скобами темнела под ногтями пальцев.

— Отслужил, значит? — неожиданно спросил Адар-оол. Такую манеру он освоил, еще когда работал следователем: неожиданно заданный вопрос всегда производит сильное впечатление!

— Как это, дарга, «отслужил»? — недоумевал Саин.

— Чем думаешь заниматься? — продолжал тот допрос.

Саин пожал плечами, давая понять, что это решает не он.

— Жить будешь в своей юрте. Мать ее хранит для тебя. Бери и ставь. Рядом с ними. Рядом. Понял? — спросил Адар-оол. (Саин молча кивнул.) — Так надо. Понимаешь? А работать пока будешь со мной. Моя помощница на днях уезжает.

— А как же председатель колхоза?

— Это не твоя забота. Только условие: заешь — выгоним без разговоров. Грязные копыта обстриги. Отмойся как следует. Не павоз перекидывать лопатой. Понял?

— Да. Понял, дарга, — ответил парень, не шевелясь, словно окаменел.

— Все. Иди устраивайся с жильем и завтра выходи на работу. До свидания! — напутствовал Адар-оол, устремив на парня немигающие серые глаза: его обычно бледное безбородое лицо ламы приняло землисто-желтый оттенок, тонкие губы вытянулись в синюю ниточку.

Саин молча поднялся с табуретки, нахлобучил на голову шапку и, не попрощавшись, вышел.

4.

Как и всякая бы мать, Ошку-Саар встретила сына слезами. Она знала народную мудрость: «Зверь в беде к тайге мчится, человек — к родне тянется». Куда же было деться ее Саину, пережившему такую беду? К кому, кроме матери, приклонить ему голову?! Ошку-Саар считала: раз досрочно освободили, значит, нашел, наконец, себя. Стал опять таким, каким был для нее до трагедии их семьи в тридцатом году.

— Садись, сын! — пригласила она Саина, когда тот поздоровался, войдя в юрту.

— А где дядя Аракчаа? — спросил тот, опустив голову, не желая, чтобы мать по глазам видела, что творится в его груди.

— В хошун уехал. Да ты садить. Чего же стоишь? Ведь не в гостях...

Саин прошел в левую половину юрты и опустился на колени у очага, напротив матери.

— Сестренки где? — спросил.

— Матпаа на ферме, Серен — в школе. Пей чай, сын. Я сейчас поесть приготовлю. — И она пододвинула чайник, пиалу и тарелку с жареным просом и горкой густой сметаны.

Несмстря на голод — уж трое суток ничего, кроме чая, во рту не было, — Саина угощение матери не прельщало: все принадлежало Кара-Салу! Но голод оказался сильнее настроения. Парень с жадностью взялся за еду, испытывая все более

неукротимое желание досыта наесться мяса, куски которого мать уже опускала в котел.

— Совсем приехал, сын? — спросила она.

— Чего же. Досрочно на время не отпускают, — ехидно ответил Саин. — А к вам в юрту — временно.

— У нас плохо, да?

— Нашу юрту прошу. Или продали?

— Зачем же? Бери и ставь. Если с нами не хочешь жить. Далеко-то не увози. Питаться, поди, у нас будешь. Или сразу женишься?

— Невеста еще не выросла...

Беседа явно не клеилась. Ошку-Саар поняла, что сыну тягостно в юрте Кара-Сала, и даже обрадовалась, что согласился он жить рядом, в своей юрте: почти все время будет на глазах. Она не теряла надежды видеть в Саине сына, а не озлобленного чужака. Как известно, время — лучший лекарь для душевных ран человека. Надеялась, что исцелит оно и сына.

Не успели они пообедать, как в юрте появился Аракчаа, а с ним — старый Бюрюкей и Самдан.

Поздоровались и молча начали закуривать, хотя Ошку-Саар каждому налила по чашке чая.

— С приездом, значит, — не то спросил, не то утвердил Самдан, протягивая Саину коробку «Борцов».

«Дорогие курит. Богатую зарплату, должно быть, получает!» — беря папиросу, с завистью подумал Саин.

— Бабына вчера тоже встречали, — продолжал Самдан. — Исправился, видать, парень, — закончил он, обращаясь уже ко всем.

— Ударник! — обронил Саин.

— Что, что? — не понял Аракчаа.

— Ударник, говорю, даже в тюрьме всех чуть молиться на него не заставляли, — ответил Саин.

— Охалаай! — довольно протянул председатель. — И у нас для ударников работа найдется.

— Это очень хорошо, что исправился парень! — заключил Бюрюкей. — Не зря ведь в народе говорят: «Задние копыта идут по следу передних». Какие родители, такие и дети...

Слова старика Саин воспринял, как если бы на голые пятки ему плеснули кипятком. Круто поднялся и молча нырнул за кошомную полость двери. Оставшиеся в юрте посмотрели друг на друга. Потом Аракчаа сказал:

— А ты, акый, неудачно кинул эту поговорку: она ведь подходит тому и другому. У каждого были отцы, но шли по разным дорогам. Выходит, их сыновья тоже не должны идти одной дорогой. Партия учит, что дети за отцов не в ответе...

— Верно, — сказал старик. — Но поговорка касается не

только отцов. А у Саина есть и мать. Почему бы ему не следовать и по ее стопам?

— Хитер, старый, вывернулся! — засмеялся Аракчаа. — Но ведь чужая душа — потемки! Правильно ли понял парень твою философию?

— Да если бы и нельзя было вывернуться, как ты сказал, товарищ председатель, — вмешался Самдап, — Саицу эта поговорка не повредила бы. Пусть думает, если у него все еще темновато в голове.

Потом, спохватившись, встал и сказал:

— Да, что-то мы засиделись, товарищи. Надо идти. Народ, наверное, уже подходит. Собрание долго протянется.

— Партийное? — спросила Ошку-Саар.

— Да. Но, если хотите, угбам, приходите и вы. Первый вопрос о плане заготовок обсудим. — сообщил Самдап. — Могут все присутствовать...

5.

Лето было необычно длинным. Уже возвратились с промыслов на белку многие охотники, а в поймах рек и речушек, на длинных зальсынах ковыльных степей без снега изнывала застывшая земля. Темными бесформенными головами космачей тянулись к холодному небу окрестные скалы, спуская в низины свои темно-желтые бороды. Животноводам давно уже наступила пора кочевать на зимние стоянки, к обильным кормам, но там еще летом псеякли ручьи, а осенний снег так и не выпал. Чем поить животных? Да и самому скотоводу без воды — все равно, что без воздуха.

Малые речки позамерзли. Не сдавались только хлопотливые родники да седой в перекатах Хемчик, как и в знойное время года, гнал свои голубые воды среди серебристых кружев, припаявшихся к песчаным берегам.

Столь затянувшееся лето неласковым было и для колхозных рыбаков: будь снег на зимниках, их никто не удержал бы у реки. Но он не выпадал, и рыбалка продолжалась. Правда, невода на морозе уж ломались, как стекло, поэтому пришлось повесить их в склад до весны. Пользовались лишь станowymi сетями в затонах.

На пару со старым рыбаком Шагжи рыбачил и Саин. Несмотря на настойчивость Адар-оола, приучавшего парня к счетному делу, Аракчаа отправил его на рыбалку: пусть сначала узнает, почем фунт лиха, как сказал как-то заместитель председателя хошкгоона Луканов. Саин просился было в бригаду охотников, но Аракчаа не согласился. Понимал, что не следует чамьянова сына посылать в бригаду охотников еще

и потому, что у них, кроме самоловов на дичь, были и ружья. Свои опасения он, разумеется, оставил при себе, а парню сказал:

— Рыбалка — занятное дело. Там нужны смелые и сильные люди. Хемчик шутить не любит и дары свои кому попало не отдает.

Саин рассудил по-своему: на рыбалке будет вольготнее, поближе к еде и от начальства подальше. Безропотно согласился, хотя помнил наказ председателя хошуна держаться около Кара-Сала, но для чего — неизвестно.

Рыба ловилась хорошо. Шагжи говорил, что договор с хошкоопом на поставку рыбы будет перекрыт вдвое. Но в последнее утро вся поверхность затона оказалась сплошь покрытой ледяным стеклом. С восходом солнца рыбаки встали в долбленую лодку с обледенелыми бортами и, ломая зеркальную гладь затона, двинулись снимать сети.

Шагжи ритмично опускал в воду кованый конец шеста, и каменистое дно отзывалось мелодичным звоном стального хомуса. Долбленка врезалась в лед и медленно шла вперед. Саин стоял на носу лодки и с азартом заправского рыбака вглядывался в зеленую глубь заводи.

Так и резануло по сердцу, когда он вдруг увидел, что среди полавших в сеть крупных ленков и хариусов, вздымая облака донной пыли, молнией метнулось что-то огромное. «Уж не черт ли?» — толкнулось в голове, Саин вскинул руки и истерически закричал:

— Таймень! Почти с нашу лодку!

— Очень хорошо, сын! — живо откликнулся Шагжи. — Бери крюк и тяни его, пойдем к берегу!

Саин, балансируя в предательски закачавшейся лодке, как на канате, торопливо схватил шест — тыртпа — с острым железным крюком на конце, опустил его в воду, изловчившись, дернул что было силы, и в миг вылетел из лодки: раненый таймень так рванул, что парень не удержался — беспомощно барахтался в ледяной воде. Намокшая шуба стала для него опасней, чем сеть для тайменя.

Шагжи удержался в лодке, до половины залитой; осторожно, чтобы не опрокинулась, подтолкнул ее к Саину...

Шест с железным крюком в брюхе тайменя несколько раз показался над затоном, потом скрылся в пучине...

У старого рыбака на всякий случай в тайнике хранилась бутылка спирта, это и спасло Саина. Подал ему стакан неразведенного, Шагжи уложил напарника в юрте под шубу и кошму, а сам поплыл выбирать сети. Мятежный таймень на этот раз не сопротивлялся: тыртпа и сеть завершили свое дело...

Уже третью десятипудовую кадку заполнили рыбой. Мороз свирепел и даже днем покрывал затоны льдом. По стремнине Хемчика густо шла шуга. Сезон рыбалки пришел к концу. Улов надо было сдавать потребкооперации...

Как только вернулись в колхоз и сдали улов, Саин запил. Всем, кто пытался унять его и заставлял работать, — матери, сестре, даже бухгалтеру Адар-оолу — отвечал:

— Разве не знаете: я же простудился?! Мог даже погибнуть из-за вашего колхоза! Хватит!

6.

В хошконе партии подводились итоги предпраздничного соревнования. Самдан вывел сравнительные данные, из которых следовало, что колхоз «КИМ» идет впереди: вовремя справился с уборкой урожая, его охотники сдали хошкоопу более трех тысяч шкурок белки, сорок соболей, около двух тысяч куропаток, пятьдесят пудов рыбы. С итогами до заседания бюро ознакомились Тамба и Чамзырай.

Самдан предлагал переходящее знамя вручить «КИМу», но Чамзырай возразил:

— Как же это? Скот в зиму идет без сена. Много зерна разворовали. На рыбалке чуть человека не утопили. Аракчаа на все это закрывает глаза, и ему же знамя! Поймут ли нас, товарищи?

— Что ж. Обсудим на бюро, — сказал Тамба. — Товарищ Самдан, Кара-Сал на бюро будет?

— Да, дарга. Ему и секретарю партийке сказано, чтобы приехали.

— Хорошо. Значит, в шесть вечера, — заключил Тамба, и Самдан вышел. В своем кабинете он подобрал нужные для доклада документы и задумался: «И чего этот лама все копает? (Самдан про себя продолжал так называть Чамзыраю). Как только заходит разговор о колхозе, всегда дергает Кара-Сала. Конечно, Аракчаа за все в ответе — председатель. Но в других колхозах дела идут совсем плохо, а председатель хошуна будто не слышит и не видит!»

Приход Бюрюкея прервал его размышления. Постучав в дверь, но не ожидая разрешения, старик шагнул через порог.

— Здравствуй, дарга! — приветствовал его Самдан, поднимаясь из-за стола навстречу.

— Здравствуй, здравствуй, сын. Вызывали? Вот я заодно и членские взносы, и протокол собрания принес, — с обычной теплой стветил старик, пожимая руку Самдана.

— Хорошо, акый! — сказал Самдан, принимая уже отвязанный от пояса старика аадан — перетянутый ремешком

сверток бумаг в белом платке, на твердой фанерной основе. — Давай разберем, что полагается мне, а что — в кассу.

Передав документы и деньги, Бюрюкей опустил на табурет и начал закуривать свою трубку.

— У меня в партбилете ты распишешься, или можно Кара-Салу? — спросил, доставая из кармана гимнастерки красную книжечку, завернутую в голубой платочек.

— Давай, распишусь. На память.

— Да, да. Твоей подписи у меня еще нет, сып.

— Ну, как там у нас, к празднику все готово?

— Докладчика только нет. Или ты будешь? А так все уже приготовлено: портреты, лозунги. Сенди с девушками все мастерили.

— Девчата. А парней чего же не заставляете?

— Парни на работе, кто — где. А Саип, тот никак не проспится. К Долумажап что-то опять зачастил.

— Что, денег подбрасывает ему?

— Кто их разберет, что они подбрасывают друг другу.

— А Даржаа так и не знает, что Долумажап путается с Саипом?

— Как, поди, не знает? Я, правда, не сообщал: зачем расстраивать. Пусть спокойно учится. Но может, кто другой и сообщил. Друзья у сына не перевелись...

7.

До очередной годовщины Октября оставался всего один день. В школе готовился праздничный утренник для детей. Подарки были уже закуплены и хранились на складе у Бюрюкей. Старик, несмотря на то, что после отъезда сына на учебу продолжал жить с невесткой в Чаа-Суре, в доме хошунной школы, в сумонной школе обычно появлялся задолго до занятий. Но на этот раз его там не оказалось. Яндараа послал к нему на квартиру Суктера с запиской: если старик приболел и не сможет прийти, дал бы хоть ключи от склада...

Парень, воображая себя верхом на лошади, с места пустился галопом и вскоре исчез в кустарниках, обрамлявших берега Серебрянки. Прямая тропа вдвое сокращала путь.

— Башкы Долумажап сказала, — вскоре уже запальчиво рапортовал он, — что заведующий складом ушел из дома еще вчера утром и не возвращался.

— Так где же он? Что говорит башкы? — спрашивал Яндараа.

— Не знаю, говорит! — ответил парень. — Я тоже не знаю.

Дело сложное. Надо достать подарки, а склад не откроешь — не ломать же замок? А главное — встревожило исчез-

повение старика. Он всегда был на посту, и если отлучался куда, непременно давал об этом знать.

Когда Сенди сообщила мужу о случившемся, тот, собираясь в кошком, сказал с улыбкой:

— Поди, тоже загулял наш дед?

— Зачем же так? — возмутилась она. — Разве можно о старике такое говорить! С Саинном равняешь?!

— Да что ты, милая! Я пошутил! Найдется. Может, приболел да в больницу зашел. Вот и опоздал малость.

— Так ты узнай там. И посылай его. Скажи — ждем.

Не только Самдан — все хорошо знали Бюрюкея, как самого честного работника и семьянина (верев был памяти жены — столько лет не женился!). Никто о старом партизане даже подумать не мог ничего дурного. Его знали как строгого и справедливого. Исключалось, разумеется, и то, что он мог допустить растрату школьных ценностей...

Но куда же все-таки делся старик?

Самдан пригласил Калын-оола и вместе с ним лично взял за розыск.

Были опрошены все, кто жил рядом со школьной квартирой в Чаа-Суре, и колхозники, чьи юрты стояли ближе к постройкам сумонной школы и складу, которым ведал Бюрюкей. Но выяснилось лишь одно: с прошедшего вечера, когда старик закрывал склад, выдав школьному повару продукты, его никто не видал.

С помощью ломика вскрыли склад. Заведующий школой заметил, что среди продуктов не оказалось туши жирного барана, оставленной детям на праздники. Но на это Самдан не обратил особого внимания, и они с Калын-оолом, как и Суктер, напрямик пошли в Чаа-Сур.

Самдан, размышляя над случившимся, шел сзади. Когда переходили каменистое русло обмелевшей Серебрянки, сказал:

— Погоди-ка, дарга: о чем это толкуют там сороки? — и указал в глубину тополевого роцци.

Калын-оол остановился, прислушался и вгляделся: действительно, в топольнике творилось что-то невообразимое — будто со всего кошуна слетелись белобокие сплетницы и громко галдели, то и дело перелетая с ветки на ветку.

— Лакомое что-то нашли! — определил Калын-оол.

— Пойдем, посмотрим, — сказал Самдан и шагнул в роццу.

Пробираясь сквозь густые заросли тальника, колючие кусты блепихи и карагана, они вскоре заметили, как из промоины, над которой хлопотали сороки, с визгом в разные стороны кинулись две собачонки, а затем с шумом, задевая крыльями кусты, поднялись вороны.

Последние метры друзья бежали сколько было сил, и у

самого оврага остолбенели: на дне лежал старый Бюрюкей. Его шея была перерезана до самых позвонков, а вместо глаз под окровавленными бровями темнели пустые впадины...

8.

Самдан и Яндараа сидели на крыльце школы. Запятая в ней уже закончилась. Сенди с учащимися ушли в столовую готовить ужин. Предпраздничное настроение было испорчено. Но ужинать все же надо.

— Крепкий орешек подкинули нам к празднику, не раскусишь, — со вздохом проговорил Самдан.

— Хорошо бы найти убийц сегодня! А то выйдешь завтра на митинг и будешь думать, что где-то рядом с тобой топчутся гады, — в раздумье проговорил Яндараа. — Сгубить такого человека! Кто бы мог подумать?!

— Найдем. Куда он денется?! Не так ли, башкы?

— А кого ты подозреваешь, акым?

— Трудно сказать, но не Саин ли?

— Это тот, недавно из тюрьмы-то?

— Угу.

В это время открылась дверь. Из школы торопливо вышла младшая дочь Ошку-Саар, Серен. Не доходя до ступенек, она прыгнула прямо с крыльца и побежала к юртам.

— Не подслушивала ли? — встревожился Самдан.

— Что ты, дарга? Она пионерка. Не должна. Да и говорим мы тихо...

— Всякое бывает. А впрочем, она сказать братцу ничего не сможет, если даже захочет: он уже, говорят, опять пьян и упелся в Чаа-Сур.

— Нет, дарга. Серен, если даже и слышала наш разговор, Саину ни за что не скажет. Разве матери...

— Если только матери, то ничего. Ошку-Саар женщина умная. Уж если и вздумает с кем поделиться, то только с Кара-Салом. А это совсем не страшно. Скорее — наоборот!

Между тем, Серен на ходу застегивала непослушные пуговицы пальто и, гулко стуча по мерзлой земле каблуками, встревоженной птицей неслась к юрте матери или Саина — обе стояли рядом.

Ошку-Саар категорически запретила девочке кому бы то ни было рассказывать о том, что Серен слышала на крыльце школы.

— Если Саин виновен, — сказала она, — пусть отвечает по закону. Узнает, что подозревают, может скрыться, а куда денется? Все равно найдут, но тогда и за побег отвечать при-

дется. А если не виноват — узнав, может обозлиться и спьяну наделает такого, что и подумать страшно!

Серен дала слово молчать.

Замкнулась в тяжелых думах и Ошку-Саар. Ее обветренное лицо омрачилось, резко проступили морщины. Она казалась больной. Черные глаза глубоко спрятались под высоким лбом. Вечером, уже в постели, она невидящим взглядом уставилась в потолок, как мертвая, растревоженное сердце до утра не дало заснуть. Все ждала: вот появится сын, или — милиционер постучит в дверь, войдет и спросит о нем...

Длинна осенняя ночь. Аракчаа задержался что-то в хосуне. Матпаа и Чуле тоже были там, и, видимо, остались ночевать у подруги: накануне праздника у них в клубе репетиция. Встревоженная Ошку-Саар с думами о сыне легла в постель, с ними и встала. Лучи холодного солнца только что засверкали на посеребренных шпилях Танды, а она, одетая в стеганку, в длинной черной юбке и валенках, с непокрытой головой провожала на пастбище свою Буренку. Но то был только предлог встать ни свет, ни заря: надеялась, не удастся ли раньше, чем поднимутся люди, первой увидеть сына — по-прежнему хорошего или плохого, лишь бы скорее узнать, что с ним.

Шла вдоль берега притихшей Серебрянки и прислушивалась. Но, кроме звонких шлепков холодных волн речки да шуршания высохшего ковыля под ногами, не было слышно ни звука: куда-то запропастились и молчали птицы, мир в окрестности спал, и его сон был подобен смерти.

А перед глазами Ошку-Саар неотступно стоял сын, смуглолицый да статный. Несмотря на страдания, которые причинил ей его отец, да и он сам, сын ей по-прежнему был несказанно дорог. Что может быть сильнее любви матери!..

«Самдан сказал, — уже в который раз думала она, — «не Саин ли?». Горе: Самдан редко ошибается! Вряд ли и на этот раз промахнулся!»

Вздрагивала Ошку-Саар не от утреннего заморозка. нет! Сердце заставляло ее трепетать при мысли, что опять наступит разлука.

Прошел почти уже год, как провожала она его, и не в армию, не на учебу, как все, а под конвоем: осужден был за кражу колхозного скота. Но то — кража, а тут убийство, да кого?! — Бюрюкея. Ужас!

В ее душе все больше и больше крепла решимость: на этот раз во что бы то ни стало спасти сына. Она и представить себе не могла, что найдет силы пережить и эту утрату. Ведь с ним была связана, казалось, вся прожитая жизнь. Саин был единственным сыном и, возможно, поэтому допусти-

ла Ошку-Саар непоправимую ошибку: большую часть забот отдавала дочерям. Рано, слишком рано начал он вышивать, заворовался и попал в тюрьму... Не с того жизнь начал, как говорится.

Вспомнила Ошку-Саар и свою юность — горемычной дочери бедного арата, жившей впроголодь. Правда, молодости не свойственна черная грусть. До раннего замужества любила Ошку-Саар песни и, напевая их, всегда прислушивалась, как звонким серебром летел ее голос в тишину густых зарослей и замирал в окрестных скалах. Молодость глушила певзгоды. Мечты несли ее в неведомые дали, где не может быть ни рабской зависимости, ни бесправия. Мечтала быть счастливой, несмотря ни на что! Но счастье к ней не явилось... Злой Чамьян, отец Саина, отнял полжизни, и только вот теперь, сойдясь с Кара-Салом, она как бы вновь обрела свое счастье. И вдруг — новая беда!

Не нашла своего Саина ни в степи, ни на ферме. Облетев мыслями всю землю окрест и не заметив, как промелькнуло морозное утро, очутилась у себя в юрте. А в это время Саина уже допрашивали.

9.

— Что вы можете сказать о зверском убийстве товарища Бюрюкея? — спросил Самдан. Он понимал, что вопросы должен был задавать начальник хошунного управления ВУОС Калын-оол. Но ведь дело касалось погибшего председателя партийной ячейки, поэтому он вел партийное расследование.

Саин, бледный с переноя, казалось, усиленно что-то вспоминал.

— Говорите! — предложил и Калын-оол.

— Бюрюкей... Я с малых лет знаю Бюрюкея.

— Это не то. Что вам известно по существу убийства? — снова спросил Самдан.

— Не знаю.

— Как же так «не знаю»? Ведь когда-то вы говорили, что ждет старика, когда вы вернетесь из тюрьмы. Может быть, вы забыли? — настаивал Калын-оол.

— Ничего я не знаю, — упрямствовал Саин и, прищурив глаза, смотрел в окно, где синела далекая тайга, косматыми полостями спадавшая до подножий гор, — казалось, он разыскивал там кого-то, а следователей перед ним будто и не было. В свою очередь, и те делали вид, что не замечают его волнения. Потом вдруг Самдан предложил:

— Закурим, — и протянул пачку «Борцов».

Саин словно очнулся ото сна. Уставился в глаза Самдану

и потянулся к пачке. Пальцы дрожали и, казалось, не в состоянии были взять папиросу. Самдан выдержал взгляд. Саин с трудом извлек, наконец, папиросу, размял ее и ждал огонька.

— Что же вы молчите? — спросил Калын-оол, доставая из кармана спички.

Будто не слыша вопроса, Саин сосредоточил внимание на спичках. Видимо, понял, что тот парочито медлил.

— Что же, будем говорить или отложим до следующего раза? Напомнить вам или вспомните сами и расскажете все, что знаете по делу убийства? — настаивал Самдан.

Саин все отрицал.

Следователи переглянулись. Потом Самдан сказал:

— Хорошо, Саин. Даем вам три часа на размышление. Идите домой.

Саин с недоумением вдруг повселевшими глазами взглянул на следователей и встал, готовясь выйти. Самдан остановил:

— Впрочем, я могу помочь вашей памяти. Садитесь.

Тот снова опустился на табурет.

— Ваш сообщник по хищению колхозного быка, которое вы совершили, вспоминает чьи-то слова, сказанные, когда вас осудили: «Глаза Бюрюкея буду помнить, пока жив! Ведь только он видел нас у рогача». Не помните, кто это сказал?

Саин побледнел и опустил голову.

— Значит, глаза честного человека вам не давали покоя, и вы...

Приглашенная в сельсовет Ошку-Саар тяжело переступила порог и несмело прикрыла за собой дверь. Худощавое лицо ее было изжелта-бледным, узкий подбородок резко вытянулся, тонкие губы плотно сжаты. Недоверчиво поблескивали глаза. На приглашение сесть к столу она, стоя у порога, оглянулась, подыскивая свободное место на полу, у косяка. Но ей повторили, чтобы садилась на табурет у стола. И она медленно двинулась. Казалось, вряд ли хватит ей сил дойти...

На заданный вопрос, помедлив секунду, обтирая ладонью сухие губы, ответила:

— Саин вчера целый день был дома, дунмаларым — братики мои... Только вечером уходил. Но дочка моя, Матпа, сегодня говорила, что он был в хошунном клубе, веселился, танцевал с девчатами. Больше я ничего не знаю...

...Уже под вечер Ошку-Саар вновь явилась в сельсовет и рассказала:

— Утром выходила я из сельсовета. На улице возле сидели колхозники, и тут я услышала, как кто-то сказал: «Только Саин мог пойти на такое злодеяние». Это сразило меня, как гром. Ноги почти совсем не слушались, подсекались в коле-

нях, боялась, до юрты не дойду. В голове роем гудели мысли: неужто мой сынок, мой Саин — убийца!.. Но тут же припомнились слова сына: ведь он, как пришел от вас, сразу сказал, чтобы не беспокоились, к убийству он не причастен. Что ни возьмусь делать, куда ни погляжу — передо мной так и стоит сыновнее лицо. И во взгляде у него что-то таится... И я твердо решила: самой мне надо разобраться во всем этом. Сильнее забилось мое сердце, окрепли ноги, и пошла я в дом Бюрюкея. Когда вошла, невестка покойного сидела за шитьем. Увидела меня, побледнела и предложила табуретку. Я присела у печки, закурила. И вдруг мне показалось: говорить-то нам не о чем. Я так понимала: мы думали каждая о своем горе. Долумаа об убитом свекре, я — о судьбе сына...

Только всему есть и начало, и конец. Не вынесла я молчания, спросила:

— Как же все-таки случилась эта беда, дунмам?

Долумаа взглянула на меня, но я не дала ей ответить — продолжала:

— Дедушку-то убитого в овраге нашли, между колхозом и вашим домом. Ведь это совсем рядом. Неужто у вас никто не слышал крика?

Долумажап вскочила и, будто что утерjala, пристально посмотрела в угол. А потом вскрикнула:

— Не знаю я, ничего не знаю! — и отвернулась, спрятала покрасневшее лицо. Я спросила:

— Не думаешь ли, милая, что придется отвечать и тебе?

— О сыне бы своим позаботилась! — злобно выпалила Долумаа. — Ходишь, вынюхиваешь, как собака, и не думаешь, что выдашь его с потрохами.

— Да, о сыне я и думаю. Но знай и ты, девка, — сказала я, — что ради справедливости я готова пожертвовать им. Зря никто не должен страдать, а за гибель старого партизана пусть виновные расплатятся — все и сполна!

Гляжу — молчит моя Долумажап и вся стала словно каменная.

«Ой, как испугалась ты, злая чертовка!» — подумала я так, но ничего больше не сказала ей и вышла.

— Ну, так что же вы нам хотите сказать, угбам? — спросил Самдан, когда она умолкла и опустила глаза.

— Выслушайте меня, даргалары, — обратилась она. — Бюрюкея я знаю давно. В партию он вступил, когда вы были еще малышами, а я имела уже детей. И все эти годы мы жили в одном аале.

— И кто же, по-вашему, мог поднять на Бюрюкея руку? И для чего? — спросил осторожно Самдан.

— Дарга! Покойного теперь не вернешь. От него не уз-

наежь,— помолчав, заговорила она.— Возможно, враги ему отемстили за его честность. Не знаю. Возможно, и мне не спасти моего сына: говорят же люди, что он виновен. Если так, это и мне возмездие, я его плохо воспитала. А может быть, виноват не только он. Разберитесь. Хорошенько. Осмотрите пол в доме Долумажап. Может быть, там и найдете нужные следы.— И зарыдала. По ее лицу обильно текли слезы. Она вытирала их трясущимися узловатыми руками, на которых вздулись натруженные вены.

Самдан подал ей стакан с водой и, как мог, утешал. Калын-оол тщательно записывал слова свидетельницы.

...Составляя обвинительное заключение по делу, связанному с убийством, Калын-оол записал. «...преступление совершено в доме погибшего. В результате тщательного исследования пола в углу, который после убийства был старательно выскоблен и вымыт, в щелях обнаружены следы крови, и хозяйка, невестка погибшего, Долумажап, во всем созналась. В своем показании она сообщила:

«Отец уже спал, когда к нам вошли. Я зажгла лампу и увидела, что это Саин и какой-то ряженный: приклеены борода и усы, под русского. Старик быстро поднялся и спросил, что им нужно. В руках Саина сверкнул нож, и отец упал в угол. Дальше я ничего не помню. Они опять ненадолго приходили в наш дом, но отца уже с ними не было. Мне сказали, чтобы я хорошо вымыла пол: на нем было много крови, пригрозили: «Если проболтаешься, тебе будет то же, что и Бюрюкею». И я молчала. Бсялась».

10.

На похоронах Бюрюкея Чамзырай старательно показывал, что его это событие, якобы, тронуло больше всех. Как председатель хошуна проводы старика в последний путь он организовал торжественно: из Кызыла вызвал военный оркестр, распорядился, чтобы хорошо, по-современному, было оформлено надгробье старого революционера, председателя партячейки. Все связанное с похоронами своевременно обговорил с председателем хошкома партии товарищем Тамбсэй, который полностью одобрил его инициативу.

Когда с похоронами было покончено, Чамзырай почувствовал облегчение, будто до этого кто-то неведомый неотлучно стоял над ним и молча, с тяжелым подозрением, выпытывал его о случившемся.

Свою причастность к убийству старика Чамзырай продолжал ощущать и после похорон.

Саина и какого-то Очурбана, появившегося в хошуне откуда-то с Тоджи после повсеместного разгрома феодалов (возможно, что он был сюда сослан!), вскоре осудили. Но дальняя родственница Чамзырая, Долумажап, невестка покойного, по делу проходила как свидетельница. А это Чамзырая не могло успокоить. Он какой-то потаенной мыслью ожидал, что к делу могут вернуться, и родственнице придется держать ответ, чего доброго, тонкая нить приведет к поджогу хуре, старому хелину Чотпе, тогда уж — к нему, Чамзыраю. Чотпа вряд ли захочет брать «грехи» на свою душу. «Хоть бы скорее сдох этот пень трухлявый — в чем только душа держится!» — не раз думал Чамзырай. Но Чотпа продолжал жить и изредка давал о себе знать своему тайному другу и последователю: знал слишком много такого, чего Чамзыраю следует опасаться, если он хочет стоять во главе хошуна.

Федор ЖУРАВЛЕВ

КРАСНОГВАРДЕЕЦ НОРКИН

— Саша, расскажи-ка про Томск! Что это за город? Ты все говоришь: «У нас в Томске, у нас в Томске», а толком ничего еще не рассказывал,— попросил Сашу Норкина Тарас Ладапов, его закадычный друг.

Они сидели под развесистым тополем на берегу сверкающей от солнца протоки, скрываясь от изнуряющей июльской жары.

— Какой он по сравнению с нашим Белоцарском?

— Тю!.. Сказал! Во-первых, Белоцарск — еще никакой и не город! Это пока еще деревня! Вот Томск — да! Это большой город на берегу Томи. Река так называется. В Томске много каменных двух- трехэтажных домов, улицы длинные. Одна называется Иркутский тракт. Я на ней жил. На нашей улице, на горе, стоит белая каменная высокая-высокая церковь. Ее отовсюду видно. Недалеко пристань. По реке белые пароходы шлепают колесами. А за Томью — сосновые леса. Красиво!

— А почему вы уехали из Томска? — спросил Тарас.

— Заработки у отца стали никудышные. Жить стало тяжело. Да еще полиция взяла дядю, Хмелева Алексея Ивановича, на заметку. Вот мы и решили уехать все вместе. Но и в Белоцарске мало хорошего...

— Саня, а почему полицейские заинтересовались Алексеем Ивановичем?

— Дядя Алеша мне, конечно, лишнего не рассказывал, но однажды дал задание — расклеить листовки. Прочитал я их сначала, конечно. Там писали против царя и капиталистов, призывали скинуть их. Дождался я темноты, да потом еще несколько помешкал, чтобы люди уgomонились, чтобы прохожих было мало. Снег к тому времени уже стоял. Было тепло. Я сунул в один карман бутылку с клеем, в другой — прокламации. Отправился. Помню дядин наказ не попадаться, быть осторожным. Ну и расклеил. Вот только на последней чуть не попался. Подошел к воротам, намазал листовку клеем, как вдруг из подворотни громадный пес выскочил. Я ему в пасть бутылку с клеем — хоп!

Тарас не выдержал и захохотал:

— Ну и что? Скажешь, челюсти ему склеил, он и замолчал? Да? Или осколками бутылочного стекла глотку изрезал — и он сдох?

— Смейся! Сейчас-то смешно, а тогда я испугался! Ведь он так неожиданно выскочил! Да еще перед самым носом как рывкнет! Пока он пробовал мой клей на вкус, я схватил камень — да трах по нему! И оба мы с ним кинулись бежать в разные стороны. Один от боли визжит, другой с испугу дрожит...

Собралось как-то к Алексею Ивановичу много друзей. Я думал, сейчас пошлют за водкой. Но он отозвал меня в сторону и сказал: «У нас собрание, и тебе, как взрослому, доверяю не только свою судьбу, но и свободу моих товарищей. Ты будешь стоять на углу нашей улицы и караулить, чтобы полиция не захватила нас врасплох. Увидишь полицейских — сразу сюда! Все должны успеть разойтись до того, как нагрянут к нам фараоны. Понял?»

— Понял, — говорю. — А с другой стороны улицы как?

Он сказал, что там будет другой человек.

Стою, значит, на углу. Холодно. Надоело торчать без дела. Стал прохаживаться. Жду, когда за мной придут, как условились. Только нет никого. А я в каждом прохожем фараона вижу. Раз семь обманулся и подумал: «Зря боятся!» Только это я подумал, вижу: из-за угла идут в самом деле полицейские! Я что есть духу бежать. Ворвался в дом и кричу: «Полиция!» Все быстро разошлись в разные стороны. А дядя Алеша и сестра погасили свет и быстро-быстро улеглись спать. Я тоже. Будто никого и ничего не было. Полицейские вошли во двор. Смотрят, вокруг все спокойно, хозяева спят, огня нет в окнах, голосов не слышать. Ну, и отравились восвояси.

Только ты смотри, не болтай об этом, а то и здесь припомнят.

— Да что ты... — начал было Тарас.

— Знаю! Знаю, — перебил его друг, — что не болтун! Потому и рассказываю. Да все не мешает лишний раз предупредить! Ведь это статья особая! Давай-ка искупаемся последний раз да сходим к Максиму Яковлевичу. Сегодня воскресенье, значит, должен быть дома.

— Пошли! — Тарас первым ринулся в воду.

Поплескавшись минут десять, друзья отправились к заведующему технической частью Переселенческого управления Крючкову. Они часто навещали его. В молодости он закончил Тифлисское землемерное училище. За участие в революции 1905—1907 годов, а также за подпольную работу в 1908 году ему запретили жить в Закавказье. Тяга к знаниям

заставила его много путешествовать: он побывал в Швеции, Германии, Дании, Бельгии. В Урянхай приехал в 1914 году. Дом Крючкова в Белоцарске привлекал внимание окружающих своим необычным видом: крыши, как и у большинства домов здесь в ту пору, не было, так хозяин насыпал на потолок земли, насадил кустов караганы, цветов и постоянно поливал их. Крючкову было за сорок, а он по утрам крутился на турнике. Часто беседовал с детьми рабочих, некоторым даже помогал деньгами. Не ел мяса, предоставляя эту «дрянь», как он выражался, прислуге. Все эти, по мнению белоцарских жителей, «странности» создали ему славу образованного доброго чудака.

Спутники, еще не доходя до дома Крючкова, увидели во дворе самого хозяина в компании Исаака Петрунька и Петра Барабанова, друзей Тараса и Саши. Максим Яковлевич, высокий, седой, в очках, стоял у турника и подсказывал Пете Барабанову, как сделать оборот вокруг перекладины.

— Здравствуйте! — почти враз произнесли Саша и Тарас.

— Добрый день, друзья! — ответил им Крючков и сразу же обратился к Саше: «Ну-ка, Саня, покажи Петру «полусолнце». У него что-то не получается.»

Саша не заставил повторять просьбу. Он любил упражняться на турнике. Этому его научил Максим Яковлевич. Саша, рослый, сильный, гибкий, выглядел гораздо старше своих пятнадцати лет. Он легко подтянулся, забросил левую ногу на турник, правой сделал мах и мигом оказался наверху. А потом его тело закружилось колесом вокруг перекладины. Тарас, Исаак и Петя с восхищением смотрели на Сашу.

— Нет, у меня так, наверное, никогда не получится! — с сожалением воскликнул Исаак.

— Ничего! Потренируешься — получится! — заверил его Максим Яковлевич.

— Обязательно! — подтвердил оказавшийся рядом запыхавшийся Саша. — Только нужно упорство.

— Упорство и настойчивость везде нужны, — поддержал Сашу Максим Яковлевич. — Вот даю вам задачу. Кто первый решит — получит рубль. Перед вами — квадрат. Он разбит на 25 клеточек. Если положить на первую клеточку одно зерно, на вторую — два, на третью — четыре и так все время удваивать, то сколько зерен придется положить на последнюю клеточку? Заходите в дом, без бумаги и карандаша вам не одолеть эту задачу.

Вслед за хозяином двинулась и молодежь. Исаак, не теряя время даром, на ходу делал устно легкие первые вычисления, бормоча под нос цифры. Когда же Саша, Петя и Тарас взялись за бумагу, у него уже оставалась половина работы, более сложной. Он тоже взялся за бумагу и вскоре закричал:

— Я! Я сосчитал! Как? Правильно? Максим Яковлевич! Шестнадцать миллионов пятьсот девяносто тысяч шестнадцать!

— Молодец, Исаак! Получай свой рубль! — похвалил тонограф Петрушка и тут же вручил ему так легко заработанные деньги.

Исаак сиял от удовольствия.

— Ну, Саля, как там у тебя работа? — спросил Крючков у Норкина.

— Да ничего. Плотничаю, помогаю отцу и дяде Алеше. Строим барак.

— Как здоровье Матвея Никитича и Алексея Ивановича? — поинтересовался Крючков.

— И отец, и дядя Алеша работают, на здоровье не жалуются, — ответил Саля.

— Так передай Алексею Ивановичу, чтобы он зашел ко мне завтра вечером после работы.

— Хорошо! Скажу! — пообещал Саля и тут же обратился к нему с привычной просьбой: — А у вас есть еще что-нибудь почитать о великих полководцах?

— О Македонском, о Спартаке, о Суворове, о Кутузове есть, но ты все это уже прочитал. Больше о полководцах у меня нет.

— Он мечтает стать генералом! — съехидничал Петя.

— Да! Генералом! Ох, и задам же я тебе тогда перцу, Петушок!

— Вот почитай повесть Пушкина «Дубровский». Поправится! — предложил Крючков.

— Спасибо, Максим Яковлевич! Дня через два принесу, — и он обернулся к Ладанову: — Ну, что, Тарас, идем домой?

Прощавшись с хозяином, они направились к выходу. Исаак и Петя тоже решили, что они загостились, и заспешили вслед за Саней и Тарасом, предчувствуя, что Максим Яковлевич скоро снова, как и в прошлый раз, начнет угощать их сахаром, лакомством для детей. А они ведь теперь уже взрослые: самому младшему, Петру, и то тринадцатый год пошел.

Наступил январь 1918 года. В России уже победила Октябрьская революция, а в Урянхасе все еще было засилье старых властей. Но революционное движение захватило и этот далекий край.

Саля Норкин, окрепший, возмужавший, сидел в одном из барачков на собрании рабочих Белоцарска. Юноша слушал выступление Селиверста Непомнящего:

— Недавно закончился съезд подхребтинских крестьян. Они вместе с нами возмущены насилием над Крючковым, Крюковым и Терентьевым.

Саша больно переживал арест своих старых друзей и учителей, Крючкова и Крюкова, высланных из края за то, что они создали здесь первый Совет. Он с еще большим вниманием стал прислушиваться к словам оратора.

— Подхребтинцы предлагают созвать новый съезд. Все бедное крестьянство за Советскую власть. Им надо помочь. Наши люди разъясняют в поселках, почему казаки разогнали третий съезд русского населения Урянхая.

— погоди, Афанасьич! — перебил его пожилой рабочий. — Говорят, что комиссар Турчанинов приказал арестовывать всяких агитаторов. И кой-кого уже схватили. Нам надо принять какие-то меры. А то и до вас доберутся.

— Селиверст Афанасьич, за что нам сейчас ухватиться, с чего начинать? — вступил в разговор Харлампий Лапшин.

— Об этом-то, я думаю, пусть лучше расскажет Степан Константинович Беспалов, председатель Усинского комитета большевиков.

К столу пробрался молодой учитель Верхне-Усинского двухклассного училища. Его темно-серые глаза внимательно оглядели присутствующих:

— Товарищи! В России теперь нет ни царя, ни Временного правительства. Простой народ во главе с Лениным взял власть в свои руки. А здесь все еще командуют прежние чиновники. Разве они сами уйдут от власти, от сытой, обеспеченной жизни? Нет! Не уйдут, пока вы не прогоните их! Они прикидываются вашими друзьями. Не верьте им! Это волки в овечьей шкуре! А волк никогда не станет ягненок! Берите сами власть в свои руки! Создавайте свой Совет! Я предлагаю начать с общего собрания рабочих. Разъясните людям, что Советы — это их власть!

— Надо в Совет грамотных, — перебил его Михаил Семенов. — А наши мужики лучше топором орудуют, чем пером.

— Найдутся грамотные. Старая интеллигенция тоже раскололась на два лагеря. Посмотрите — и сами поймете, кто из них за вас, кто против. Привлекайте нужных.

Беспалов рассказал, как он представляет повседневную работу органов новой, народной власти, и предложил для защиты Советов создать в Белоцарске отряд красной гвардии.

Когда рабочие стали расходиться по домам, Саша подошел к Беспалову:

— Степан Константинович, как вы думаете, примут ли меня в красную гвардию?

— Сколько же вам лет?

— Восемнадцать, — слегка покраснев, добавил год Саша.

— А как родители на это посмотрят?

— Мать, конечно, будет против, но я уговорю ее. Отец скажет: «Ну, сын, ты теперь мужчина — решай сам!»

— В таком случае обязательно примут! Преданные бойцы очень пужны революции. Только отряд-то еще надо создавать. Пока некуда записывать.

Беспалов незаметно разглядывал юношу. Густые русые волосы. Пухлые детские губы. Правильный нос. Живые голубые глаза. Высокий. Стройный. Красивый.

— Как вас зовут? — спросил Беспалов.

— Александр Норкин.

— Будем знакомы! — сказал Беспалов и протянул руку. Парень крепко пожал ее.

— Ого! Да ты, брат, силен! Давно работаешь?

— С четырнадцати лет.

— Учился?

— Три класса закончил в Томске. Здесь не пришлось учиться. Но книжки люблю читать. Я всю библиотеку у Максима Яковлевича Крючкова и у Никифора Григорьевича Крюкова перечитал. Это вместо школы. Вот только жаль, что их выслали. Они здорово помогали рабочим разбираться во всех вопросах. Степан Константинович, а где вы почете? Пойдемте к нам!

— Неудобно, Саша, беспокоить людей в полночь.

— Да какое уж там беспокойство! Со мной ляжете. И все!

— Ну, уговорил! — согласился Беспалов. — Веди!

Саша и Беспалов разговаривали до поздней ночи. У Саши накопились много вопросов о войне, о революции, о Ленине. Вопросы так и сыпались один за другим. Но Беспалов с удовольствием отвечал на все.

Утром шестого января невыспавшийся гость уехал в Усинское, а Трофим Мальцев, Харламий Лапшин, Селиверст Непомнящий и Саша Норкин пошли к Турчанинову и от имени рабочих потребовали провести общее собрание рабочих. С трудом, но разрешение было получено. Харламий, Селиверст, Саша и Трофим ходили по домам и приглашали рабочих на собрание в Переселенческое управление. Чтобы обеспечить себе большинство голосов на собрании, приглашали жен и взрослых дочерей рабочих. Восьмого января Совет был создан.

...Этот день запомнился Саше, как праздник, еще и потому, что он впервые провожал девушку. Ему давно нравилась Катя Барабанова, но он все как-то стеснялся подойти к ней. Выйдя из Переселенческого управления, он увидел Катю: она тоже была на собрании.

— Катя! — обрадовался он. — Вы кого-то ждете?

— Отца.

— Да вы замерзнете, пока он наговорится с Лапшиным. Пойдемте, я провожу вас до дому.

Девушка, хотя и давно мечтала об этом, нерешительно шагнула в сторону. Саша, заметив колебания, увлек Катю за

собою. По дороге Саша припаялся излагать перед Катей свои взгляды на перемены в связи с образованием городского Совета. На полпути их догнал Григорий Барабанов и, сделав вид, что не узнал свою дочь и ее кавалера, прошел мимо.

— Ой! Это же отец! — испуганно прошептала Катя.

— Ну, так что же! — возразил Саша.

— Да боюсь, попадет мне дома! Ведь он видел, что я иду с парнем. Он строгий у нас, — испугалась Катя.

— Строгий, но справедливый! Я же знаю его! Не бойтесь! Вот увидите, ничего не будет! Ведь вы уже взрослая! — горячо успокаивал Саша встревоженную девушку.

И правда, Григорий даже словом не обмолвился об этом. Встречи с Катей стали частыми. Исчезла скованность. Они перешли на «ты».

16 января спохватившиеся чиновники и офицеры с помощью казачьей сотни разогнали Совет, а председателя Акепкилия Родака, секретаря Игната Шубина, членов исполкома Селиверста Непомнящего и Георгия Волкова арестовали и выслали из края.

Однажды Саша шел по улице.

— Эй, Ликсандр, погоди, не торопись! — услышал он за спиной чей-то голос и оглянулся.

За ним шел плотник Лапшин.

— Что случилось, Харламий Федорович? — откликнулся он.

— Да ничего. Трофим Мальцев зовет тебя к себе. Вечерком к восьми часам приходи беспременно. Просил передать, потому как мы с тобой соседи.

— А зачем? — заинтересовался Норкин.

— Дело есть! Там узнаешь.

Наскоро поужинав, Саша отправился к Трофиму. У него уже сидели братья Семеновы, Михаил и Евстигней, Николай Пономарев, Иван Шубин и другие. Немного погодя, ввалился Харламий Лапшин. Сняв полушубок, сказал:

— Теперь все собрались. Давайте начнем.

— Товарищи! — обратился к сидящим Трофим. — Мы здесь много говорили о создании Совета и красной гвардии. И вас позвали, чтобы посоветоваться, что дальше будем делать. Мы думаем, что сперва надо организовать красную гвардию, а потом уже и Совет. Вот Михаил хочет свое слово сказать:

— Я думаю так же, — начал Семенов. — Красная гвардия нужна нам в первую очередь. Почему в январе разогнали Совет? Потому что его некому было защищать. Почему комиссар Турчанинов все еще управляет краем? Потому что у него под рукой казачья сотня. Мы все должны записаться в красную гвардию.

— Все верно! Только где взять оружие? — возразил Николай Пономарев.

— Винтовки и патроны дадут усинцы, — откликнулся Иван Шубин. — Я написал Игнатию, моему брату, он там член Совета. Сказал, чтобы приезжали.

— Здорово! — восторженно крикнул Саша. — Когда я разговаривал с Беспаловым, он обещал помочь нам в любом случае. Усинцы держат слово! Я прошу записать меня в отряд!

— Ну, Иван, по такому случаю бери карандаш и делай список красногвардейцев, — обратился Пономарев к Шубину.

Иван придвинул к себе лист бумаги и спросил:

— Кого писать?

— Начинай с Александра Норкина. Потом меня пиши.

— Меня зачисли, Мальцева...

— И меня...

— Лапшина...

В отряд записались все присутствующие.

— А кто же командиром будет? — спросил Евстигней Семенов.

— Да вот вам и командир! — указал Харламий на Николая.

Все согласились. Не стал возражать и сам Пономарев. Он сразу же распорядился:

— Ладно, такие-разэтакие, если так — то вот вам, Харламий и Евстигней, первое задание: привезете оружие из Усинска.

Харламий с Евстигнеем разинули рты от такого быстрого поворота событий.

— Почему же мы, а не кто-нибудь другой?

— У вас есть лошади, а у других нет.

— Ладно, съездим, — согласился Лапшин.

Через неделю оружие тайно было доставлено в Белоцарск. Харламий и Евстигней привезли двадцать четыре однозарядных винтовки и патроны к ним. В ту же ночь Саша получил одну из них. Отряд красной гвардии вооружился.

Пятнадцатого марта вновь был создан городской Совет. А на следующий день в Белоцарске начал свою работу четвертый съезд русского населения Урянхайского края. На съезде избрали краевой Совет, который двадцать второго марта постановил немедленно арестовать бывших чиновников-контрреволюционеров, комиссара Турчанинова, переводчика Самойлова, топографа Ткаченко и выслать их из края. Во все три квартиры одновременно направили наряды рабочих-красногвардейцев. Все трое под конвоем были доставлены в Совет. При аресте у Турчанинова забрали винтовку, револьвер и более двух тысяч рублей. У Самойлова отобрали трехлинейную вин-

товку с тридцатью патронами. У Ткаченко изъяли двустволку с двенадцатью патронами.

Командир отряда красной гвардии пригласил в Совет Сашу Норкина, Евстигнейя Семенова и Андриана Микрикова:

— Вот что, друзья! Вам дается ответственное поручение. Вывезете из Уришхая старую, контрреволюционную власть, самых зловредных гадов — Турчанинова и его прихвостней, Самойлова и Ткаченко. Старшим назначаю Норкина. Сейчас одиннадцать часов вечера. Через час чтобы не было в Белоцарске ни Турчанинова, ни его приятелей. Довезете до Уюка и сдадите Власову. А он отправит их в Усинск.

— К чему же такая спешка? Переночуем — тогда и айда в путь — возразил Андриан Микриков.

— Пока ты, милая душа, спишь, казачья сотня может освободить их! Ясно?

— Да оно, конечно, дело такое. Надо ехать! — согласился Микриков.

— Обязательно! Так постановил съезд! Сейчас вы идите домой и срочно соберитесь в дорогу. Через полчаса быть здесь в готовности.

— Ну, наконец-то, пришел, — встретила Анна Ивановна Сашу. — Ждала, ждала тебя. Ужин остыл. Сейчас я подогрею.

— Мама, сейчас я уезжаю в Уюк конвоировать Турчанинова. Вернусь дней через пять. Собери мне в дорогу что-нибудь поесть, а я пока с холодным ужином расправляюсь.

Мать вздохнула. Саша оглянулся:

— Да ты, мама, не беспокойся! Все будет в порядке!

Прихватив узелок с провизией, он заторопился в Совет. Николай уже ждал его:

— Иди, Саня, возьми документы арестованных. Бумаги береги. Передашь их Власову. Евстигней получает деньги для найма лошадей и на жратву благородным арестованным. Выделили и для вас на дорогу.

К двенадцати часам ночи к зданию Переселенческого управления были поданы две верховые и две запряженные в сани лошади. Проводить Сашу вышел Беспалов:

— Ну, Саня, будь осторожен. Если чуть зазеваешься, ни тебе, ни твоим товарищам несдобровать. Они используют любой мало-мальски удобный момент, чтобы получить свободу. И еще! Кто-нибудь может поднять тревогу в казачьей сотне. Тогда бросятся догонять вас. Поэтому нигде не задерживайтесь, торопитесь. Я завтра утром позвоню в Уюк, в Усинское и в Миусинск о вашем выезде.

Хлопнула дверь. На пороге показался красногвардеец, за ним — Турчанинов, Самойлов и Ткаченко. Сзади еще конвойный.

— Хорошо, Степан Константинович, все будет сделано в лучшем виде!

— До свиданья, Саша!— Беспалов с удовольствием пожал руку юноше.

— Андриан, садись на подводу, бери вожжи, будешь ямщиком. Мы с Евстигнеем поедem верхом метрах в трех-пяти за вами,— распорядился Саша.

Андриан занял свое место на подводе.

— Вас, господа, прошу размещаться на этих же санях,— повернулся к арестованным юный красногвардеец.— Хочу предупредить, что при первой попытке к бегству или нападению на конвой будем стрелять без предупреждения. Поэтому совету таких шуток не делать.

Когда чиновники расположились за спиной у Микрикова на охапке сена, Саня вскочил на коня. Его примеру последовал Евстигней.

— Поехали! — скомандовал Саша.

Микриков хлестнул лошадей вожжами. Тронулись. Енисейские торосы миновали шагом. Перебравшись на правый берег, Саша оглянулся на Белоцарск. Город утонул во тьме. Лишь в двухэтажном здании Переселенческого управления светилось несколько окон. Там, несмотря на поздний час, продолжал свою работу Совет. Андриан погонял лошадей. Саша с Евстигнеем трусили рысцей за подводой, держа в руках винтовки. Легкий ночной морозец затянул мелкие лужицы льдом. Корочки льда звонко хрустели под копытами лошадей, нарушая тишину звездной ночи. Арестованные молчали. Когда лошади перешли на шаг, Евстигней обратился к Саше.

— Саня! А ты знаешь, что нам навстречу идет отряд Сафьянова? Крюков с ним.

— Знаю. Через недельку должны быть в Белоцарске.

Проехав некоторое время молча, Саша вновь заговорил:

— Вчера топограф Марьяин грозил убить Беспалова. Степан Константинович рассказал об этом Совету. Постановили арестовать Марьяина и выслать из края. Где же он сейчас? Арестован ли?

— Не знаю. А ему как раз место рядом с его другом Ткаченко на этой подводе.

— Вон, смотри,— сказал Саша,— как дворянин головой крутит по сторонам.

— А ты откуда знаешь, что он дворянин? — спросил Евстигней.

— Я же получил все его документы и везу их с собой,— ответил Саша.— В паспорте у него записано: Турчанинов Алексей Александрович, 1876 года рождения, дворянин. Ро-

дился в Петербурге. Есть бумага об окончании Берлинского университета.

— Это его в университете обучали матерщине? — отозвалась Евстигней. — Когда его арестовывали, он так матерился! Красногвардейцы диву давались! Куда там нашим мужикам до него! И в подметки не годятся!

Уже начинало светать, когда путники подъехали к заимке Ефима Мопатина. До Уюка оставалось еще сорок пять верст подъемов и спусков. В подводу впрягли две свежие лошади, нанятых у Ефима. Своих оставили у него, пообещав размяться на обратном пути. Покормили верховых лошадей, напоили. Дали поесть и арестованным, искоро перекусили сами и — снова в путь. Такая спешка вызвала недовольство Турчанипова. Он возмутился:

— Я требую отдыха для себя и для своих друзей! Вы не имете права гнать нас и днем, и ночью.

Его глаза засверкали ненавистью. С тонких губ срывались злые слова. Саша посмотрел на его выхоленное лицо и вспомнил бывшему комиссару:

— А вы забыли, как по вашему приказу Крюкова, Крючкова и Терентьева в декабрьские морозы срочно отправили в Минусинск? И ночью! Теперь точно так же с вами поступили большевики! Кто их научил? Враги! Вы, Алексей Александрович! Так вам ли кричать и требовать справедливости! Садитесь на подводу! Нам некогда нянькаться с вами! Поехали!

Видя всю бесполезность разговоров, арестованные заняли свои места. К вечеру они благополучно были доставлены в Уюк.

Пока Саша ездил в Уюк, события в Белоцарске стремительно развивались. На следующий день казачья сотня, выбрав момент, когда красногвардейцы ушли на обед и оставили винтовки в Совете под небольшой охраной, напала и захватила оружие. Осталось только то, что хранилось по домам у красногвардейцев. Казаки арестовали шестнадцать членов Совета и красногвардейцев. Узнав, что из Минусинска в Белоцарск идет сильный отряд красной гвардии, подьесаул Магомаев с сотней спешно отступили 27 марта в Монголию, взяв Беспалова, Вовка и Цивинского заложниками. Остальных отпустили. Накануне бегства казаков Саша вернулся домой. О его приезде почти никто не знал. Да, пожалуй, офицерам и не до него было. Во Владимировке казаки, получив ультиматум председателя Усинского Совета Филиппова, отпустили заложников. Вскоре в Белоцарск прибыл отряд минусинских красногвардейцев. Урянхайский Совет горячо приветствовал их. Белоцарские красногвардейцы объединились с минусинскими в один отряд. Они разместились в покинутых казаками казар-

мах. С 13 апреля Саша тоже стал жить в казарме. Этого требовала воинская дисциплина. Те же, кто не захотел переходить в казармы и остался дома, постепенно отсеялись из отряда. Саша получил обмундирование. Командир отряда Федор Зазыба следил за порядком, проводил воинские занятия. Готовились к первомайской демонстрации. Сорок красногвардейцев по этому случаю получили повешькую форму. 30 апреля Саша получил за неполный месяц первое красногвардейское жалованье — тридцать три рубля шестьдесят шесть копеек. Первого мая красногвардейцы, рабочие, члены Совдепа вышли на первую в Танну-Туве первомайскую демонстрацию. Саша, проходя по пыльным тропам, извивавшимся между редкими домами Белоцарска, широко улыбался встречным. Больше всего он хотел увидеть Катю. И увидел. Празднично одетая, она стояла среди женщин и с любопытством смотрела на необыкновенное зрелище. Их взгляды встретились. Саша помахал ей рукой. Она ответила.

У здания Совета состоялся митинг. После митинга Зазыба собрал отряд в казарме и обратился к красногвардейцам:

— Товарищи! В Туране и Уюке кулаки подняли контрреволюционный мятеж. Совет поставил перед нами задачу — ликвидировать его. В Уюк и Туран пойдут 25 красногвардейцев, в том числе четыре пулеметчика с двумя пулеметами. Остальные останутся здесь и тоже будут готовиться к выступлению.

Зазыба зачитал фамилии тех, кто шел в поход. Саша оказался в их числе.

— Через час выступаем, — сказал командир.

После обеда отряд собрался на берегу Енисея. По реке шла густая шуга. Громадные льдины сталкивались друг с другом, с шумом расплзались, лезли на берег, громоздя белые валы. На правый берег надо было переправить лошадей, два ходка с пулеметами и людей. Майское солнце ослепительно сверкало. Воздух прогрелся, и вдали от реки даже было душно. Только здесь, на берегу, рядом с белым потоком льда, было свежо, шумно, весело. В полдень с запада изредка стали проноситься легкие порывы ветра. Они постепенно учащались, становились сильнее. Крюков, уже знавший весенние капризы здешней природы, сказал Зазыбе:

— Ну, брат ты мой, быть буре! Никуда мы с вами сегодня, наверное, не сможем поехать!

Никифор Григорьевич оказался прав. Ветер стал таким сильным, что срывал с людей шапки, поднимал прошлогодние листья и нес их над городом. Скоро все вокруг загудело, закружилось. Пыль, песок и даже мелкие камушки поднимались в воздух сплошной пеленой. Ветер с диким воем злобно хлестал

песком в лицо, в уши, по шее, бросал его в глаза, за воротник. На зубах неприятно хрустел песок. Трудно былодохнуть, не глотнув доброй порции пыли. Неистовый шайтан свистел, стонал, сыпал песок, трепал деревья, ломал сучья. Бурые песчаные тучи заслонили солнце и даже ближайшие дома. Дьявольская пляска под дикое завывание ветра продолжалась до вечера. Ярость несчастной бури, называемой местными жителями «белоцарским дождем», «дурой», и ледоход не дали в этот день отряду переправиться через реку.

Только второго мая красногвардейцы выступили в поход. Катя пришла проводить Сашу. Они стояли на берегу Енисея.

— Когда ты вернешься, Саша? — спросила Катя.

— Да как знать? Как уж получится! Усмирим кулаков и приеду, — ответил юноша.

Кате нелегко было расставаться с ним. Она уже успела полюбить юного красногвардейца. Как сказать ему, что он самый красивый из всех парней в Белоцарске, что она любит его? Эта мысль не давала ей покоя. Ведь неудобно первой. Стыдно. А вдруг он засмеется. Это самое страшное! Нет! Не должен! Ведь он сам, кажется, смотрит на нее — не насмотрится...

— Напишу ему письмо и перед самым отъездом отдам, — решила она, — а там будь что будет!

Теперь письмо лежало у нее в кармане, и она только ждала момента, когда Саша пойдет к переправе, чтобы вручить ему свою судьбу. Катя знала, что до самого Сашиного возвращения ей не будет покоя — что скажет, что он подумает о ней, хорошо ли она поступает? Придется мучительно ждать неделю, а может быть, и больше.

— Катя! — прервал ее размышления Саша. — Мне пора ехать! Ты очень хорошая, Катя! До свиданья! Я все время буду помнить тебя!

— До свиданья, Саша! Возвращайся скорее! Буду ждать! — и она решительно сунула письмо в карман Сашиной шинели. — Это письмо! Ты из него все, все узнаешь!

— Спасибо, Катя! — и он осторожно, но крепко пожал девичью руку.

Итак, отряд красногвардейцев отправился в Уюк. Председатель Урянхайского краевого Совета Степан Константинович Беспалов и заведующий земельным отделом Совдепа Никифор Григорьевич Крюков возглавили его. Саша ехал в строю. На рукаве его шинели четко выделялась яркая красная повязка. За спиной — винтовка.

Третьего мая отряд прибыл в Уюк. Разоружив несколько бандитов, не встретив серьезного сопротивления, посланцы Советов двинулись в Туран, где сосредоточились основные

силы мятежников. Зазыба, верный воинской выучке, решил послать разведку. Он вызвал к себе красногвардейца Норкина и пришедшего из Минусинска Григория Баранова.

— Хлопцы, поедете в разведку. Норкин — за главного. Километра через полтора-два за вами будет двигаться весь отряд. Вы должны внимательно смотреть вперед и по сторонам. Заметьте скопления людей, да к тому же вооруженных — в разговоры, а тем более в перестрелку, не вступайте. Встретите одиноких прохожих — спросите, как там, в Туране. Далеко от нас не отрывайтесь. В любом подозрительном случае проявите осторожность. В случае опасности зараз вертайтесь до нас и докладывайте обстановку. Ясно?

— Ясно! Товарищ командир! — радостно ответил Саша. — Можно ехать?

— Да! И сейчас же!

Саша и Григорий поскакали по дороге к Турану. Обогнав отряд на условное расстояние, они оглянулись и пустили лошадей шагом. Лучи солнца щедро заливали горы и долину реки Туран. Уже начинала зеленеть трава. Легкие курчавые облака безмятежно бероздили голубищу весеннего чистого неба. Суслики, задрав хвосты, торопливо перебежали дорогу. Красногвардейцы спокойно дьигались вперед. Саша дотронулся до кармана гимнастерки на левой стороне груди. Там приятно зашуршало Катинo письмо. Рядом с ним лежало другое, которое он написал Кате в Уюке. Как его отправить по нужному адресу, он не размышлял. Просто был уверен, что случай представится. Или, в конце концов, сам привезет. Какая она молодец! Поняла его и помогла в затруднительном положении. Уж теперь-то он знает, что делать. Милая Катя! Ну, конечно, она будет его женой! Как он ее любит!

Вдруг у моста через речку Туран захлопали выстрелы. Григорий Баранов увидел, как Саша схватился за грудь и выронил поводья. Из-за прибрежных кустов, из-под моста высочили туранские кулаки и побежали к разведчикам.

— Назад, Саня! Поворачивай! — закричал Баранов и поскакал обратно.

Пули засвистели ему вслед. Он обернулся. Лошадь Норкина неторопливо шла в обратную сторону, а Саша, сраженный бандитскими пулями, лежал на дороге. Его окружила толпа мятежников. Выручить товарища из беды было невозможно, и Баранов поскакал скорее предупредить отряд о кулацкой засаде.

Красногвардейцы, услышав стрельбу, сами поняли, что ребята нарвались на засаду. Зазыба приказал бойцам рассыпаться в цепь. Прискакавший Баранов доложил, что Норкин убит и что на пути отряда не менее двухсот вооруженных

мятежников. Из-за малочисленности отряда в бой решили не вступать, а отойти в ближайшие горы, громоздившиеся восточнее дороги, по которой отряд и продвигался. Кулаки тоже не решились наступать по открытой местности. Отряд возвратился в Уюк. Без Саши.

Через несколько дней после подавления мятежа тело юного красногвардейца привезли в Белоцарск. Смерть долго не мучила его: жизнь оборвалась сразу, не оставив следов страданий на лице. Он был и мертвый красив. Пробитые двумя пулями, окровавленные, лежали в кармане его гимнастерки письмо Кати Барановой и ответ на него. Оба отдали Кате. Девушка горько рыдала. Похоронили Сашу на городском кладбище.

Степан САРЫГ-ООЛ

ИЛЬИЧ ВО ВСЕМ

Поэма

В глубине земли отросток корня
 темнотою плотною одет,
 как закрытый глаз,
 сквозь веко черное
 все же ощущает солнца свет.
 Вся земля расшита и расдречена
 разнотравьем солнечных лучей.
 Все живое в ней — от солища вечного:
 кедр и мошка, поле и ручей.
 От светила, щедро ласку льющего,
 каждый получает жизни дар...

Человек, лишь ты, хозяин сущего,
 вечно в битвах и в огне труда.
 Все дары земли и солнца вынес ты
 на своих натруженных плечах —
 все равно тебе, в борьбе неистовой,
 не хватает хлеба и луча.

Разум не в молениях рождается —
 что возьмешь униженной мольбой!..
 Гнев от мук народных пробуждается
 и растет,
 и стать ему — борьбой.

Смерч, огонь, гроза и наводнения —
 не смести им жизнь с лица земли!
 Крепнут в почве корни обновления,
 чтоб еще пышней цветы цвели.
 Знает жизнь, свое цветенье празднуя:
 в силе солнца скрыт ее исток.
 Силой человеческого разума
 счастье человека
 расцветет.

1.

Вот и я на земле живу,
и немало в жизни видал...
Много раз я видел Москву,
Ильича живым — никогда.
Я не видел его живым...
Как поверить в эти слова?

В нашей жизни, знаете вы,
всюду Ленина мысль жива.
Не однажды пытался враг
вырвать корень наш из земли —
уползал он, скуля от ран.
Корни крепи, цветы цвели.

2.

В Мавзолее, из красного мрамора сложенном,
в самом сердце Москвы покоится Ленин.
Я иду к нему — медленно, по широким ступеням.
Говорю ему — в мыслях, тишины не тревожа:
— Справедливым ты сделал мир жестокий, неправедный,
угнетенных вознес до звездных вершин.
Твое сердце сгорело в бушующем пламени...
Спи спокойно: труды твои завершим.
Людам отдал ты силу безмерного разума —
и бессмертными сделались мысли твои.
Мы по-разному жили,
и родились мы — разными,
но тебе благодарность
каждый в сердце таит.
Помнишь ссылку,
Саяны высокие, снежные?
Может, слышал в ту пору, что за горами,
по тайге, по степному раздолью безбрежному
бродит нищее племя, почти догорая?
Посмотри же: я — сын погибавшего племени.
Ты же видел тогда сквозь горные выси:
грызли тело народа
в то глухое безвременье
ненасытные чудища — злые мангысы.
Ты племен не делил по старинной их розни:
кто там русский, кто — сын Казахстана. Алтая...
Ты боролся за всех, от участи грозной,
от мучений и тюрем освобождая.
И твоею рукой, я знаю, подписан

тот великий, тот первый в мире декрет,
от которого выпали
хищные зубы мангысов
и зажегся в Саянах
чистый солнечный свет.

3.

Имя мое — Тюлюш.
Племя мое — Тюлюш.
Редко заглядывал луч
в нашу степную глушь.
У Соляной горы
земли ее лежат...
Каменные бугры,
стужа, нещадный жар...
Лица у нас просты,
кожа на них темна,
словно песком пустынь
с рожденья заметена.
Век бы нам кочевать,
кланяться богачам,
с голоду изнывать,
слышать лишь свист бича...

4.

В черную глыбу веков ударила молния.
Ярче рассветных лучей — нахлынули годы.
Зло разлетелось, как пыль.
И в небе свободы
вспыхнул весенний цветок, сияния полный.

...Еду я в гости, весной, в родной мой Торгалыг,
где, батрачком скитаясь, я детство прожил,
где на колючках еще хранит караганник
ветхие клочья моих сиротских одежек.
Нет караганика!
Где он, былой Торгалыг?
Вижу: стоит село, похоже на город.
Жителей много — родню отыщешь не скоро...
Улиц читаю названья — кто нарекал их?

Школа возвысилась ровной скалою белой.
Сколько в ней окон!
Как будто ласточек гнезда.
А любопытных детишек вдруг налетело!
Словно цветы на лугу или в небе — звезды.

Вот загородка — на скотный загон похожа.
Вижу: толпятся за ней машины, рогагы:
самая меньшая — ростом, будто сохатый,
большая — и со слоном потягаться может.
Как же их много!
Стадо. Табун. Отара.
Имени не подберешь — неведомо, сколько!..

Стыдно признаться, а только в родном поселке,
словно впервые — в Москве, заплутал я, старый.

Вот и еще один дом... Стою перед дверью.
Женщина в белом, как горная куропатка
(так и сверкает халата каждая складка!)
дверь открывает. В глазах — привет и доверие.

— Вы заходите, стец! — и солнце лучится
в черных очах. — Говорите, что вас тревожит?..
Ох, да никак я попал в больницу! Лечиться?
Может быть, врач мне родню отыскать поможет?

— Вы уж меня извините, милая дочка.
Вот к вам какой приблудился больной тяжелый!
Брата ищю. И иду, как будто бы, точно,
а не признаю никак, где дом Атат-оола!

— Дядя, родной мой! Да как же я не узнала!
Вы же меня на руках носили когда-то!..

Так я знакомлюсь снова с дочерью брата.
Кто бы подумал раньше — доктором стала!
Долго гляжу в девичьи черты родные
и поднимаю глаза на новый Торгалыг:
вижу просторы, радостные, иные,
словно лицо Ильича над ним засверкало.

5.

Покидаю тебя, Торгалыг,
чтоб проехать вновь на коне
по местам, где детство шагало
с тяжкой ношею на спине.
Здесь белели юрты хозяев
да пестрел разномастный скот...
Наши юрты, дыры раззявив,
богатеям смотрели в рот.

Здесь совхоз. И овцы — другие:
удивительная белизна!
И горды края дорогие
славой, орденом чабана.
Вот Чаа-Суур лежит предо мною,
вот поляны Арыг-Бажы...
Все узорное, расписное,
как девичий паряд — скажи!
Вот и ты, гора Соляная,
величавый Дус-Даг, стоишь,
смотришь гордо, как будто зная,
как бесценны клады твои.
По стоянкам старым прошел я —
от вершин Саглы, Арзайты,
вплоть до скал и ущелья Хоолу —
всюду солнце, всюду цветы!
А Тес-Хем моя стрункой длинной
разрезает степной простор,
неоглядны ее долины
с камышами вокруг озер.
Где бы степь ни окинул глазом —
всюду сена стоят скирды...
Человеческий всюду разум,
человеческих рук труды.
Мой Овюр! На любой из стоянок,
где сынов твоих я встречал,
над широкой степью стояло
ясным солнцем лицо Ильича.

6.

Широка моя дорога,
необъятен мой простор.
Надо всей страной — широко
крылья сокол мой простер.
И лечу я с ним, крылатым,
будто сам я птицей стал,
от востока до заката
по родным моим местам.
Не одна Тува — родная:
велика моя семья.
Верный сын, я твердо знаю:
ты, Россия — мать моя.
С каждым днем тебе все ближе
песни младших сыновей...
Орден Ленина я вижу
на груди Тувы моей.

7.

Во всем лицо его отражается.
Улыбки его лучи заблестели
на лицах моих земляков, просекающих
асфальтовым трактом — от Кызыла до Тээли.
Дорога то кружится в упоении,
а то, облака оставив внизу,
уходит все выше... Моторы запели...
Так поднимаемся на Абазу
и от Балгазына до Эрзина
такой же широкий проложен тракт...
Лети с ветерком, молодежь! Вези нам
лесни, неслыханные в горах!

Еще отражен он во взгляде гордом
хозяев полей осенних бескрайних —
ведут по степям они, комбайнеры,
хотеем рожущие комбайны.
В глазах чабана, от жестокой бури
спасающего овец и ягнят
отары колхозной, —
в мудром прищуре
мне видится тоже ленинский взгляд.
В руках горняков рождаются реки:
то ртуть, то руда, то асбест-волокно...
И здесь, в металле и в человеке,
лицо Ильичево отражено.
Над новой стройкой поднявшись рано,
высокое здание возводя,
сияет девчонка в кабине крана
живым отраженьем улыбки вождя.
Чернеются угольные разрезы,
черпают породу чудо-ковши...
В изломах угля, и в блеске железа,
и в мерной работе сильных машин —
во всем, что сегодня стало привычным
в стране строителей и борцов —
над всей нашей Родиной безграничной
мне видится Ильича лицо.

8.

Из родной Тувы в Москву приеду, —
не откладывая ни на час,
вглядываюсь в жизнь...
В трудах, в победах —
всюду вижу облик Ильича!

И на Иссык-Куль, к друзьям-киргизам,
ездил я — там жизнь кипит ключом.
Оперу их слушал, весь пронизан
звуками...

И там — моя Отчизна,
я и там встречался с Ильичем.
А на Север прилетел, к якутам —
солнцем там зима побеждена,
там, над тундрою, в снега укутанной, —
Ильичева вечная весна.

9.

И еще смотрю — в другие стороны:
в пламени и Запад, и Восток.
Чили, Чили...
Этот возглас скорбный
гнев и из моей души исторг.
Но в земных глубинах крепнут корни,
и не меркнет солнечный цветок.
Сила правды, ты мужаешь в бедах.
Вот само бессмертие — Вьетнам!
Восхищен весь мир его победой.
Вижу облик Ленина и там.

ВРАЧУ

Ли А. Н.

То рук касаешься, нащупывая пульс,
то сердце слушаешь, отыскивая боль, —
прикосновениями легкими, как пух,
смиряешь сердца гулкой бой.
А как задумчиво-участливы глаза!
Лекарства лучшего не знал всю жизнь свою:
так сильно жить хочу,
так много всем сказать —
во всеоружии на битву встаю.

В цветущий мир весны опять меня введи,
как мать в младенчестве...
Как свеж он — мир весны!
Будь сердце не одно в твоей живой груди —
не пожалела бы отдать его больным.
Где друг отыщется — такой, чтоб жизнь продлил,
своей рукой меня у смерти отобрав?..
Входя в весенний мир ликующей земли,
— Ты жизнь вернула мне! — скажу — и буду прав.

ГРУЗИНКЕ

Вершины Кавказа в снежном уборе,
и вечные скалы, вечное море
прекрасны. Но выше их красоты
грузинская девушка, Нона, ты!

Как ласточек крылья — размах ресниц.
Стан — ветром волнующий кипарис.
В мерцании слов мне слова приснишь.
в глаза мне, лукавая, посмотри!

Приданое солнцем тебе дано:
румянец твой темн, словно вино,
как пламя летучее, ты сама,
как будто тебя написал Пиросман.

Дар солнца грузинского — виноград —
приелся он мне, не сулит наград,
устали глаза мои от цветов...
Но все на тебя я глядеть готов.

Одним наслажденьем сердца и глаз
меня не насытил еще Кавказ:
мечтая, и радуясь, и скорбя,
смотреть тебе в очи, видеть тебя...

ПЕСНЬ ДРУЖБЫ

Спросят, сколько братьев у меня. —
я, пожалуй, сразу не отвечу:
очень велика моя родня...
В небо поднимусь, Луне навстречу,
и с высот на Землю укажу:
вот мой дом, семья моя, — скажу.

Пусть различен цвет волос и глаз —
крепко братское рукопожатье.
Свой язык у каждого из нас —
все равно мы все — народы-братья!
Это братство в битвах родилось,
победив и замкнутость, и рознь.

Русским и тувинским языком,
как родными, я теперь владею,
и с другими несколько знаком —

их расцвет един с судьбой моею:
счастью братьев радуясь, пою
песенку тувинскую мою.

Дочка младшая в семье резва,
старшим братьям — в радость,
не в обузу...
Так цветет Советская Тува
в братстве величавого Союза.
Вижу орден на ее груди...
Песня счастья,
над страной лети!

СОКРОВИЩА

Когда укроет нежно землю ночь,
нельзя ли мне горстью
черпнуть у Луны серебра?
Чавагу я сковать хочу давно,
давно твои дивные косы украсить пора.

Когда рассвет, как зеркало, блеснет,
нельзя ли у Солнца
похитить мне золота горсть?
Сережки пусть златокузнец скует,
а я в день рожденья
тебе принесу их, как гость...

Но ты сказала: не нужны тебе
ни золото Солнца,
ни лунное серебро...
Лишь сердце хочешь взять мое себе,
лишь этот подарок —
в ответ на любовь, на добро...

А прежде я не ведал, что владел
сокровищем выше
и золота, и серебра...
Возьми же сердце!
А игрушки две —
Луну, да и Солнце —
впридачу к нему я забрал.

* * *

Не обижайся, старость, и прости,
что недосуг мне
 думать о тебе:
еще тебя я
 сердцем не постиг,
о молодости песню
 не допел.

К тебе приводят
 все пути людей...
Когда-нибудь, к закату,
 добреду...
Позволь мне петь
 о юности моей,
цветок весны воспеть,
 любви звезду!

Пока не стала инеем роса,
не зашуршала
 желтая листва,
позволь мне воспевать
 не перестать,
как милый взор
 яснее зорь
 блистал!

Напоминай мне сроки.
 Торопи.
К закату
 песню и тебе спою:
про годы,
 жаркие,
 как вихрь в степи,
про молодость
 и про любовь твою.

РЕЛИКВИЯ

Пушкин передо мной.
 С задумчивого портрета
в сердце мне устремлен
 лучистый и строгий взгляд.
С юности до седины
 душа моя им согрета.
Чту его, как богов
 в кумирнях буддийских чтят.

Как шаману шаман
 вручал, умирая, бубен —
так
 от песен его
 голос мой зазвучал...
Щедрый, светлый родник

во мне вдохновенье будит —
так, как дарят снега
кипенье горным ручьям.

Время мне кочевать.
Сверну, как привычно, юрту.
Бережно положу на вьюк
любимый портрет...
Зелень горных лугов
мне кажется неуютной,
если его со мной
на новой стоянке нет.

Век кочевий прошел.
Пора мне на новоселье.
В прочный каменный дом вхожу —
теперь навсегда.
Строгий, лучистый взгляд
тревогу мою рассеял:
детям,
внукам своим
в наследство портрет отдам.

РАДОСТЬ

Баллада

Шестидесятый раз Кончук шагаа встречает.
На пенсию идти решиться нелегко.
Не радуют его приветствия с речами,
ни драгоценный дар — в богатой сбруе конь.

Нет, не привык старик! Томится без работы:
то длинен день ему, скорей бы, что ли, ночь,
то до утра не спит, как будто ждет чего-то,
не болен, вроде бы, а как-то все невмочь...

И месяц, и другой промаялся... Худого
не скажешь про жите, да только вот — тоска...
Однажды поутру привел старик Гнедого,
привычно оседлал, печально приласкал.

А конь стоял, уздой серебряной сверкая,
нет-нет да и тряхнет точеной головой...
А уши — ножницы! А стать-то, стать какая!
А чуток — что в тайге олень сторожевой!

Легко ли на коня, в седло поднять Кончуку
весомый груз своих шестидесяти зим?..
А конь стоит и ждет, поглядывая чутко..
Ну что же, дорогой, куда-нибудь — вези!

Конь тихо тронулся. Но только за ворота —
не сдержишь молодых нетерпеливых сил!
Стыдясь односельчан, махнув рукой — чего там! —
дед за околицей поводья отпустил.

Подол халата вмиг раздут кузнечным мехом,
Гнедой рванул вперед!.. Дорога все трудней..
Дороги вспомнил дед — он столько их проехал! —
и вспомнил огневых друзей своих — коней.

Как ветер, мчит Гнедой — то в степь, то по увалам,
густые заросли черемух миновал..
Ого! Уже села вдали — как ни бывало,
и не заметил, как взлетел на перевал.

Где тяжесть долгих лет? Скатилась, словно камень,
со склона, где царит сосна, как дангына?..
Ты, быстроногий конь, в стремительном мельканье,
неужто молодость ушедшую догнал?

Легко, как в юности, дед соскочил с Гнедого
и долго сам с собой о главном толковал
и трубкою дымил... И слушала сурово
святыня старых лет — высокая овца.

Сидел старик, курил... Вдруг — радость озарила
морщины темные... И встал Кончук. Слегка
касаясь стремени, орлом в седле парил он —
он в стан табунчиков направил бег Гнедка.

Байкара ХОВЕНМЕЙ

ГОРДИМСЯ!

Гордимся мы величием Закона,
которому согласно наш народ
в родных горах работает спокойно
и в счастье правды Лещинской живет.

Мы учимся — войдите в наши школы.
Вершин науки достигает ум.
Мы трудимся — и час досуга полон
стозвучных песен и высоких дум.

Советский Герб... В литье его колосьев,
в багрянце наших боевых знамен,
панфиловцев бессмертных 28,
и героизм Бухтуева — все в нем.

И символы труда на нашем Гербе —
рабочий молот и крестьянский серп.
И красная звезда на нашем небе,
и на Венере наш, Советский Герб!

Среди народов малых и великих
бесправных нет — все вольны и равны.
Как с братом брат, в семье многоязыкой
мы русской речью объединены.

Нигде на свете не найти вернее
союза ста племен моей страны,
и от Москвы-реки до Енисея
мы все — ее любимые сыны.

Монгуш КЕНИН-ЛОПСАН

ЧЕРНЫЙ ЖУРАВЛЬ

От Чаа-Холя к перевалу Адар-Тош
летели мы встревоженною птицей.
Но черною бедой,
 как черный нож,
журавль над нами истоиво кружится.

Он то взлетит над тихою землей,
то снова сядет на клочок избитый.
О чем поведать он спешит, родной?
Ведь мне и так душа его открыта.

Я понимаю птицу в этот миг.
С клочком земли не может он расстаться:
здесь брат по сердцу навсегда затих —
жесточкой пулей оборвали братство.

Кружит в лазури нежный черный пух
и на песок не в силах опуститься...
Какой кретин порадовал свой слух
предсмертным криком этой редкой птицы!

Я слышу, как журавль ведет мотив:
в нем боль звучит.

 И в нем тоска по другу.
И правда горькая, что, крылья распустив,
он не помчит по радостному кругу.

Ответа на курлыканье свое
он не услышит, нет! И это ясно!..
Ах, если бы не меткое ружье,
как пели бы вдвоем они согласно!

Журавушка, родной!
 Ты одинок.
И одиночество твое страшнее боли.
О, если б мог я!
Если б только мог
помочь тебе в непреходящем горе!

ДЕВУШКА-ШОРКА

*Посвящаю Галине Антоновне Сурбашевой.
студентке медучилища в городе Дивногорске.*

Над светлой волной Енисея,
как памятник прежних времен,
стоял монастырь. Он позднее
в дом отдыха был превращен.
Здесь, в отпуске, зимней порою
ты стала мне милой сестрою.

Свободно, легко, окрыленно,
как ветка, нежна и гибка,
на лыжах по снежному склону
ты мчалась быстрее ветерка,
с откоса крутого слетая
косулей из горного края.

Мне юным не быть. Не мечтаю
стать черной косою твоей...
Прощаясь, как брат, завещаю:
будь добрым врачом для людей,
верни им здоровье и силы,
врагом будь болезни постылой.

Сестра моя, ночью морозной
я взгляд устремлю в небеса,
увидю блестящие звезды
и ясные вспомню глаза.
Знай: где бы теперь ни была ты —
найдут тебя нисьма от брата.

ЧАШ-ТАЛ

Вот земля — Отчизны благодать...
Вот где жизнь мне подарила мать.
Плеск воды твоей мне гимном стал,
кровью сердца стала ты, Чаш-Тал!

Лишь накрылась снежной пеленой,
сразу стала бунтовщицей злой,
яростно со льдом вступаешь в бой,
пар горячий вьется над тобой.

А в жару русло твое бедно,
глыбы-камни обнажает дно.

Но когда прольются слезы туч,
дивной песней зазвучит твой ключ!

Как шаман, поет твоя волна.
Мне удачу ворожит она,
оттого я смог поэтом стать
и стихом на подвиг поднимать!

Нежность и настойчивость моя —
все от вас, суровые края!
Дал мне песню твой поток, Чаш-Тал.
Ты — любви моей исток, Чаш-Тал!

ЛИСТВЕННИЦА

И днем, и ночью, охраняя тишь,
как сторож, осмотнительный и строгий,
ты, лиственница, много лет стоишь
у нас в тайге, в зеленом Птичьем Логе.

В тени ветвей — сухой, широкий круг,
где жжет костер охотник на привале.
А ты над ним — и часовой, и друг,
верней которого найдешь едва ли.

Сегодня день осенний, золотой,
и я в тайге, как мой велит обычай.
Вот след костра под щедрою золой,
вот белки скачут... Слышен гомон птичий...

Ты все не старисься. Ты молода.
К тебе меня отец привел когда-то...
В ручье по-прежнему журчит вода,
но нет отца. И тяжела утрата...

Все так же на твоих ветвях густых
висят могучие рога марала.
А здесь отец оставил для других
сушеного ааржы мешочек малый.

С тобой дружил отец. Не оттого ль
из трещины в коре сочатся капли?
Ты тоже чувствуешь живую боль,
утратив друга старого, не так ли?

Но посмотри, как хорошо кругом!
Вот я развел костер на прежнем месте.

Здесь для друзей и птиц родимый дом.
и мы с тобою, лиственница, вместе.

* * *

Холмистый берег, где стоим с тобой,—
смотри, какой простор, какое чудо!..
Состарился и ветер марта злой,
от нас бежит, уходит прочь отсюда!

СОСНОВЫЕ ШИШКИ

Сосновых шишек-дикарок
и полный мешок собрал.
Где вырастет мой подарок —
я в точности не узнал.

Быть может, у дальних взгорий,
а может, в краю озер
подыметесь на просторе
смолистый сосновый бор...

Но где ни взойдет богатство
родимой тайги моей —
тот лес будет лесом братства
и радостью для людей.

ЗДРАВСТВУЙ, КОЖЭЭ!

Как сторож, молчаливый и огромный,
стоит в стени кожээ, ветрам открытый.
Недвижным взором он глядит в лицо мне,
в руках сжимая чашу из гранита.

Вокруг кожээ хожу благоговейно...
Но что с ним? — Он печальный и усталый,
он страшным одиночеством овеян,
как заблудившийся козленок малый...

О, кто глумился над тобою, воин?
Какой подлец швырял в тебя камень,
стрелял в твой лоб?!. А ты стоял, спокоен,
не зная за собою преступленья.

¹ *Кожээ* — высеченная из камня фигура древнего воина.

Кто братьев каменных твоих похитил?
Чьи руки базырык¹ твой растащили?
Ты создан оживить нам, долгожитель,
минувшего нетронутые были.

Кожээ! Тебя не покорили годы.
Кожээ! Открой, кто был твой древний мастер?
Кожээ! Ты — книга знаний для народа.
Кожээ! Ты — наша гордость. Вечно здравствуй!

¹ *Базырык* — курган, куча камней около мсгильника.

Олег СУВАКПИТ

РОДИНА

Родина — это Саяны,
степь, волна Улуг-Хема,
это моя постоянная,
самая главная тема.

Родина — это люди
с мозолистыми руками.
Вовеки греть меня будет
общности жаркое пламя.

Родина — это также
и мама моя...
Порою
всего одно слово скажет —
и станет тепло, как весной.

Родина — улыбка любимой,
смех ребенка в квартире,
самое необходимое,
самое светлое в мире.

Родина — утро раннее,
алый флаг над карнизом,
и пульс, и мое дыхание,
и вся моя жизнь...
Вся жизнь!

НАШ ПУТЬ К ПОБЕДЕ

Мы шли к победе, нет, не полем чистым —
в дыму пожарищ, по болотам мглистым.
Нет, устлан не был этот путь цветами,
а полит кровью нашей и слезами.
Когда сгущались тучи над Отчизной
и полчища врагов сгущались тоже,

мы шли навстречу смерти —
ради жизни,
но каждый шаг давался все дороже.
О, сколько их — солдат страны бесстрашных,
героев, на пути к победе павших.
В родной земле и чужеземных странах
они лежат в могилах безымянных.
На веки вечные
могилы эти
стоят, как вехи,
на пути к победе.

ОСЕНЬ В ТУВЕ

Прекрасна осень в моей Туве!
Вдали прозрачно сверкают горы.
Яркие краски в степной траве
с ярким солнечным пламенем спорят.

Брусничник как будто в угольях весь.
Горят эти угли — будят тревогу.
Я снова на Родине, снова здесь!
Из-под ладони гляжу на дорогу.

А надо мною летят журавли.
Летят они — и курлычут, стонут.
И вот уже тают в сырой дали,
как будто тонут —
как будто в омут!..

Им трудно Родину покидать —
я это знаю, я их жалею...
А здесь, на Родине —
благодать!
Светлеют воды, леса светлеют.

Поля одни лишь черным-черны —
уже распаханы, к весне готовы.
В тайге все дальше костры видны —
костры охотников и звероловов.

Прекрасна осенью моя Тува...
А после разлуки —
еще прекрасней!
И от простора
кругом идет голова,

как будто и сам я
к нему причастен,
как будто и сам я —
частица его,
навек слит я,
с ним воедино...

Теперь-то я знаю,
что нет ничего
дороже и ближе
земли родимой!

ТЫ УЕХАЛА...

Ты уехала...
Вновь я остался один.
Над стихами сижу.
Только вновь ничего не выходит.
А за окнами —
с белых Саянских вершин,
все вокруг озаряя,
румяное утро нисходит.
Ты сейчас далеко...
Там у вас еще темная ночь.
Ты, усталая, спишь,
и ладонь у тебя под щекою.
Я приду к тебе, слышишь!
Я сумею беду превозмочь.
Я подушку поправлю твою,
одеялом теплым укрою.
Спи спокойно, мой друг!
Спи спокойно.
Так тих я и нем,
словно нежность сама.
Я тебя, я твой сон охраняю.
Пусть приснятся тебе
Саяны, рассвет, Улуг-Хем...
Будто снова мы вместе,
будто снова мы вместе, родная.
А когда ты проснешься,
когда ниспадет забытье, —
улыбнешься внезапно,
как только ты мне улыбалась,
и поймешь, что не ветер,
не ветер — дыханье мое
в эту ночь в твою комнату
нежно и чисто врывалось...

ПИСЬМО

Письмо...
От тебя письмо!
Как будто бы счастье само
держу я в руках...
И читаю,
о времени позабываю.
Иду по степи —
■ трава
твои повторяет слова.

ВЕРНОСТЬ

Я с тобой никогда не расстанусь —
так завещано юностью светлой.
Никому не порвать
моей верности прочную нить!
Пусть мы розно живем,
пусть нам в грудь
дуют разные ветры —
ты со мною повсюду.
И судьбу ни к чему мне винить!

ОЗЕРО БУЛАННЫГ

Озеро Буланнѳг, озеро Буланнѳг...
Взлетевшей стаи протяжный крик.
Рыб сверкающие плавники.
Туман, разорванный на куски.
Роскошный ковер из трав и цветов.
Голубое пламя меж горных хребтов.
Чистоты и света верный союз —
волны бегут,
бегут и поют,
нежно поют, как хомус.

Мы с другом сидим на крутом берегу,
перед разлукою молча сидим,
как будто мы оба в каком-то долгу,
как будто в чем-то виновны с ним...
Конечно, никто не виновен ни в чем!
Я друга тихо толкну плечом:
довольно грустить!
И улыбнусь:
— Слышишь, волны поют, как хомус.

Да, мы расстаемся...
Дела нас ждут.
Дел неотложных неупорот.
Мы расстаемся — но этих минут
нам не забыть, как и этих вод.
Пусть помыслы наши будут чисты,
пусть светлыми будут
наши дела,
как эта прозрачная толща воды,
как эта вода чиста и светла!

Алдын-оол ДАРЖАА

В МОЕМ МАЛЕНЬКОМ СЕРДЦЕ

Украшенный травой, песком, волной,
наполненный клокочущим огнем,
веретеном
кружится шар земной!
В свой час
для счастья я рожден на нем.

Топчу планету ночью, утром, днем
и вечером,
укрыв от холодов
родную землю радужным ковром,
сплетенным из всех моих следов.

Когда-то я покинул Чаа-Холь,
где в звонкой речке быстрых рыб ловил,—
объездил много городов и сел,
со многими людьми чайку попил.

В столице счастья всей земли — Москве
я был, и улыбалось солнце мне,
и столько дум теснилось в голове
о жизни, о пароде, о стране!

Украшенный травой, песком, волной,
наполненный клокочущим огнем,
веретеном
кружится шар земной!
В свой час
для счастья я рожден на нем.

Людей, живущих правдой и трудом,
и землю, что встает навстречу дню,
навек в сердце маленьком моем
я поместил и бережно храню!

НЕ ИССЯКНЕТ РОД РАЗУМНЫХ

Чуть синяя тайга плеснет вокруг,
чуть омут леса дрогнет в нетерпенье —
твоих неторопливых, ловких рук
я вспоминаю каждое движение!

Там, где сошлись тропинки,
в шалаше
ты банку соли в плотный белый ватман
завертывал — так легче на душе! —
и стягивал веревкою трехкратно.

Потом писал, нажав на карандаш:
«Здесь, путник, ты найдешь немного соли.
Перед уходом подмети шалаш
и продолжай свой путь по доброй воле!»

Но вскоре ты в больницу угодил,
в горах сорвавшись со скалы отвесной.
И наш шалаш я навестил один:
здесь побывал какой-то неизвестный...

Твое письмо он вряд ли прочитал,
напрасно ты взывал к его рассудку!
Он оторвал клочок и сразу стал,
достав махорку, делать самокрутку,
он разбросал окурки по углам.

Немного израсходовав, — сгодилась! —
оставил соль...
с землею пополам,
как будто для него, скажи на милость,
закрывать бумагой банку — тяжкий крест!

Он за добро добром платить не может...
Найдя припасы мыши,
суслик съест
немного — остальное уничтожит!

Душа пришельца — черная, небось,
как слой смолы в невычищенной трубке,
и жизнь — как соль, горька...
Недобрый гость.

Я не могу понять его поступки!
Мой добрый друг, ты прав, в конце концов,
ты не витаешь в небесах лазурных:
не долгие веки глупцов и подлецов —
веки не иссякнет род разумных!

БУРОВОЙ МАСТЕР

С. М. Тумен-Хоо

Для друга ничего не жаль,—
и сердце вырвешь и отдашь ты.
Не скроешь радость и печаль;
ведь в жизни виден шаг твой каждый.

Проникнешь в грудь хребта Танды —
ощупаешь земное сердце.
Оно — из камня, но ведь ты
заставишь и скалу согреться!

Народу бережно несешь,
как сердце, дело целой жизни.
Пусть не легко тебе, а все ж
ты служишь матери-отчизне!

* * *

Вот край босого детства друга,
где зря ищу тех дней следы.
Ты, Хендерге, — как полог луга,
весь в зелени, бескрайний ты...
Коровы тонут в травах сочных —
как стали тучны в малый срок!
О, край озер и рек молочных! —
Не здесь ли сказок был исток?..

И для овец тут травы сладки,—
нагуливают овцы жир.
Теперь на зимы нет оглядки,—
и нам не страшен целый мир!
Несметные дары природы
пойдут на службу наших дней.
Здесь друга след искал я годы,
нашел —
и вот гляжу бодрей!

ОТВЕТ АРАТУ

Н. С. Тэмбреку

— «Ты в Хендерге стал гостем частым.
Какой удачи ищешь, брат?
Иль здесь нашел свое ты счастье?» —
спросил меня старик-арат.—

— «Или тебя лучи коснулись
маянцей девичьей души,
и в сердце чувства вновь проснулись,
что ты когда-то приглушил?»

Пленен тувинкой молодою,
решил вернуть любви угар,
и в доме, пахнущем смолою,
из головни раздуть пожар?»

Вопроса колкого не струшу.
Не вижу я подвоха в нем.
Готов тебе открыть я душу.
Входи в нее, как в новый дом!

Нет, не любовная утеха
причина, что твой край мне мил.
Я потому сюда приехал,
что здесь мой друг когда-то жил...

Вот так арату отвечая,
сижусь в кругу его родных,
а на душе тепло от чая
и от хозяек молодых.

Хитер арат: прикинул быстро,
какой в ответ и смысл вложу:
прославлю я гостеприимство
и песню про чайлаг¹ сложу.

¹ *Чайлаг* — пастбище, один из символов Тувы.

Салим СЮРЮН-ООЛ

ДРУЖБА

Доподлинно не знаю родословной.
Я не историк. Но известно мне:
когда монгол прискачет к юрте скромной
на резвом быстроногом скакуне,
то вся моя родня его, как брата,
встречала. Чай дымился из пиал.
Неспешно с гостем речь вели араты,
и каждый здесь другого понимал.

Когда Октябрь промчался ураганом
и старый мир перевернул вверх дном,
шагали в бой с берданкой и наганом
тувинец и монгол в строю одном.
Теперь друг к другу в гости нас машины
домчат до пограничного столба.
Нам радостно: насколько стала шире
отцами проторенная тропа!

Незыблемо, как горы Танну-Ола,
ничем не расторжимо и в веках
содружество тувинца и монгола,
когда-то порожденное в степях.
Мы на одном коне по ним скакали,
под шубой в стужу грелись — под одной.
И песни мы о дружбе сочиняли,
и с ними шли в святой и правый бой.

Светлана КОЗЛОВА

ДЕВОЧКА С МОДЕЛЬЮ

Девочка с моделью самолета!
В трудном предвкушенье торжества,
в напряженном ожиданье взлета,
вся — натянутая тетива.
Что ты видишь за своей моделью?
След ракеты синеву прожжет?..

Нет, не от безделья рукоделье
для тебя — мальчишечий кружок.
Для девчонок есть кружки иные:
кулинарный или там шитье...
А — не по тебе дела «земные»,
жизнь тебе нужна,
а не шитье.

Но — и шить научишься, и стряпать,
и останется в тебе жива
в этом напряжении
внезапно
натянувшаяся тетива.
Непрерывной цепью дней рабочих
жизнь пойдет —
все прочно,
все всерьез...

Только от себя,
на «между прочим»,
детские модели не отбрось.
Он не выдуман,
он — настоящий,
сколько б ни обрушилось забот,
твой высокий, чистый,
твой звенящий,
твой счастливый юношеский взлет.

УЯ-А-НА

Мать с отцом записали девочку Жанной —
не по-русски, не по-тувински...

Для нее, самой первой, самой желанной,
кто-то редкое имя выискал.

Ей-то что?

То смеется она, то плачет,
то смешно тербит материнскую грудь...

Имя — что оно? Звали бы как-нибудь...

Только бабушка внучку зовет иначе,
все воркует над ней: «Аяна... Уя-а-на...» —
все ласкает, касаясь волос лицом...

Вспоминает старуха своего Чамыяна,
арзылана в кругу сильнейших борцов.
Вспоминает, как он вдыхал на прощанье
запах черных, еще не седых, волос,
как ушел — далеко...

В грозовом молчанье
там неясное зарево запылало —
может, там, за горами, а может — дальше...

Где ей знать!..

Только он не пришел назад...

Молодым бы родителям, имя давшим,
заглянуть в эти старческие глаза,
прочитать бы в них вечное ожиданье,
и на самый безмолвный вопрос в ответ
рассказать о бессмертной девушке Жанне,
чье далекое имя
воскресло в Туве.

Где им!

Заняты.

Дел полно постоянно.

А старуха над внучкой опять поет.

Все воркует над ней — «Аяна, Уя-а-на»... —
словно жизнь

по наследству передает.

ЯГНЕНОК

Дыханье степи из-под снега вырвалось,
вошло в машину, победив бензин.

Такое чистое, ликующее, мирное,
что каждый вдох, как чудо, поразил.

Дорога — рыжая,
дорога — талая,
дорога — мокрая,
сплошной ручей...

А посреди нее —
овца.
Отстала, и —
ягненок,
маленький,
смешной,
шчей.
Забота матери — его облизывать.
Его бы, с холоду,
в мешок из шкур...

Но мы не видели людей поблизости!
А тропка тянется к горам, как шнур...

А ну, сворачивай!
Езжай по целому,
по снегу белому,
через кусты!
В степной безлюдности
круги выделявай,
чтоб мать с детенышем
согреть, спасти...

Не зря проехали,
бензин потратили,
и время, кажется,
не зря текло:
ягненок тычется под брюхо матери,
в кошаре душно, но — тепло...

А степь останется —
большая, мирная,
следы копытные затянет лед...

А запах степи
из-под снега вырвался
и чистоту свою
мне в сердце льет.

ХОНДЕЛЕН

*Мастеру-камнерезу Хертеку
Монгольбии и его семье.*

Пролетели ветры над старой юртой,
только искры брызнули в дымоход...
Стали скалы круче и неприютней,
тучи повзвеси́ли небосвод.

Что вы, ветры, в юрте, в глуши, найдете?
Старика. Старуху. Но многу лет.
Руки их, истершиеся в работе,
цветом прикоснулись уже к земле.
Но — на пальце женщины древний перстень:
муж его когда-то ей сам сковал —
в юности, конечно, — как дар невесте,
дар любви и редкого мастерства.

А лицо!
Пусть — годы, но в этом взоре
видно отражение торжества,
блеск его с сиянием перстня спорит...
Гордая, как горы — сама Тува!..

Юрта прилепилась в ограде дома.
Ветры, не стучитесь в стекло окон:
там светло и чисто, тепло, удобно —
стыдно вам кидаться туда песком!
Женщина живет там — с косо́й огромной,
с яркими глазищами в пол-лица...

Что-то этот облик на миг напомнит...
Впрочем, на руке ее нет кольца.
В доме ребятишки уроки учат,
в кухне полноправно стоит верстак...

Что им, старикам, разве в юрте лучше?

Может, и не лучше.

А — просто так:
сядут, вспоминают былые были,
мирно и спокойно, без тени лжи, —
как они трудились и что любили,
что узнали в мире — за всю-то жизнь...
Вспомнят, помолчат и еще доспорят:
память их связала — прочней родства...

Ходит в светлом доме,
в ребячьем хоре,
женщина с косою — сама Тува.

Ветры пролетели — и тихо стало.
Радуга весенняя на земле.
Звонко убегает, журча, под скалы
речка говорливая — Хон-де-лен...

ПРОСВЕТ ЗА ЛЕСОМ

Просвет за лесом...
В Подмосковье, помнится,
в девчоночьих походах по грибы,
сквозь ветви, вдруг,
мне виделось оконце
в игре лучей —
то желтых, словно солнце,
а то зеленовато-голубых.
И я смотрела с детским интересом,
и так хотелось мне —
скорей! — туда:
идти, идти...
Войти в просвет за лесом,
своей рукой потрогать эту даль.

Командировки по всему району,
по области, а там — и за Урал
мирок мой сделали весьма объемным...

А луч за лесом все-таки играл!
И я, немного повзрослев с годами,
решительно поняв,
чего хочу,
взяла — уехала в такие дали,
куда и не добраться бы лучу!

Но луч — со мной.
То он скользнет по скалам,
тяжелой рамой охватившим степь,
то прыгнет в голубую глубь Байкала...

А то в тайге,
где впору тьме густеть,
блеснет сквозь лиственницы,

сквозь березы,
в глаза призывно глянет мне — и вот
усталую,
хватаящую воздух,
в просвет за лесом
все-таки зовет!..
И, задыхаясь,
выше, в гору лезу,
и знаю —
мне идти и не дойти...

Просвет за лесом...
Да, просвет за лесом.
Начало
бесконечного пути.

ВЕЧНО БОРЕЦ

Поэма

1.

И в сумоце, и в родном арбане¹
мой отец борцом сильнейшим был.
В жарких схватках, честно, без обмана
многих арзыланов² победил.

Над курносым носом лба громада,
взгляд раскосых глаз был острый, юркий,
шея толстая была, как чурка,
кулаки — большие, как кувалды.

Как кузнечный мех, вздымалась мерно
грудь, большая, как кузнечный горн...
Силой обладал неимоверной,
а характером был тих, но горд.

Как-то утром мы проснулись с братом.
думаем: что делает отец?
Смотрим: он оделся, как борец,
видно, собирается куда-то.

— Папка! Ты куда собрался ехать?
— Очень далеко, сыны мои!
— Мы с тобой, отец, возьми, возьми!
— Подрастайте! — он сказал со смехом.

Тихая обычно, даже слишком,
мать на этот раз просила тоже:
— На одном копе добраться можно,
пусть посмотрят на людей мальчишки.

¹ Арбан — десятидворка (дореволюционное административное деление в Туве).

² Арзылан (лев) — почётное звание чемпиона в борьбе хуреш.

Как на мясо мухи прут роями,
толпами народ спешил к кургану.
Дяде наказав глядеть за нами,
наш отец исчез, как в воду канул.

Вот борцы ватагой из палаток
высыпали на поле бесстрашно.
Секунданты в красочных халатах,
шапками размахивая, пляшут.

А борцы на соколов похожи,
на орлов, плывущих в высях горных.
Каждый, как орел, мгновенно может
на добычу броситься проворно.

Танец кончился — и сразу, с танца,
в жарких схватках закружились пары.
Нашему отцу тогда достался
мускулистый и высокий парень.

За содак¹ схватив друг друга крепко,
закружили, с буйным вихрем схожи.
Вдруг отец швырнул его, как щепку,
но и сам земли коснулся тоже.

Ну и шум подняли, ну галдеж!
— Он сборо! мелькнули только пятки!
— Нет, не он! — Ну, как тут разберешь?
Дали дополнительную схватку.

Вниз, как пуля, устремясь нырком,
за ногу отца борец схватил.
Все же, неожиданно рывком
за содак, отец его свалил.

Многие с восторгом, с добрым чувством
славили отцовское искусство,
а другие с недовольным видом
бормотали: «Поживем — увидим».

В байской и нойонской стороне,
кажется, особенно не рады —
мечутся и корчатся с досады,
словно сухожилья на огне.

¹ Содак — нагрудный костюм борца.

Ведь Начын Очур не думал даже,
что покажет зрителям он пятки,
крикнув: «Аякпана мне!» — отважно,
весело танцуя, шел на схватку.

А теперь и стыдно, и неловко,
потный весь и красный, как морковка.
Ничего ему теперь не надо,
не остался даже и на наэдым.

Баи меж собою об заклад
бились: кто? какой борец поборет?
Озверели, как быки, и спорят:
«Проиграл коня? Веди!» — галдят.

Много раз отец наш побеждал,
и не раз коня в награду брал.
Но не оставляла нас нужда,
и не знали в жизни мы добра.

«Наш борец!» — так нашего ачая
баи и нойоны величали,
но передко, как заклад поставят,
нарочным куда-нибудь отправят.

Бились об заклад между собою
чаще на коня или быка.
До борьбы еще, как волки, воют,
спорят чуть ли не на кулаках.

Чей борец окажется сильнее,
тот и забирает весь заклад.
А борец и жеребенку рад,
если ничего он не имеет.

Как с несправедливостью покончить?
Как нужду согнуть в бараний рог?
Думал наш отец и днем, и ночью,
но придумать ничего не мог.

Чашку араки одну, другую
выпив, песней душу изливал.
Помню до сих пор ее слова,
хоть сейчас вам слезь ее могу я:

— Каждый борец хочет всех побеждать,
но нелегко победителем стать.

— А народ своих людей поставит.
— Ну, а как поставит? — Неизвестно.

Кто же все-таки, какой борец
победил царя со всею знатью? —
многих спрашивал тогда отец —
очень уж хотел об этом знать он.

Кто ответит? Даже грамотеи,
знавшие монгольский и тибетский,
головами попусту вертели.
Даже посоветоваться не с кем.

Раз отец с друзьями на охоту
выехал и нас с собою взял.
Там он высказал своим друзьям
все свои сомненья и заботы.

Говорил он: «Хвастаться не нужно,
но в Туве людей немало смелых.
Кое-что и мы могли бы сделать,
если нам объединиться дружно.

Думаю, что сможем мы заставить
власть отдать и баев, и нойонов.
Но какие новые законы
создадим? Кто сможет их составить?

Как им жить? Как сбросить гнета цепи?
Думали до самого рассвета.
Спорили. Но на вопросы эти
никакого не нашли ответа.

Еще злей тогда нойоны стали —
бедняков судили и карали.
Да и те, что ниже рангом были,
плетками «порядок» наводили.

К баям и не подступись, куда там!
Разве что в сумоне «шишкой» быть...
Тех они зовут даргой¹, аратов
без разбору называют — ыт².

¹ Дарга — господин, повелитель.

² Ыт — собака.

Ламы и шаманы жадной сворой,
как голодные собаки, рыщут,
со всего хотят урвать поборы...
И купцы добычу тоже ищут.

Среди бедных было еще много
не понявших суть своей судьбы,
что была для них одна дорога —
беспощадной классовой борьбы.

Верило людей еще немало,
что попой хороший вдруг найдется,
и совсем другая жизнь начнется —
это жизни суть понять мешало.

Чтоб поднять над миром правды знамя,
русские оружие в руки взяли.
Но в Туве всего еще не знали,
по крупицам собирали знанья.

3.

— Аякпан! Пахать решил? Понятно.
Трудно будет на одном коне, —
зная, что вопрос не из приятных,
замолчал, задумался Миней.

Аякпан, достоинство храня,
отвечал уклончиво: «Запашем.
Плуг-то легкий, ничего! Не страшно», —
и погладил тощего коня.

— Плуг? Да разве это плуг, таныш¹?
Попусту такое говоришь.
Нет, без двух коней совсем плоха
деревянная твоя соха.

— Ну и любопытный ты, Миней!
И чего пристал ты, как репей?
Разве что от друга утаишь?..
Ладно, все скажу тебе, таныш.

Конь, конечно, стар уже, бедняжка,
но пахать еще хватает сил.

¹ *Таныш* (знакомый) — привычное обращение друг к другу аратов и русских поселенцев в старой Туве.

Ну, а если рядом я — впристяжку?
Как, теперь-то ты сообразил?

— Эдак не получится, таныш.
А за плугом кто пойдет? Малыш?
— Да за плугом мне бы надо тоже...
Как же быть? Соха стоять не может.

— Ну и разговор! Как на допросе...
Как бы мне перехитрить Миней, —
думал Аякпан. — А я вопросик
сам подброшу. Отвечать труднее.

— Правда ли, что самого царя
оказался кто-то посильней?
Ты про этого богатыря,
может, знаешь? Расскажи, Миней.

Улыбнулся друг улыбкой светлой,
рыжий ус задорно закусил.
Аякпан с надеждой ждал ответа,
а Миней опять его спросил:

— Ты про Ленина слышал хоть раз?
— Леней? Нет, я о таком не слышал.
Что должно быть, всех сильней и выше?
— Он? Как ты и я, похож на нас.

Русскими, тувинскими словами
русский друг рассказывал, старался,
если очень в слове затруднялся —
начинал размахивать руками.

— Ростом он, как я и ты, такой же,
а умом и волею велик.
Словно бы побыл он в нашей коже —
нашу жизнь до тонкости постиг.

— А скажи, таныш, какого роду
этот Ленин? Веры-то какой?
— Русский он и учит: все народы
жить должны одной родной семьей.

Мы с тобою бедняки-араты —
вот такие и пужны солдаты
Ленину. Седлай-ка ты буланку
да буржуев бить бери берданку.

— Разве и тувинцев он берет
в армию свою, Миней? — А как же?
Белке в глаз тувинец попадет?
Значит, и в буржуев не промажет.

4.

На полях Урала и Сибири —
всюду белых красные разбили.
За Саяны жалкие остатки
отступили в полном беспорядке.

«Волка волк не съест», — давно известно,
а у баев хищников повадки —
вместе с беляками повсеместно
стали наводить свои порядки.

Все вокруг заплочут — стар и мал,
если беляки придут в аал.
Все, что им понравится — унесут.
Конь хорош — коня возьмут, не спросят.

Старых избыют и оскорбят,
девушек унижат, как хотят.
Если заступиться захотел, —
запросто отправят на расстрел.

В голове у Аякпана много
трудных дум и мыслей наболело.
Часто спрашивал себя: «Что делать?»
Постоянно сердце жгла тревога.

«Богачи — монголы и маньчжуры —
с бедняков сдирали по три шкуры,
а теперь бандитов, баев свора
доведеет до полного разора.

Разве мы слабы, как куропатки?
Разве нет у нас смекалки? Хватки?
Если силы все объединим мы —
будем навсегда непобедимы.

Надо бы увидеться с Минеем.
он, конечно, подсказать сумеет,
что и как — и Аякпан не медлит
и скорей к Минее-другу едет.

Все его тревоги и сомненья
выслушал Миней, не прерывая,
а потом, руками помогая,
высказал свои соображенья:

— Так же было и у нас, в России,—
у богатых власть была и сила.
А в Туве кто создает законы?
Баи, дужуметы да нойоны.

Вот и делают, как им подручней:
захватили земли, где получше.
А наш брат, араты-скотоводы,—
на местах безлюдных и бесплодных.

Сами баи не трудились сроду,
ни пахать, ни сеять не умеют.
Все богатство, что они имеют,
создали араты-скотоводы.

— Не ужиться бедным и богатым,
не сдружиться баям и аратам.
Силу только силой одолеем,—
Аякпан согласен был с Минсем.

5.

На врага в отряде партизан
вместе шли Миней и Аякпан.
Вдруг телега заскользила с кручи,
пулемет «Максим» был к ней прикручен.

Пулей Аякпан с коня слетел,
чтоб телегу удержать,— но нечем.
Ничего придумать не успел,
просто под нее подставил плечи.

Тяжесть непомерная вдавилась
в плечи, аж пригнула молодца,
все ж телега дальше покатилась,
поднятая силою борца.

Только они к лесу подошли —
воздух залп ружейный разорвал,
пули зажужжали, как шмели,
в красный цвет окрасилась трава.

Пулемет заговорил и смолк —
ленты кончились. Какой в нем толк!..
Партизаны, окопавшись наспех,
все-таки решили биться насмерть.

«В плен возьмем», — решили беляки
и в штыки пошли на партизан.
Тут-то Аякпан и показал,
как сильны тувинские стрелки.

Прогремит его ружье — «дарс-тог» —
и беляк свалился, как мешок.
Аякпан все тверже и смелей
держится. С ним рядом друг Мишей.

Белые, накапливаясь быстро,
все же партизан замкнули в круг.
Думали: «Теперь из наших рук
не уйдут!» — и ринулись на приступ.

И как раз, когда так драться надо, —
кончились патроны у отряда.
Но не дрогнул ни один боец —
есть штыки, дубины, наконец.

Красные и белые — минутой
все смешались — различи попробуй!
Тут смотри, как говорится, в оба,
чтоб чужого со своим не спутать.

Гневом Аякпан вскипел. Неистов,
страшен был его бойцовский пыл.
От его ударов богатырских
белые летели, как снопы...

— Аякпан! Давай сюда! Скорей! —
слышит он знакомый голос рядом.
Оглянулся — друг его Мишей
и кто жив остался из отряда.

Командир с завязанной рукою
очень долго руку тряс герою.
— Поздравляю! — он сказал, — как брата!
Ты теперь стал ленинским солдатом.

...Мой отец теперь старик седой,
я и сам не очень молодой.

И Минейя годы не жалеют...
Только дружба наша не стареет.

Вместе отмечали мы недавно
праздник — годовщину Октября.
Кто-то поднял тост за Аякпана,
«за бессмертного богатыря!»

Рассердился мой старик на это,
что-то про себя пробормотал,
а потом не удержался, встал
да и выступил с таким ответом:

— Слишком много мне воздали чести,
недостойн я ее, поверьте.
Есть борец — он всей земле известен,
вот уж он поистине бессмертен.

Старый строй разрушил, не щадя,
новый мир он на земле построил.
Ленин — имя вечного вождя,
Ленин — имя вечного героя!

Пал пред ним бессильно белый царь,
беспросветный гнет ушел в былое.
Ленин — имя вечного борца,
Ленин — имя вечного героя!

Монгуш ДОРЖУ

МЕЧТА И ЛЮБОВЬ

Мечта моя, подобная заре,
занявшейся над степью, вдалеке,
ты не сгорела ни в одном костре,
не утонула ни в одной реке.
Мечта моя мужала и росла.
А срок настал — я до нее дорос!
Я уезжал из отчего села,
заря плыла в разлив студеных рос.
Напутственные мамины слова...
Друзья, прощайте! Впереди — Москва!

Учеба — это труд, огромный труд!
И, не жалея времени и сил,
меня Литературный институт
пять лет в Москве воспитывал, учил.
И я глядел на солнце в синеву
в тот день, когда вручали мне диплом,
и вспоминал Сибирь, мою Туву,
родимый дом счастливым этим днем!
Тебе принадлежат, моя Тува,
моих стихов не слава, а слова!

Я возвращался, солнцем осиян,
с большой победой в отчее село!
Хребты сереброглавые Саян
мне улыбались мудро и светло.
Я повзрослел — душа, не прекословь! —
и строже стал, задумчивей вдвойне.
Но стала глубже и щедрей любовь —
моя любовь к родимой стороне.

Любовь моя глядит из этих строк
доверчиво, как утренний цветок!

ПОЛОВОДЬЕ

(Памяти 60 богатырей)

Кто не помнит
разгул половодья
прошлогодней
стихийной весны?
Словно конь,
оборвавший поводья,
речка била
копытом волны!

Но сильней
на тувинских просторах
половодье восстания
шло:
гнев народа
вдруг вспыхнул,
как порох,
гнет спалив вековечный
и зло!!!

НА КОРОТКОЙ ВОЛНЕ

1.

Я — перед снежными вершинами.
А ими край родной богат!
И мысли стали вдруг орлиными,
орлиным стал мой зоркий взгляд.
Дарует крылья мне Отечество!
И, в дали космоса маня,
зовут вершины человечество
к полетам новым, как меня!

2.

Взглянула на меня, как солнышко,
вся по-весеннему светла!
И прямо в сердце мне — на доньшко —
любовь, как искорка, легла.
Вдруг сердце вспыхнет дома полночью?
Но, милосердие храня,
твоя улыбка скорой помощью
придет ко мне, спасет меня!

ЮРТЫ

Когда вода весною схлынет
и птицы вольно закружат,—
стропила юрт в густой полыни,
как ребра мамонтов, лежат.
Я был рожден под пыльным сводом
отцовской юрты на стоянке.
...Я, вскормленный моим народом,
собрался в город спозаранку,
и конь заглядывал буланный
сквозь продымленный войлок рваный.
И я шагнул, как мой народ,
в рассвет из горестного детства!

И — железобетонный свод
поднялся с юртой по соседству.
Но там, где люстры и гранит,
среди музейного простора
почтенье к юрте сохрани
ты в книге памяти, историк!
Пусть будет в книге той глава
«СЕДАЯ ЮРТА И ТУВА».

Екатерина ТАНОВА

ПЕСНИ ХЕМЧИКА

Поэма

Хемчик мой, Хемчик, родной мой Хемчик!
Испокон веку до наших дней
ветер твой свеж,
а брызги — как жемчуг...
Сколько вспоил ты людей и коней?
Сколько следов, навеки ушедших,
по берегам
над стремниной твоей?..

Малый ручей тебя начинает,
пойт студёные родники...
То отставая,
то обгоняя,
мчишься — со временем вперегонки.
Без твоего,
бесспорно,
участия
жизнь протекает — своей волной...
Сколько ж ты видел
горя и счастья,
Хемчик родной?..

Песня Хемчика

Далеки мои истоки — оой-ээй!
Я рожден в горах высоких — оой-ээй!
А вода все дальше льется — оой-ээй!
Что умчалось — не вернется — оой-ээй!

Рано, с зорькой, выходи-ка — оой-ээй!
Погляди на берег дикий — оой-ээй!
Забурлят, застонут волны — оой-ээй!
О любви всю правду молвят — оой-ээй!

1.

В цветенье трав вдоль наших рек
Кезек-Терек, Булун-Терек,
но краше всех лугов других
цветущий луг Кызаа-Шыгы.

И для людей, и для скота
нет благодатней этих мест:
кочуй, броди, меняй места —
не сыщешь лучшего окрест...

От бурь укроют бугорки,
водой напоят озерки...
Здесь юрты в ряд
везде стоят,
над ними — легкие дымки.

Как старый гриб из сушняка,
торчишь ты, юрта бедняка.
Которая из всех черней?
У Онер-оола -- всех бедней.

С женой охотник Онер-оол
хозяйство скудное завел,
и много дней
он прожил с ней —
что год, то прежнего бедней.

Всего богатства — горсть тары,
вся радость — в доченьке Дарый.

Мороз стоит или жара —
уходит Онер-оол с утра:
весь год охотнику — страда,
весь год семье нужна еда.

Худой конек да пара рук,
ружье, капкан да древний лук —
вот вся надежда бедняку!..

На трудовом своем веку
каких он ни встречал зверей
в таежных дебрях!..
Но — скорей
убитый соболь оживет,

таймень по-птичьи запоет,
чем бедному от богача
перепадет табак да чай...

Его богатство — горсть тары,
вся радость — доченька Дарый,
да говорливые ручьи,
да, Хемчик, берега твои.

2.

Откуда они — не спрашивай,
не спорь, в какие года —
но люди роду не нашего
прикочевали сюда.
Весна стояла неровная,
с ветрами, с жаром, со льдом...
А люди возились с бревнами,
не юрту ставили — дом!..

Один из них, бородатый,
у нас обжившись едва,
уже топоры, лопаты,
серпы да вилы ковал —
и полюбился аратам:
для всякого мастерства
почет от хемчикских жителей —
народ у нас уважителен...

Бачьлый (или Василий?)
Как звать-то его верней?)
все делал, что ни просили,
для новых своих друзей.
За труд не считал, не злился
и зла не искал ни в ком:
последним куском делился
в голодный год с бедняком.

Щедра была и Варвара —
в венце светло-русых кос,
всей статью мужу под пару...

У них и сынишка рос,
голубоглазый Алеша.
Трудился он — с малых лет
то тащит хвороста пошу,

то, весь умазан в земле,
копается в огороде...
(Впервые тут наш народ
узнал, для чего пригоден
и что это — огород.)
Любой — богат или беден —
дивиться на чудо брел...

Всех ближе к новым соседям
охотник жил — Онер-оол.
И труд, и бедность сроднили
охотника с кузнецом:
«Вода не течет между ними», —
народ сказал о таком.

Да, жили соседи дружно:
в степи у кого дела —
бери коня, если нужно,
а надо — возьми вола...
Попался в тайге сохатый —
по совести, не горячась,
несет Онер-оол с охоты
соседу лучшую часть.
Пришел — садись к самовару,
по-русски попей чайку.
Уходишь — скорей Варвара
за печку бежит, в закут:
— Забыла ведь за хозяйством!..
Вот, свеженькие, горячи —
бери, таньш! — пригодятся
пшеничные калачи...

И веры не одинаковой,
обличье не то и род —
а дружат! Всегда, однако,
бедняк бедняка поймет.
Все шире тропинка торная
от юрты и до пзбы...

А дети?..
Козлята горные —
и тем веселей не быть.
Пасти ли скот собираются,
за хворостом ли в тайгу —
все вместе,
и все — играючи:
смеются, бегом бегут!

Поскачут на тонких прутиках
да как налетят — беда!..
Сдавайтесь, степные лютики,
крапива да лебеда!
Цветов полно на поляне...
Румяная от игры,
наденет венок — и станет
царевной сказок Дарый...
Алеща смущенно глянет,
притихнет он — до поры...
Рука за руку берется —
ведут вдвоем, без забот,
вокруг любимой березки
свой маленький хоровод —
никто к ним не придерется,
их дружбу не разорвет...

3.

Хемчик крепко закован тяжелым льдом.
То-то в теплой избе уютно!
Приглашая гостей к Василию в дом,
ходят дети из юрты в юрту.
По снежку, по морозцу шаги легки...
С колокольчиком звонким схожи,
заливаются детские голоса:
— «Рождество твое, Христе боже...»

Входят гости степенно в дом кузнеца,
удивляются дивным дивам:
вот лицо человека. Вокруг лица —
медный лист в узорах красивых.
В мелких чашечках свечи горят под ним,
пахнет дом пирогом и хвоей...
А совсем посредине избы — взгляни! —
дерево, из тайги, живое,
разукрашено в ленточки, лоскутки,
из яиц смешные игрушки...
Забывают дунзу свою старики,
— «Ном дарый!» — бормочут старушки:
как же так?
Чтобы в юрте — да вдруг — ова!..
И смеется хозяин дома:
— Это мы для сынишки. Для баловства.
Это — праздник по-городскому...

А гармонь уже тут, в руках у него,
то смеется она, то плачет...
Что за праздник? Откуда? Чье рождество?
Просто — отдых душе беднячьей.
И табунщик Хаян берет бызаанчы,
и, безудержная, степная,
за мелодией русской вслед звучит
по-иному песня иная:
славит Хемчика ширь,
от боли кричит
над снегами душа степная.

А Варвара-то! К каждому подойдет,
пирога поднесет с поклоном,
в деревянные чашки бражки нальет
и пригубит с улыбкой смущенной.
А потом!..
Под гармошку пошла, пошла,
закружила пестрым подолом,
да очами лукавыми повела,
залилась соловьем бедовым!..

Это что же за празднество?
Русский Цам?
Но не ламы совсем — семья кузнеца,
на аратов больше похожи...
Не стерпел Онер-оол.
Он попробует сам,
он плясать, наверное, сможет!
Все смеются кругом. Краснеет Долгар,
за подол охотника тянет:
— Ты сидел бы, старик, и вся педолга!
Это что ж за медвежий танец!..

А гостей разбирает уже вино,
смех все громче, песни да топот...
И не гаснет в избушке всю ночь окно,
печь Варвара все жарче топит...

4.

За подарок надо отдарить,
а за гостеванье — угостить...
Отгудела зимняя пурга,
праздник новый близится — Шагаа.

Как бы люди ни были бедны,
в этот праздник, на порог весны,
каждый только радость принесет,
каждый угощенье припасет.

Ради новогодия — Шагаа
расстарались Опер-оол с Долгар:
в гости обещались к ним друзья —
кузнеца Василия семья!

Низкий им поклон в великий день!
Руки нá руки кладут — «мендэ!»
Всех соседей Опер-оол собрал,
все поехали в другой аал,
а оттуда — в третий... И везде
руки нá руки кладут — «мендэ!»...

— Что это, Дарый, на бугорке?
Елка?

— Нет, Алеша: это кедр,
он священный...

Видишь, сколько лент
на ветвях?

Прожить нам столько лет!

К кедру сходятся и стар, и млад
новогодний совершать обряд.
Артыш жгут — и трав душистый дым
мир сулит седым и молодым.

Смех и песни — это молодежь.
Где ты веселей ее найдешь?
Пусть шубенка старая одна,
одежонка рваная бедна —
есть огонь, который греет всех,
а зовется он — веселый смех.

Входят в круг начыны — силачи,
их тела литые горячи,
что мороз им!
В кожаных трусах
сцепятся — как два огромных пса,
разбегутся — нет же, это львы,
как не удивиться — каковы!

— Девушки, кататься! Кто скорей?
...Шкуры коз, коров и лошадей
птицами слетают с гор под смех —
эй, держись, не вывались на снег!..

У Василия порядок свой:
он устраивает снежный бой.
Надо крепость снежную слепить.
Вот уже стоит она в степи,
вот и войско — больше из ребят,
вот и ядра снежные летят...
Вот, с парнями, он на льду реки
устанавливает городки...

Вечереет. Все ушли с горы.
Шепчет другу радостно Дарый:
— Нас сегодня в юрте сказки ждут!..
Так бывает только раз в году:
дивный праздник, радостный Шагаа
озаряет поздние снега...

И придет он, праздник, и пройдет,
за собою будни поведет:
Онер-оол уйдет с ружьем в тайгу
караулить соболя в снегу,
а Василий разожжет свой горн —
грохот кузницы достигнет гор,
искры долго светят в темноте...
Взрослые дела и у детей:
с самой ранней утренней поры
трудятся Алеша и Дарый.

5.

Так шли года, сменялись весны.
Росли Алеша и Дарый.
Давненько им не до игры,
работы много, как у взрослых.
В труде они еще дружнее,
а дружба — крепче и нежнее.

Об этой дружбе их хорошей
без зависти твердил народ:
любили русого Алешу,
его трудолюбивый род
и любовались Дарыймою —
глазастой, смуглой и прямою.

Вот только парни молодые...
Тех даже разбирала злость:
не приманить к себе Дарый им!
Ишь, выбрала — чужую кость!
Бывало, едут на гулянье —
звенят частушки на поляне:

— Взнуздать бы мне двух коней,
гнедого, да и саврасого.
Сыскать бы мне двух парней —
тувинца бы, да и русского!

— Шуршит над рекой камыш —
встречаемся здесь и дружим мы.
Красавицы Дарыймы
кто будет, скажите, суженым?

— В черемухе над рекой
кто юрту поставит белую?
Кто слюбится с ней, с такой,
женою гордячку сделает?

Поют, зовут на ойтулааш —
Дарый и слушать их не хочет:
у ней и в юрте есть дела,
все по хозяйству, все хлопочет.
Тут Хедер-оол, сын богача,
стал частым гостем Онер-оола:
заходит, вроде, невзначай,
хмельной, нахальный да веселый,
то разговоры заведет,
а то — частушку запоет:

— У меня ли кони удалы!
Хочешь стать хозяйкой Саралы?
Ждет тебя, как драгоценный дар,
наш богатый, знатный род Ондар.

Дарый в ответ смеется смело.
Миг — и она уже запела:

— Твоего видала скакуна:
у него побита вся спина.
Не пойду в невестки к богачу:
с глупым мужем жить я не хочу.

Обижен байский сын. Но он
привык: где прихоть — там закон.
К отцу он едет в тот же миг
просить родителей своих:
— Позвольте мне, отец и мать,
Дарый-девчонку в жены взять:
она красива и пежна,
как раз такая мне нужна!

Опешил тут Ондар-чангы:
— Ты что? И думать не моги! —
прикрикнул строго на сынка. —
Дочь Опер-оола-бедняка,
она же отроду бедна.
На что такая нам нужна?
Чего с ней делать? Скот пасти?
Получше можем мы найти!

Но знает Хедер-оол одно:
ему с рожденья все дано,
что пожелает — все его!
И он качает головой:
— Пусть из заплат ее халат —
женюсь и все, вам говорят!
Хочу красавицу Дарый!
Зови сватов, готовь дары!
А если будет мне отказ —
я в Нижний мир уйду от вас!

Что делать с сыном богачу?
Заладил же: «Хочу! Хочу!» —
еще грозит такой бедой...
Сам — несмышленный, молодой,
а ну — решится сторяча?
Понятно, для чангы — печаль.
Бочкообразная жена
рыдает, ужаса полна...

— Ну, ладно, сын.
Мешать не стану.
Эй! Кликнуть пастуха Хаяна!
Дать плохонький ему кадак —
и хватит: отдадут и так.
Охотнику большая честь
в родство с чангы
так просто влезть!

Не торопился табунщик Хаян
выполнить байский приказ:
— Нет уж, чангы, не пойду туда я,
этот товар — не про вас.
Знаю невесту,
бывал я у них:
есть у нее, всем известно,
жених.

Выслушав смелый ответ пастуха,
рявкнул чангы:
— Ну и что ж?
Мне что за прок от ее жениха,
плох он там или хорош?
С нами родство — это ж счастье для них!
Да уж не ты ли —
тот самый жених?

— Что ты, хозяин, — ответил батрак, —
я же ровесник отца...
Знают все люди в окрестных горах:
друг ее — сын кузнеца...

Брызжет слюною чангы, как верблюд:
— Как ты, бродяга, посмел!
Этот голодный оборванный люд
нас поднимает на смех!
Чем же мой сын — по одежде, с лица —
хуже какого-то кузнеца?

Не испугался табунщик Хаян:
бай и моргнуть не успел —
едкой насмешки в словах не тая,
злую частушку он спел:

— Если девушка полюбит —
ей сам черт милее всех.
Если пусто в сердце будет —
сам чангы противней всех...

— Любит-не любит, — кричит богатея, —
кто еще спросит у ней!
Прочь, оборванец!
Не все тебе петь —
вот запоем моя плеть!..

Темнее тучи нынче Хедер-оол.
 Чуть свет, из юрты он побрел
 и целый день совсем один гулял
 вдоль Хемчика, среди полян.

Обласкан солнцем, обновленный весь,
 гудит, поет весенний лес,
 но Хедер-оола дразнит эта песнь:
 все, все он ненавидит здесь!

Цветов улыбки кажутся ему
 насмешкой злобною над ним,
 а птахи поднимают кутерьму:
 — Вон он! Вон он! Летим! Летим!..

Кукушка встретила, твердит: «Ку-ку,
 ку-ку», —
 наводит лютую тоску.
 Пугнул ее — но на другом суку
 она опять: «Ку-ку. Ку-ку»...

Из-за деревьев, беззаботно смел,
 веселый долетает смех...
 Не зная толком, на кого набрел,
 туда крадется Хедер-оол.

Поляна солнцем до краев полна,
 на ней березонька, стройна,
 под той березкой парень молодой
 играет девичьей косой.

Сквозь пальцы льется черная волна...
 Дарый! Конечно же, она!
 И гладит кудри русые дружка
 невесты смуглая рука.

И замер Хедер-оол, разинув рот...
 Шагнет назад — опять вперед...
 А зависть черная
 готова сердце сжечь,
 а губы шепчут злую речь:
 — Ну, видит бог, теперь пришел мой час.
 Узнают, кто сильнее из нас!
 Я, сын Ондара, самого чангы —
 иль эти нищие щенки?..

Не ждали двое от него угроз,
но вместе лучше им, чем врозь:
Алешу крепко обняла Дарый —
любуйся, байский сын!..

...С горы
не камень тяжело на поляну пал,
не на быка медведь напал:
лесных звериных вешних битв грозней
лихая схватка двух парней.

Алеша — в силе, в молодой поре,
да не знаток борьбы хуреш,
не знает хитростей, поддался лжи —
подножка — и в траве лежит.

Хедер на грудь ему ногой нажал,
вот-вот дойдет и до ножа,
Хедёр злорадствует:
— Каков, мол, я!..

Но где застенчивость твоя,
где нежность девичья, скажи, Дарый?

Сухую палку без коры
сжимая, ринулась с пригорка, вниз,
мальчишеский раздался свист...

Куда тут одному против двоих!
Сбежал богатенький «жених»
от Хемчика, тайги, полян, ручья,
тоску и злобу затая...

7.

Хорошо богатым — вечно у них праздник!
Пьют себе, гуляют — запретишь им разве?
Хорошо богатым — беднякам-то горе...
Некогда гулять им, все с нуждою спорят.
Богачи напьются —
за бичи возьмутся,
худо, если слуги тут им попадутся!

...На лугу просторном, где Ондара юрта,
много яств отборных: богатеи пьют там.

Воронье, слетайся — вон он, пир богатых!..
Все они в китайских шелковых халатах,
а какие шапки!.. Заглядишься даже.
В серебре, в узорах подают им чаши.
А какие кони! Вот начнутся скачки...
И борцы готовы, и судья назначен,
и певцы, настроив бызаанчы, игилы,
прочищают горла, проверяют силы.

Вот Хаян-табунщик, как давно ведется,
начинает праздник песней молодецкой:

— Сыты ли вы, кони,
пегий да саврасый?
Рады ли вы, люди?
Праздник новый, здравствуй!

— Оощ!— кричат тут гости, песню одобряя,
смелого Хаяна шумно ободряя,
и певец доволен, и певец смеется —
новая заставка вот сейчас начнется:

— Я видал: у кузнеца
есть железо, горн с огнем.
Дай, чангы, мне жеребца:
мигом крепко подкуем.

— Что?!— вскочил хозяин, песню оборвал он:
→ С кем меня ты ставишь рядом, оборванец!
Что — кузнец Бачылыый?
Как — кузнец Бачылыый?
Мало тебя плетью, подлеца, учили?
Что, видать, по вкусу хлеб пришелся русский?
Эй, живей! Горячих всыпьте на закуску!

Смолк звонкоголосый. Связанный, шагает.
Песню продолжает посвист шаагаев.

8.

Недвижим Хаян — лежит, как мертвый.
Звуки странные в ушах звенят...
Возле места пыток — черной юрты —
кто-то осторожно слез с коня.
Кто-то шепчет:
— Жив! Берись, поднимем...

Бережно кладут певца в седло.
Спор возник негромкий между ними:
— Повезем ко мне?
— Не тяжело
будет ехать? Дальняя дорога,
да и тесно... А в мой избё
кто его, беднягу, будет трогать?..
— Хорошо, таныш. Везем к тебе.

...Всю-то поченьку не спать Варваре!
Снадобья из трав таежных варит:
этим раны гнойные обмоет,
а другим избитого напоит...
На заре Хаян немного ожил,
даже говорить — с трудом, но может:
— Кто здесь? Где чангы? Где палачи?..
А Варвара:
— Ты молчи, молчи...
Вася, слышишь? Господи,— очнулся!..
— Тише, Варя. Пусть он спит.
Начнутся
разговоры, слезы, причитанья —
худо и здоровому-то станет!

Их слова Хаяну непонятны:
— Где я? Кто?..— бормочет он невнятно...
По-тувински говорит Василий:
— Успокойся, соберись, брат, с силой,
помаленьку мы тебя подлечим,
а потом, когда уж станет легче,
и в твоих обидах разберемся —
и, глядишь, до правды доберемся...

Разнесся слух по степи: жив Хаян!
И вот к нему торопятся друзья,
араты, люди горестной судьбы...
Скрипит, скрипит весь вечер дверь избы.
Придут — молчат. От многих трубок дым
в избе клубится облаком седым...

— Родные, — тихо молвил им певец, —
скажите мне всю правду, наконец:
чем так я против бога согрешил,
что он меня чуть жизни не лишил?
Не тем ли, что коней Ондара пас
я с малых лет — как многие из вас?

Не в том ли виноват, что беден я?
Что в песнях — вся душа, вся жизнь моя?
По свету ветер песню понесет —
летит она и славит мой народ...
Не в том ли, милые, моя вина,
что песни слишком далеко слышна?

Один араб сказал: — Твоя вина
в том, что не льстишь высоким ты чинам.
Мы, бедняки, чиновных чтить должны,
с такой судьбой на свет мы рождены.

Другой заспорил: — Нет, судьба одна
богатому и бедному дана.
Что бог велит, тому не миновать:
сегодня ты богат, а завтра — хвать! —
случись бескормица, погибнет скот —
и побирушкой бывший бай пойдет...
Чтоб блага жизни и тебе дались —
проси у бога милости, молись!

Заметил *третий*: — Ты, как будто, прав...
Но ты скажи: кому помог он, дав
все блага за мольбы, — твой добрый бог?
Чангы Ондару, может, и помог,
но почему не может он хоть раз
перед чангы вступить и за нас?
Печется лишь о байском он добре...
Да я бы выбросил свое ширэ
с богами вместе — что зазря торчит! —
старуху только жаль мне огорчить...

— Молчи! — в испуге *первый* зашептал. —
В уме ли ты? На бога возроптал!
Чиновные услышат господа —
всех запытают, всем конец тогда!..

И тут *Василий* молвил: — Вот и мне
не все понятно...
Что в моей стране,
что в вашей —
черная неправда, зло...
И хоть бы раз нам, бедным, повезло!..
Да, и у нас в России, как у вас,
для богачей — все земли, все права,
а бедному везде одна беда...
Вот, помнится, в голодные года
в моих краях кипел, шумел народ:

кто говорил, что царь у нас не тот,
а кто — что царь совсем не нужен нам...
Запретные звучали имена,
и люди, там и тут сойдясь кружком,
читали книги, спорили тишком...
Безграмотному, что мне разобрать?..
Но вдруг ко мне приехал старший брат,
из города, рабочий, заводской...
Я обомлел от радости такой:
ведь с ним мы не видались десять лет!..
Он не ужился на родной земле,
ругмя ругал помещика, и вот
уехал паниматься на завод.
Привыкли мы: о нем и вести нет...
А тут он, ночью, постучал ко мне!
Я шель-шевель, поставил самовар,
брат говорит какие-то слова...
Опять стучат. Исправник! Вот беда:
увел он брата, не сказал, куда,
надолго ли и в чем он виноват...
С тех самых пор не знаю, жив ли брат.
Косились богачи: такой-сякой!..
В молве мирской,
как бы в волне морской,
гораздо легче, братцы, утонуть,
чем суть ее понять и глубину...
Ко мне заходит вечером сосед
и шепчет: — Вася, худо, мол, совсем:
твой брат-то, слышно, шел против царя!
Не пострадать бы всем и нам зазря!
Исправник получил приказ о них:
хватать бунтовщиков и всех родных!
Ты лучше бы с семьей того... ушел...
а то не вышло бы нехорошо.

И я ушел — хоть вовсе без вины —
ушел искать для сына и жены
иную долю и иную жизнь...
А что нашел?
Хоть ты, Хаян, скажи!
Нашел друзей — но и моим друзьям
досталась жизнь не слаще, чем моя.
Равно бедны крестьянин и арат...
Так кто же прав?
Не мой ли старший брат?..

...Кто на такой вопрос ответ найдет?..
Обычай новый родился в тот год:
чуть время есть — к Бачылыню идти,
печаль и радость в кузницу нести.
Казалось бы, там все одно и то ж:
родит железо и сошник, и нож.
Но можно, от сохи и до ножа,
по сердцу речи с кузнецом держать:
как мир устроен,
есть ли правда в нем..
И, словно обожженные огнем,
в сердцах рождаются смелые слова,
как будто в горне их кузнец сковал.
Кузнечный мех работает бойчей —
и споры-разговоры горячей,
а искры из-под молота летят —
и жажда воли зажигает взгляд!
А до чего работа хороша!
Один попросит молот подержать,
огонь другому любо поддержать,
да хоть кузнечной гарью подышать!..
Наскучило пасти чужих овец...

Не в батраках теперь Хаян-певец,
не возвратился больше к табуну:
к другой судьбе он круто повернул,
он сам кует подковы, сошники,
хлеб сеет, как в России мужики,
а жизнь заставит старого —
ну что ж,
сковать он сможет и топор, и нож.

9.

Много у чангы добра,
да не та пришла пора,
чтоб глядеть смиренно в рот
да стеречь его добро.
Сам узнал заботу он,
потерял покой и сон:
так и чудится у всех,
в каждом взгляде — злобный смех.
Да, не слыхано века,
чтобы дочка бедняка
на посулы богачу
отвечала: «Не хочу!»

Как мозоль на пальцы ног,
давит злость: — Подвел сынок!
До чего дожить пришлось!
Веры разные и кость —
да зато душа с душой
в дружбе, видишь ли, большой!
С чем все ходят к кузнецу,
будто к важному лицу?
Что за вздор ему несут?
Не над баями ли суд?..
Было и без кузнецов:
шестьдесят-то беглецов
так же вместе собрались
да разбоем замялись!..
Так и тут: беда, разбой,
не считаются со мной!
Но ведь я хозяин здесь!..
Прочь прогнать из наших мест
побродяжку-кузнеца,
с ним и бабу, и юнца!
Да, шутить я не люблю —
повинуйся, черный люд!..

Тут приспешники чангы
до последнего слуги
к кузнецу спешат, как есть,
объявить худую весть:
— Уходи из этих мест!
Не уйдешь — с костями съест
наш хозяин, так и знай...
Живо вещи собирай,
а не выполнишь приказ —
отберет чангы у вас
все хозяйство, засечет —
собирайся, русский черт!..

Кузнец встревожен: вот несчастье!
Идет к охотнику, прощаться.
Пришли друзья из всех аалов,
со всеми долго толковал он,
у всех на хмурых лицах осень
и все остаться друга просят,
и каждый думает: беду
от кузнеца я отведу!
— Совсем сдурел чангы проклятый!
Завидует — такой богатый!—

тебе и твоему труду:
к нему, мол, люди не идут...
А кто пойдет?
Беда с Ондаром!
Да мы — хоть русским, хоть татарам —
всем рады, кто придет сюда:
привольны здешние места!
Не уезжай от нас, Бачылыи!..

Кузнец в ответ:— Так получилось:
нельзя остаться мне у вас,
нельзя не выполнить приказ.
Не знаю, чем я так им страшен —
властям, и вашим, да и нашим...
Да что нам зря терять слова?
Жизнь, видно, всюду такова.
На Родине моей, в России,
не все покорны старой силе,
и, верно, слышал я не зря,
что зашатался трон царя!
Я темным был тогда, не верил,
решил уйти в тайгу да в дебри —
а надо бы так хлопнуть дверью,
чтоб камни столб огня извергли!
Теперь я крепко понимаю:
в одном вина моя прямая,
что убежал я от участия
в борьбе за волю и за счастье.
Вернусь на Родину — но скоро
придет гроза и в ваши горы,
нагрянет, с ливнями, с грсмами —
и солнце мы увидим с вами.

10.

Собирался в путь с семьей Василий,
и соседи потянулись вслед:
бедные подарки приносили,
амулеты — охранять от бед.
На конях, до самого Кежига,
проводжали... Старый Онер-оол
вымолвить хотел:
— Ты с нами жил бы...—
да, махнув рукой, к реке побрел.
Молча посидели, покурили —
Хемчик лишь у ног волной играл —

обменялись трубками.

Василий

встал неспешно и сказал:—

— Пора.

— Пусть следы ваши не сотрутся,
пусть вас помнит и млад, и стар,
пусть вокруг друзья соберутся,—
причитая, пела Долгар.—
Век живите, да наживите
и добра себе, и скота,
на иные земли дивитесь —
не забудьте наши места...

От хороших пожеланий этих
слезы на глазах у стариков...
А куда в тот миг девались дети?
Далеко?.. Не очень далеко.
Нежно-нежно друг на друга глянув,
вспомнив игры детские свои,
побежали оба на поляну,
где березка белая стоит.
Прибежали, обняли березу
с двух сторон — и смотрят на нее...
А она отряхивает косу,
а поляна, вся в цветах, поет!..
Долго там друг другом любовались,
были взгляды их нежны, добры...
Глубоко вздохнула — и тогда лишь
грустно песню завела Дарый:

— Мой синсокий, самый любимый,
друг мой единственный, неповторимый,—
сможем ли вновь когда-нибудь смело
мы у березки встретиться белой?

Парень посмотрел подруге в очи,
песню спеть ответную ей хочет:

— Пока березка стоит в цвету,
я непременно сюда приду.
Меня, родная, не забывай,
пока... — Но тут прервались слова,

подкатился к горлу ком — и оба
поняли в печальный этот миг,

что и вправду ведь людская злоба
разделяет, разлучает их...
Как из сердца жилы ни тяните —
не порвать любовной тонкой нити!

— Хемчик ты, Хемчик! Любимый Хемчик!
Светлая речка родной земли!
Сделай ты наше горе поменьше,
боль сердец утоли!

Песня Хемчика

Как сердца людские бьются — оой-ээй! —
так и волны бурно льются — оой-ээй.
Как сильна любовь на диво — оой-ээй,
так волна чиста, бурлива — оой-ээй!..

11.

Ну, все. Далёко укатил кузнец.
Чангы вздохнул свободнее чуть-чуть.
Позвал сынка, похлопал по плечу:
— Вот видишь, сын, — все может твой отец!
Теперь и ты добьешься своего:
гордячку эту, знаешь ли, того...
Дождемся, чтоб упрямец Онер-оол
к нам сам просить прощения прибрел!
А ждать не хочешь — я послать готов
за дочкою охотника сватов.

Зовет он родственников (победной),
дает подарки, отправляет к ней:
табак и мясо, шелк и арака —
да кто их видел в юрте бедняка!..
Но что ты скажешь: не везет сватам!
Прием недобрый ожидал их там:
нахмурились родители Дарый,
не приняли из рук у них дары,
ответили:
— Нельзя заставить дочь.
Не любит — мы не можем вам помочь,
не хватит тут ни силы, ни ума...
Пусть друга выберет себе сама.

Сваты вернулись. Принесли ответ.
Жена чангы, едва услышав «Нет»,
как раскричится:

— Эка вшивота!
Выплюывают счастье изо рта!
По всей округе разнесу сама:
охотник Онер-оол сошел с ума!..

...Осенний день —
нежаркий ясный день.
Долгар, как водится, с утра в труде:
лает шубы старые к зиме...
Две бабы (языки — что жала змей!)
заходят в юрту — да пьяней вина!
— Старуха, здесь ли ты? — кричит одна.
Другая в лад:
— Горит ли твой очаг?
Не видишь, что ли — гости?
Угощай!
— Кто в лес войдет — тот серы пожует,
кто в юрту входит — угощенья ждет!..

Долгар в ответ:
— Откуда арака?
Нет у меня ни чашки молока.
Двух жалких коровенок я дою,
едва хватает накормить семью...

— Гляди — разнекалась: все «нет» да «нет»! —
орут пьянчужки. — Нам, своей родне,
и не найти! Припрятано, гляди —
для кузнеца Бачылыя, поди?..

Не виснет злая брань на вороту —
ушли, не подержав зина во рту.
Из-за пригорка обратились к ней
с обидной, глупой песней старых дней:

— Встречу русских — убегу,
спрячусь за коряжиной,
от татар уйду в тайгу,
спрячусь за овражиной:
мне им нечего сулить,
с ними нечего делить...

За что ей эта ругань, грязный смех
таких вот злых пьянчуг и неумех!..
Обидно — так бы кинулась Долгар,
да дочкина судьба ей дорога:

сидеть потише лучше до поры,
а то бы не обидели Дарый..
Что может дочь единственную ждать,
о том не знают ни отец, ни мать.

12.

Грусть и тоска на душе Дарыймы.
В лес она тропкой пошла.
Осень — преддверье недалней зимы.
Листья печально шуршат,
запах сухих, увядающих трав
ветер приносит с горы..
Вот и полянка.
К березке стремглав
кинулась наша Дарый —
словно с сестрою родной, обнялась,
слезы струятся из глаз..
Помнишь, березонька, нашу весну,
помнишь, как травы цвели?..
...Тихо. И ветер как будто уснул..
Только летят журавли,
льется с небес их прощальная песнь,
напоминает, как здесь
двое прощались в сияющий день..
Где ты, Алешенька, где?..
Тесно в груди.
И со вздохом Дарый
машет рукой журавлям...

Мелкие камни сметая с горы,
ветер стучит по полям..
Грустно под небом осенним одной..
Песня звенит беспокойной струной:

— Журавлем мне быть бы в стае —
вдаль бы полетела,
да крылом бы, пролетая,
милого задела..
Эх, родиться бы мне птицей,
соколом крылатым —
сокол вмиг к нему домчится,
сядет с милым рядом...

Гибкие пальцы ласкают, любя,
белый березовый ствол:

— Что мне, березка, таить от тебя,
обе мы знаем его!
Мой синеглазый, единственный мой —
где ты, что нынче с тобой?
Будет ли день, когда снова тебя
встретим — березка и я?
Сердце тоскует по взглядам твоим,
Хемчик тоскует со мной...
Ждем — не дождемся, с березкой, да с ним...
Слышишь? Вернись же, родной!..

Шорох слышался в ближних кустах.
Замерло слово в устах.
Кто там? Алеша? Неужто!.. Но нет...
Смутно, как будто во сне,
видится вешний сияющий день,
тропка заветная, где, —
помнит Дарый, —
появлялась пред ней
светлая россыпь кудрей...

Молча, задумчиво гладит рука
белый березовый ствол...

Правда ведь: шорох в кустах тальника.
Что это? Отчего?
Вспугнутый заяц бежит из кустов,
слышится стрекот сорок...
Что там случилось?
Да кто же там? Кто?..
Страшно становится...
Строг
и непреклонен, однако же, взор:
кто затаился в листе?
Ясно: не станет же красься, как вор,
добрый-то человек.
Где вы, тревога, печаль и тоска?
Гордость и ненависть бьются в висках,
глянешь — сомлеешь: не девка — орел!..

А из кустов — Хедер-оол:
яркой одежды огладил он шелк,
шапку свою заломил,
зубы в улыбке оскалил, как волк, —
думает, будет ей мил!

Хедер-оол:

— Здравствуй, Дарый.
Ты чего же в лесу
девичью прячешь красу?
Шла бы к подружкам, к веселым дружкам —
мало нас, что ль, по лужкам?
Слышишь: за лесом звенят стремена?
Что ты все бродишь одна?

Дарыймаа:

— Ты поглядел бы: одна ли тут я?
Видишь: березка моя.
Так ли мне славно беседовать с ней —
всякой подружки родней!
Ты не мешал бы нам с ней, Хедер-оол,
лучше бы мимо прошел!

Хедер-оол:

— Что ж ты, красавица, гонишь меня?
Чем тебе лучше одной?
Конь тебя ждет, стременами звеня...
Милая, едем со мной!

Дарыймаа:

— Брось, Хедер-оол! Не поеду с тобой,
нет у нас общих дорог.
Подстерегая чужую любовь,
ты не пугай тут сорок!

Хедер-оол:

— Тоже — любовь!..
А любовник твой где?
Полно смешить-то людей:
бросил твой русский тебя, обманул,
да, говорят, не одну!..

Дарыймаа:

— Прочь, клеветник!
Затесался сюда —
совести нет и стыда!
Думаешь, злость на Алеше сорвал,
бросив пустые слова?

Хедер-оол:

— Как же — пустые!..
Но ты погоди,

лучше ко мне подойди...
Знаю вас, девок: не веришь словам —
знаю, что надобно вам...

Руки расставив, он двинулся к ней,
нагло обшарил глазами,
в девичьи плечи вцепился, как змей,
обнял, прижался и замер...

В гневе и страхе рванулась Дарый,
в кровь ему губы разбила:
ждал ты, обидчик, забавной игры —
встретился с гордою силой...
Гнутся, трещат, как от ветра, кусты,
гневно трепещет береза...
Думал: бедняцкие дочки просты?
Вот тебе девичьи слезы!
Честь и любовь защищает она,
Хемчика смелая дочка...

Оба — все ближе к гудящим волнам,
берег крутой недалечко,
вот уже стали на самом краю,
камни к воде покатались...

— Что, признаешь теперь волю мою? —
крикнул со смехом насильник.—
Что, доигралась?..
Теперь не уйти! —
и потянулся рукою...

Только два слова:
— Алеша, прости!..—
ветер разнес над рекою,
лес зашумел,
разбежались круги,
дрогнули ветви березы...

Черными лентами в волнах реки
тянутся девичьи косы...

Хемчик, ты, Хемчик, река родная,
чистые, ясные воды твои —
знаешь ты, Хемчик, или не знаешь
цену высокой любви?

Песня Хемчика

Хоть чисты мои истоки — оой-ээй,
чище пет любви высокой — оой-ээй.
Чем ясней сердца влюбленных — оой-ээй,
тем лучи светлее в волнах — оой-ээй.
Что за свет в волнах играет — оой-ээй?
Что горит и не сгорает — оой-ээй?
Знают волны: вдаль нести им — оой-ээй,
свет любви неугасимой — оой-ээй!..

Вместо эпилога

Плещет Хемчик шелком синим,
бег реки неукротим.
Вербы почки распустили
над обрывом над крутым.
Всходит солнце, легкий ветер
шевелит ветвями ив...

Вы кого хотите встретить,
ивы, ветви обратив
к переправе недалекой?..

Едут всадники стеной:
каждый смотрит, словно сокол,
и винтовка — за спиной.
Каждый зоркими глазами
ищет — что там впереди?..

Оглядев бойцов, сказал им
русский парень-командир:
— Ну, друзья! Пора настала:
мы огненные не рабы!
Спой, Хаян — долой усталость! —
песню гнева и борьбы!

И во всех глазах — сиянье,
словно солнце на заре,
и все взоры — на Хаяне:
пой, товарищ, пой скорей!
Бызаанчы — с берданкой рядом
у Хаяна за спиной.
Партизаны песне рады:
пой, товарищ, пой, родной!

И, над Хемчиком рождаясь,
льется песня торжества,
волю в людях пробуждают
небывалые слова.

Вторят им грозно Хемчика воды:
«Солнце правды людям несем мы!
В мире огромном всем угнетенным
возвратим мы солнце свободы!»

ЖАЖДА

1.

Там, где бегал я мальчишкой босоногим,
легом — ярый зной: пересыхают речки.
В ужасе мой дед: взъерошенный, убогий,
молоком кропит он землю — камня речке.

Беспощадны солнца огненные стрелы,
круг сухой земли все шире и все тверже...
— Не собрать ни стúпы — боже, что нам делать! —
жалобю горькой небо дед тревожит.

— Сколько еще будешь ты копать арыки?
Шел бы уж в колхоз: недолго перебраться...
Отстаешь от века, тугодум, старик, ты, —
бабушка бранилась. Но -- всегда напрасно.

— Замолчи, старуха! Что язык твой мелет! —
топнет дед ногою, закричит со злобой. —
Чтэб мою отару продали да съели?
Сам растил овечек — сам мяска не пробуй?..

Нрава дед крутого... Но кончалась криком
стычка между ними — бсз рукоприкладства.
Вновь старик, со вздохом, за лопату брался,
брел сухою степью к своему арыку.

В горной выси тучи слезы собирают,
чтоб пролить их в землю, мучимую жаждой, —
дед засуетится, их зазвать стараясь
молоком да словом — как, бывало, каждый.

Гром гремит, сверкают всплески молний — очи
девушки влюбленной после дней разлуки...
Дед, довольный, к тучам вскидывает руки,
пляшет, как мальчишка — пусть, мол, дождь полощет!

...Опоздал ты, ливень: выгорело просо,
ни копешки сена не скосили тоже...
Мучают седого горькие вопросы,
да и хворь прилипла: так его и гложет.

Думал заготовить кизяка сухого,
утешлить, обмазать ветхую кошару...
Да болезнь не шутит: весь, как будто, скован,
встать уже не может, обессилел старый.

— Детушки вы, дети! Как расстаться с вами!
Больше, видно, вами мне не любоваться...
Вам в степи не дело нынче оставаться:
в Чаа-Холь поезжайте, там в колхоз вас звали.

Так оставил землю предок мой, кочевник,
к старому привыкший, от людей отставший,
над судьбой своею горько причитавший...
Он не понял жизни нового течения.

2.

Давно испарилась влага с побуревших полей.
Все чаще шуршащим флагом машет нам суховей.
Хиреют в полях посевы, беда маячит вдали —
канавки жалкие, где вам жажду их утолить!..

Иссохли каналы дедовской старины седой.
Науке отныне следует управлять водой.
С одною хрупкой мстыгою не сворогишь гор —
хребты экскаватор двигает, дивной мощью горд.

Меня председатель вызвал: «Приехала к нам эмчи.
Будет от лютой жажды землю нашу лечить.
Ты с ней поедешь, помощником, да к делу-то приглядишь:
окажешься парнем дотошным — будешь гео-де-зист».

Что за груба на треноге — не знал я до этих пор.
Но девушка напряженно смотрит в этот прибор
и что-то видит особое, и мне махнула рукой —
и, плотную почву пробуя, к земле прикоснулся кол.

3.

В жаркие, долгие летние дни
не отлежишься в тени;

ноги занюют, горит спина...
Земля от зноя черна.

Меряй шагами широкие степи,
колья вбивай на ходу...
Душно, как в кузнице. Вот-вот упаду.
Как эта девушка терпит?

Что мне здесь делать? Может, уйти?
Ишь ты — послал председатель!..
С этими мыслями с полнуги
я повернул бы — но кстати
слышу: «Сопляк! Ты забыл, как ты рос!
Муки мои забыл?
Помнишь, как ливни несчастых гроз
я иступленно ловил?»
Словно бы дед из могилы встает,
вижу сквозь марево я..
Геодезистка — как запоет:
«Гренада, Гренада, Гренада моя»...

4.

Полдень. Мы на костерке вдвоем
мясо варим, чай тувицкий пьем.
Долго смотрят в небо голубое
голубые девичьи глаза...
— Что в молчанку бродим мы с тобою?
Я тебе хотела бы сказать...

В Туве твоей много бескрайних степей,
но их иссушает злодей-суховей.
Найти бы здесь воду, направить в поля —
волнами хлебов заиграет земля.
В краю моем белые вишни цветут,
там солнце не жжет беспощадно, как тут.
Там полон забот мой отец-садовод...
Туда по ночам меня детство зовет.
Ты скажешь: зачем же бросать было ей
ту щедрую землю, любимых людей?
И впрямь, там привольна земля и светла,
и там бы я счастье, конечно, нашла.
Но только мной с детства владела мечта:
пустыни мне снились и рек чистота.
Вернуть я хотела бы щедрость земле,
чтоб всюду родились и вишни, и хлеб.

И вот, как в Гренаду мальчишку-хохла,
далеко девочку мечта повела:
оставила дом я, и братьев, и мать,
чтоб степь твою, маренъ, водой напичкать.

Да, конечно! Мне узнать пора
ширь и глубину ее Днепра,
цвет садов, размах полей больших
в светлой щедрости ее души.

5.

Опустело болото у горы Смоляной.
Журавли пролетают над землей, надо мной,
журавли улетают, слышно стоны их мне...
В поле ветер гуляет по колючей стерне.

Снеговую кошмою завернулись хребты,
и зима уже смотрит с их крутой высоты, —
ветер гостью встречает у подножия гор:
листья он разметает, стелет пестрый ковер.

Вот и нашей работе наступает конец.
Под уздцы мы выводим присмиривших коней
на пригорок. Садимся, как всегда, у костра...
Мы молчим. Мы стыдимся. Боль разлуки остра.

Не росли мы с ней рядом возле речки одной —
что же к ней я привязан, как к сестренке родной?
На работу позвали — я не знал, что к чему...
Но привык к тебе, Валя, как к себе самому!

«Я приеду, братишка, из далекой земли.
Ты весною услышишь — прилетят журавли.
Мы недаром бродили — я хочу, чтоб ты знал:
здесь пройдет, в щедрой силе, Аймырлыгский канал!» —
так сказала ты, Валя... И я помню всегда,
как меня целовали твои губы тогда.
Я не знал, что у русских есть обычай такой.
Но я верил: вернутся птицы — вместе с тобой.

Крутобокий автобус не свернет с полпути,
докричаться не пробуй — лучше молча уйти...
Только бронзовой кистью все окрасил закат,
да осенние листья по дороге летят...

Все прочли и... о боже!
«Великие» наши творения
друг на друга похожими были,
как конское ржанье.
И тогда, поразмыслив,
пришли мы к такому решению:
сообща одолеть
этот гиблый рубеж — Подражанье.

Сколько разных людей
превзойти эту кручу пытались!
Среди них даже те,
что сегодня довольно известны...
Я карабкался тоже,
и пальцы едва не разжались —
но мечта помогла
со стены не сорваться отвесной.

Я стою на вершине.
Как воздух чудесен на ней!
Мне другая долина
раскрылась, в лесах-парусах...
Подражанье прошедшие
здесь объезжают коней:
одному иноходец,
другому попался рысак.

Наконец-то товарищей я по призванию
нашел!
И, должно быть, как им же,
пайдется скакун мне под стать!
Только б выбрать такого,
чтоб в долгом пути не подвел:
здесь начало пути моего,
а конца не видеть.

Виктор САГАН-ООЛ

ПЕСНИ РАБОЧЕГО

Свою работу проверяю снова:
действительно ли хороша она?
Таков обычай мой, мой долг суровый,
и долгу этому душа верна.

Я счастлив с каждым днем работать лучше —
самозабвенно, честно, горячо.
Опорой служит мне в строю могучем
товарища надежное плечо.

ВОСЬМИСТИШИЯ

Кто ум и силы отдает
для честного труда —
тот прост и счастлив.
Он живет,
не старясь никогда.

Бездельник на любом посту, —
хоть жизнь его легка! —
бесследно канет в пустоту.
Такая жизнь — кратка.

* * *

То жжет невыносимый зной,
то ливень, то мороз.
Жизнь тяжело ранит нас порой,
приносит боль до слез.

Всех трудностей не перечесать...
Но будет счастлив тот,
кто стойко трудовую честь,
как знамя, бережет.

* * *

Дочь друга вечером весенним,
смеясь, склопилась над водой,
следуя за светлым отраженьем
в глубокой луже дождевой.

И нежно, радостно поет,
а это значит: «оп» придет!

Исчезло солнце за горою,
спустились сумерки во двор.
Теперь стоят над лужей двое,
ведя чуть слышный разговор...

И значит: зацветет наш сад —
меня на свадьбу пригласят.

КРЫЛЬЯ

На чайлаге нашем, среди ив,
трясогузки гнезда вили летом.
Я за ними бегал — только где там! —
Улетали и не подпустив.
А когда рожденные летать
поднимались крошки надо мной,
я горел завистливой мечтой:
так хотелось птицею мне стать!

В дни народных праздников веселых
выступал на конных скачках я.
Рос, крепчал. Мелькали мимо села,
перелески, степи и поля.
Так щекочет сердце быстротою!
Только плеть над шалой головой —
и легко взмывает подо мною,
словно зюкол, мой скакун лихой.

К озерку ходил частенько тоже...
Вечерами, чуть взойдет луна,
там, в воде, купаясь в тихой дрожи,
отраженьем тешилась она.
До того, любуясь ей, сидел я,
что и в сны вливался ее челнок,
и ворчала бабушка седая:
— «Упаси господь тебя, внучок!..»

...Прижимаясь к пламени костра,
спят друзья, бывало, на охоте —
мирно улеглись в одной заботе:
как бы встать на зорьку до утра.
Я ж смотрю, как в черной борозде
разыгрались звездочки лучом —
а причин не ведаю, зачем
так звезда торопится к звезде.

...Есть в стороне овюрской горы,
там на слона Дус-Даг похож.
Ходил в мальчишеские годы
на эту гору я в поход.
Взойдя к седой се вершине,
я ощущал, под гул ветров,
себя плывущим по тучине
вперед с толпою облаков.
Из выси ястреб, словно камень,
к своей добыче устремлен.
Пройдет мгновение — и он
на той же высоте, над нами...
Когда-то крылья смастерил
арат, перо к перу слагая,
да лама зубы ощерил:
— Не лезь на небо, тварь земная! —

...Однажды в ясную погоду
раздался рокот мощный, грубый.
Вот было страху у народа!
«То глас дракона!» — шепчут губы.
Но вскоре видят, что высоко,
входя над ними в разворот,
парит стальной двукрылый сокол.
На лицах радость: «Самолет!»
И тотчас к чудо-самолету
людей сбежалось — легде сесть!
Пришлось рассказывать пилоту,
к чему такие «птицы» есть.
— А ну, поближе придвигайтесь:
несу вам слово с высоты!
Я пролетел до Хандагайты
через Тандинские хребты.
И с ветром не сравнишь полет —
крылатый нынче мы народ!
Как было раньше? Кто-то болен,
помочь бы рады — не под силу...
Мольбы напрасны — дремлют боги! —
а смерть с добычею — в могилу...

А вот с табунщицей был случай
у вас в горах: уж смерть кружила, —
мой «конь» привез врача по тучам, —
и мать с ребенком, оба, живы.
Над Хондергейским перевалом
метель в сугробах пронеслась —
совсем, казалось бы, прервало

дорожную с Овюром связь.
К тому же, после страшной бури
джут начался как раз в Овюре,
трудились летчики и тут —
и победили снег и джут!

...Как жеребенок год от года
ходить привыкнет под седлом —
так самолет стал для народа
для моего ручным копом.
Над полем облачным порхая,
в Москву сегодня он идет,
а там, где ходят лишь архары,
легко садится вертолет.

...Апрель, апрель!
Я песню слышу,
и в сердце
прибывает сил.
О, как не петь,
когда все выше
летит России славный сын.
Поет, ликуя, вся планета,
презрев земную суету,
как свет Гагаринской ракеты
рассек темницу Курбусту.

Ты не играй, Луна, лучами
со мной с беспечной вышины, —
в твоих серьгах я различаю
багряный герб моей страны.
И ты, звезда любви, восхода,
не строй, Венера, глазки мне —
к тебе, посланником народа,
домчусь на добром скакуне.
В одном движении — к коммунизму,
родной народ в него влюблен,
и весь в полет, во имя жизни,
как сердце века, устремлен.
Мне гордость прибавляет силы
и зажигает, как огнем —
и я, тувинец — сын России,
и крепнут крылья с каждым днем.
Пускай вечерний сумрак лижет
литую сталь броневика —
я Ильичевой четко вижу
полет руки через века.

И в этом вечном направлении
быстрее пули, сквозь года,
счастливых наших поколений
летит счастливая звезда.

ОТЦОВСТВО

Рожденье ребенка — великое счастье.
Ты ждешь этой вести, мечтая о том,
как будет он с солнцем впервые встречаться,
как станешь впервые ты зваться отцом.

Пусть будут заботы, пусть будут тревоги,—
ведь путь человека нелегок подчас:
рожденье ребенка — начало дороги...
Как многое в ней начинается с нас!

Хочу одного,— чтобы вырос он, сын мой,
с огнем и упорством в горячей крови,
чтоб был он счастливым,
чтоб был он любимым,
достойным высокой и светлой любви.

ТРИБУНАЛ МИЛЛИОНОВ

Нет, о любви сегодня петь не будем.
Тяжелые, как камни мостовых,
в душе слова.
Иди к суровым людям,
в ряды бойцов вставай, мой гневный стих.

Пусть далека та часть земного шара —
она мне нынче, как родной аал.
Мой стих, ты различишь в дыму пожара,
кто твой противник,— черный генерал.

Мятежники старательно учились
стрелять, а после — трупы в океан.
В таких, как я, сейчас стреляет в Чили
Альенде застреливший капитан.

Неруды больше нет. Нет Президента.
Но фабрику, пекарню и завод
смерть Пабло, так же, как и смерть Альенде,
к борьбе, а не к смирению зовет.

Сегодня здесь красны от крови воды
и в тюрьмы превратились корабли,
но дерева великого Свободы
наемным «лесорубам» не свалить.

Не спрятать компаньерос в казематы,
всех не удержат в камерах замки.
И час придет — чилийские солдаты
тупых капралов вскинут на штыки.

Народ свободный не сломить террором.
А тех, кто жег, кто вешал и стрелял,
самих ждет миллионов трибунал —
и Корвалан в нем будет прокурором!

ПОЗОВУТ МЕНЯ ДОРОГИ...

Дальние дороги позовут —
трудные, неровные, крутые.
Что в конце дорог?
А там живут
люди незнакомые, простые.
Еду я в дорогу не один,
всюду я с друзьями неразлучен:
вот блокнот в кармане, на груди,
вот заряженная авторучка.
Я секреты мастеров труда
буду собирать в блокнот упорно,
а потом народу передам,
как для сева — солнечные зерна.

Путь окончен.
Я домой вернусь.
Всем, что встретил,
буду горд и счастлив.
Бережно заметки разверну,
чтобы подготовить их к печати.
И тогда увижу: здесь, со мной,
не в блокноте —
в судьбах удивительных —
и доярка,
и чабан степной,
тракторист
и молодой строитель...

Их труда высокого посев
слов ростками,
радостно и строго,
встанет на газетной полосе...

Ну, а мне пора.
Опять в дорогу.

ВДОХНОВЕНИЕ

Вот парень сжимает поводья коня...
Товарищ, постой: ты не понял меня.
Не конь — экскаватор покорен ему,
герою Тувы, земляку моему!

Высокой горой серебрится руда.
Вот ковш экскаватора входит туда.
Черпнул осторожно, как будто рука...
Но полная горсть его так велика!

Борта у рабочих машин высоки,
взволнованно дышат грузовики.
Вот горсть разжимает над кузовом ковш —
встает над машиной руда — высоко!

Взглянула на парня девчонка-шофер,
и словно бы солнце взошло из-за гор.
И крепнет в душе вдохновенье труда.
В ладони стальной серебрится руда.

ВОЛНЫ

Волны, волны!
Вы красотою полны.
Всплески вашего эха —
от девичьего смеха.
Друг за другом бегущие —
вы от чего такие?
Хочется мне все пуце
вас увидеть, рябые.
И по какой причине,
как только увижу вас,
так и хочу в пучину я
броситься каждый раз?
Друг за другом бегущие!
Я от ласк не устану,
вы обнимайте пуце —
только сильнее стану!
Почуяло сердце новь,
стучит сильней и нежнее...
А может, пришла любовь —
я уже связан с пею?..

Эдуард ТРЕФИЛОВ

ЦЕНТР АЗИИ

Центр Азии.
Пускай условно это.
Но и условность
с гордостью храня,
взметнулись шпиль
и «шар земной»
в столетья
под небом
цвета сини и огня.

А я стою,
стою у обелиска,
где Енисей,
нарушив тишину,
взрывает лед
крутой волной
без риска
и залпами
приветствует
весну.

ПОСЛЕ СМЕНЫ

Идешь домой ты, смену отдежурив,
по городку, прижатому к тайге.
Луна, как лампа в синем абажуре,
у темной ночи замерла в руке...

Притихла стройка.
Спит подъемный кран,
стрелу — адаптер приподняв повыше.
Там, где чернел глубокий котлован,
стоит брусчатый дом
под новой крышей.

Наш главный архитектор —
жизнь сама,—
здесь предложила проложить дороги,
чтоб комбинат мужал,
росли дома,
гостеприимно ждали нас пороги.

ОЗЕРО АЗАС

Вода в Азасе —
небес синей.
А в центре лодка,
и кто-то в ней.
А гладь такая —
что лист фольги!..
Упало солнце
в простор тайги.

И стало небо,
что алый шелк.
На берег вечер
опять сошел,
забросил сети,
точь-в-точь рыбак,
но ловит звезды —
какой чудак!

СТАРИК У РЕКИ

Курит трубку тувинец,
глубокий старик,
опершись о колено рукой.
Он, за долгие годы, привык
так вот, на ногу сесть,
лоб наморщив в раздумье,
дым пускать голубой.
Курит трубку старик на пригорке.
Вокруг щебетание трав.
И отара из сотен голов
во главе с круторогим самцом-вожаком.
Он, как каменный скиф,
молчалив.
Он, усевшись с утра,
вместе с трубкой сосет
день июньский
глоток за глотком.
Под его возвышеньем,
по руслу одной из проток,
целомудрия жизни полна
и светла,
будто в день сотворенья,
снисейская бьется волна,
превращая камень в песок.
Вот и он, что река,
свой положенный век перетер,
и теперь лишь песок его дней
протекает
меж цепкими пальцами мысли.
Если б жил человек,
как и ворон,— века,
он истер бы и их,
для других, чтоб другие
те глыбы не грызли.
Он спокойно сидит,
и Саян голубые хребты
восстают за спиною его горделиво.

Мир понятен ему,
но он все же
пытливо
его каждодневно сверлит —
будь растением,
он смог бы сквозь слой мерзлоты
прорасти,
расцвести в непроглядную тьму...
Снова трубку, «дунзую» набив,
раскурил он, и дым,
завиваясь в подвижные кольца,
вздывается вверх.
Сколько прожил он?
Сколько?..
Чтобы стать вот таким,
будто каменный скиф,
а душою — простым и могучим,
как пройденный век.

ПЕРЕД КОСМИЧЕСКИМ СТАРТОМ

...Впереди — ничего,
впереди — пустота, да безмолвье.
Но, чтоб новые трассы
к неизвестным мирам пролегли,
ухожу я в полет.
Ухожу я без страха, без боли:
ведь повсюду со мной
горстка черной, бесценной земли.
Передайте родным,
передайте знакомым, соседу —
как всегда, почему-то,
я предвижу вернуться живым...
Не теряйте надежд!
Возвращение — значит, победа.
По известным маршрутам
стартовать безопасней другим.
А случится, вдруг, смерть —
как нередко бывает — подкосит...
Но разбитый корабль
все же тело мое донесет —
и тогда для людей
возвращенье победу приносит,
потому что обратно
я лечу, только выполнив все.

И не плачьте, друзья,
старики и жена дорогая.
Пусть листву на рассвете
надо мною деревья сольют —
я люблю, как и вас,
всю Россию с ее городами,
пусть полюбят так дети:
им, живым, из полетов — салют!
А пока впереди
лишь мерцающий шелест Вселенной.
Это звезды алеют,
золотятся, как угли в золе...
И не мы ли сторать
каждой жизнью должны, как поленья,
чтобы было светлее
и теплой на зеленой земле?..

ПЕСНЯ

В прясной воде
темпо-синего зыбкого омута
мыла луна,
напеваючи, желтые волосы.
Падала песня,
неслышно, крупинками золота,
к сонной воде,
отрываясь от лупшого голоса.
Песня текла
на чащобы лесов зачарованных,
в космы травы,
заплетая рубины росистые.
Замер марал,
в эту лупшую песню закованпый,
голову низко
к земле преклоняя ветвистую.
Свыше и свыше
звучали цвета ее чудные.
Мир и покой
навели ее кружева.
С юга явились,
вдруг, тучи тяжелые, черные, —
песня исчезла...
Но песня осталась жива!

Эмма Борисовна ЦАЛЛАГОВА—учительница. Третий год она работает в школах отделенных районов Тузы: Бай-Тийгинского, Эрзинского, и теперь — Барун-Хемчикского. Осетинка по национальности, Эмма Цаллагова окончила Кавказский государственный университет, получив специальность преподавателя русского языка и литературы, но продолжает учиться заочно в Литературном институте имени Горького в Москве. Ее стихи печатались в журнале «Юность», на страницах газет Северо-Осетинской и Тувинской АССР.

Эмма ЦАЛЛАГОВА

ПРОЩАНИЕ С ЕНИСЕЕМ

Вот здесь проходил, как избранник судьбы,
мальчишка, поймавший тайменя...

Последний глоток енисейской воды.
Разлука!.. Полна я смиренья.

Любители споров, рыбалки, озер,
таежных костров и охоты,
сжимается вас окружавший простор
в размеры любительских фото.

Но вновь над волной Тере-Холя закат
застыл на натянутой леске,
и лебеди громко в осоке трубят
какую-то давнюю песню.

Над дальней тропинкой вечернюю мглу
посеял торжественный ветер —
и медленно солнце уходит в тайгу
оранжевым теплым медведем.

Тимофей СЕРМАВКИН

ТРОПУ ПРОКЛАДЫВАЕТ СИЛЬНЫЙ

У каждого человека есть своя тропинка в жизни, но только не каждый ищет ее. Иной так и проживет, не оставив следы, потому что был равнодушным ко всему окружающему. А по тропинке не знающих покоя непременно пойдут другие, потому глубоким остается их след в жизни, и ни время его не сотрет, ни буйные травы не спрячут от глаз людских. Такую тропу проложил и человек, которому посвящены эти строки, хотя прожил он на земле немногим более полувека.

Познакомились мы с ним в конце шестидесятих годов. Тогда впервые слава о нем перешагнула седые горы Сут-Холя и полетела по долинам Тувы. Да и как было славе не лететь быстрее ветра, ведь редко кто в своей отаре получил по 133 ягненка от сотни овцематок! Его трудовой подвиг стал примером для сотен чабанов от высокогорной Монгун-Тайги до степных просторов Эрзица. Односельчане, алдан-маадырцы, первыми поздравили его с высокой наградой — орденом Ленина.

— А имя его — Дажи-Намчал Чыртай-оолович Ооржак. Внешне он не отличается от своих земляков. Среднего роста, правильные черты лица, которому придают мужество борода и чуть пробивающаяся в волосах седина. Вот только глаза — цепкие, словно всего тебя насквозь прощупывают. И как-то не вяжется с этим острым взглядом его тихая, задумчивая речь. Каждое слово у него точно взвешено на самых точных весах и потому глубоко проникает в сознание собеседника. Впрочем, в этом сказывается привычка больше думать, чем говорить. Ведь уже много лет он изо дня в день бывает наедине со своими мыслями, когда уводит отару на пастбище. Вот и в эту нашу встречу он оживлялся только тогда, когда разговор заходил о его родном крае.

...Тербе-Даш далеко стоит от наезженных дорог. И всякому, кто захочет побывать там, нужны крепкие ноги или умение держаться в седле. Может быть, когда-то и сюда доберутся машины, а пока только чабанов не страшат эти каменистые кручи и мрачные ущелья: лучшее место для зимовки трудно сыскать по всему Манчуреку.

Многие годы здесь, в Тербе-Даше, укрытом со всех сторон от ветров хребтами, араты пасли хозяйских овец и лишь меч-

тали о том, что, может быть, когда-нибудь займется и в их жизни светлая заря. Но один из них был самым мужественным и гордым, как горный орел. Не смирился он с тем, что бай лопаются от жиру, а у сотен бедняков только черный чай прополаскивает желудки. Поднялся на самую высокую вершину, и ветер понес могучий клич по горам и по долинам Сут-Холя. На зов пришли шестьдесят богатырей, встали плечом к плечу и пошли на смертный бой с богатеями. И всех смелее, всех отважнее бился он — Самбажык...

Дажи-Намчал Ооржак глубоко затянулся папиросой, потом палил в палку горячего чая, сделал несколько глотков и тихо закончил:

— Вот каких людей знала наша Тербе-Даш. Здесь, где сейчас стоит моя юрта, жил Севендей Монгуц, а Самбажык — в соседнем ущелье, у горы Кара-Даг. Там и сейчас сохранились следы стоянки трех юрт. Отсюда и пошли наши богатыри в бой за лучшую жизнь. Был среди них и племянник моего деда — Тажитпай. Посмотрели бы они, как мы преобразили родной край...

Слушал я Дажи-Намчала и понимал его гордость. Да, он один из тех, кто начинал строить здесь новую жизнь. Научившись владеть топором у отца, Чыртаи-оола, лучше которого никто по всему Улуг-Аку не мог сделать сундук—аптара и расписать его орнаментом, Дажи-Намчал стал первым плотником в молодом колхозе имени Калинина. Люди с гор спускались в долину, кончали с вечным кочевьем. Нужны были и дома, и школы, и колхозные амбары. И с рассвета дотемна стучал топором Дажи-Намчал, учил земляков новому ремеслу. Потом сам учился в Туранской строительной школе, руководил колхозными плотниками. А когда из маленьких колхозов организовали совхоз «Сут-Холь», партийная организация направила молодого коммуниста в животноводство. Нужно было поднять главную отрасль хозяйства, и Дажи-Намчал, оставив топор, стал бригадиром фермы крупного рогатого скота.

...Поздним ноябрьским вечером Дажи-Намчал Ооржак возвращался с районной партийной конференцией. Задумался. Из головы не выходили слова первого секретаря обкома партии о том, что коммунистам надо основательно взяться за овцеводство, оно должно стать главной отраслью в совхозе «Сут-Холь». А утром он пришел в партком и положил на стол секретаря заявление:

— Вот, прошу чабаном направить.

— Правильно ты решил,— сказал секретарь.— Мало у нас среди чабанов коммунистов, а старики выходят из строя. Надо их заменять. Сегодня вечером и обсудим на парткоме.

Лютым был декабрь 1964 года. Мороз добирался до самых

костей, и Дажи-Намчал, чтобы согреться, то и дело соскакивал с коня. «Как-то будет в такую стужу ребятишкам в юрте? — думал он. — Привыкли к теплой избе». Волновало и новое дело. Отару ему дали слабую, к зиме не подготовленную. С чего начинать? А вдруг не сумею ничего сделать, ведь декабрь, и скоро начнется окот... — думал Дажи-Намчал.

Но то, что он увидел на стоянке, еще более удручило его. Многие овцы уже и на пастбище не могли идти. В темной кошаре было сыро, в щелях свистел ветер, тепляк почти развалился. Задумчиво обошел он стоянку, а потом подошел к Сюрюнчану, у которого принимал отару, и с горечью сказал ему.

— Какой же ты, однако, ленивый!.. Давай уезжай побыстрее, не могу с тобой даже говорить.

— Попробуй сам походить за овечьими хвостами, тогда будешь и упрекать, — озлился Сюрюнчап.

Сдержался тогда Дажи-Намчал, только рукой махнул, — что говорить с человеком, не уважающим даже себя. И вспомнил в эту минуту слова отца: «У чабанов не бывает ни дня, ни ночи...»

И действительно, вот уже почти десяток лет Дажи-Намчал не меряет свой рабочий день на часы. Начинаясь день с восходом солнца и далеко не кончается с его последними вечерними лучами. Но особенно трудно было в ту первую зиму. От забот голова шла кругом. Рассеет туман бледное зимнее солнце, выгонит чабан отару на чистые от снега склоны Тербе-Даша и берется за топор. Выручила его старая профессия. Поправил и вычистил кошару, со старого стойбища перевез весь одек — на подстилку ягнятам нужен. Потом перебрал тепляк. Из поселка выючно на лошадях подвезли овес. А когда навел порядок на стоянке, поехал в село за семьей.

— Что и говорить, тяжелой была первая зимовка, — вспоминал Дажи-Намчал. — Овец двадцать так и не смог поднять на ноги, пали. Но зато всех ягнят выхотил с женой, даже в своей юрте пришлось держать их — тепляк-то маленький.

Весной, когда подводились итоги зимовки, на собрании чабанов выступил Дажи-Намчал.

— Плохо мы работаем, — сказал он. — Половину ягнят недобираем. Если заботиться как следует об овцах, можно получить больше ста ягнят от сотни маток.

Такое еще никто не осмеливался говорить в Алдан-Маадыре. Выращивали, самое большее, по 80 ягнят. Да и трудно было добиться лучшего результата — кошар добрых не имели, сена в зиму заготавливали столько, что и ягнятам не хватало. Вот почему чабаны тогда удивленно смотрели на Дажи-Намчала: как может серьезный человек говорить такие легкомысленные слова?!

— Смешно говоришь, Дажи-Намчал, — возразил ему чабан Самбыл Норбу. — Я пасу овец дольше, чем ты прожил на земле, и знаю, что наши горы не свернешь. Не к лицу тебе, уважаемому у нас коммунисту, говорить пустое.

Но в защиту Дажи-Намчала выступил Серен Ооржак, с ним вместе стали чабанами. Одобрил их слова и партком.

— Пять раз за лето перекочевывал я, — вспоминает Дажи-Намчал — Конечно, нелегкое это дело в наших горах, но жена безропотно всякий раз собиралась в новую дорогу.

Да, нелегко пришлось чабану тогда, летом 1965 года. Посоветовались они с Сереном и увели свои отары в Холчук. Никто еще там не пас овец, чабаны выбирали чайлаги поближе. На добрых, не тропутых копытами травах овцы быстро поправлялись. А у упитанных маток непременно будут крепкие ягнята — это отцовское наставление Дажи-Намчал хорошо помнил. В сентябре привел отару вниз на только что открытый пункт искусственного осеменения. С трудом внедрялось новое для овцеводов Сут-Холя дело. Многие чабаны не верили в него, держали в отарах баранов. Потом Ооржак перевез на зимнюю стоянку заготовленное сено, до холодов отремонтировал и расширил кошару, тепляк.

Добрая весть облетает горы, словно эхо. Едва принял Дажи-Намчал в феврале последних ягнят, а в Тербе-Дап приехал тот самый Самбыл Норбу. Долго молча ходил он по кошаре, присаживался чуть ли не около каждого ягненка. Щупал, вертел их в руках. Потом прошел в юрту, сосредоточенно задымил трубкой.

— Ты, Дажи-Намчал, прости старика за те нехорошие слова, — наконец, тихо сказал он. — Теперь я вижу, что все зависит от человека. Поеду, людям расскажу.

Так трудом и настойчивостью доказал коммунист Дажи-Намчал Ооржак, что можно добиться многого, если в дело душу вложить. А успех был действительно по тем временам большой — чабан вырастил по 105 ягнят от сотни овцематок. Сейчас такой результат для многих животноводов — обычная норма, даже целые совхозные бригады, скажем, Оргу-Шольская и Шекпээрская, выращивают ежегодно больше, чем по сто ягнят от сотни овцематок.

Впереди всех чабанов с того года неизменно шел Дажи-Намчал. В 1966 году он вырастил уже 110 ягнят, потом 112, 125... А в 1970 году установил тот самый рекорд, за который и засияла на его груди высокая награда.

Признание нелегкого чабанского труда окрылило его. И Дажи-Намчал дал слово в новой пятилетке получать ежегодно не меньше 110 ягнят от сотни овцематок. Но опять нашлись неверующие. Кызыл-оол Ондар и Сюрюнчап Ондар, у кото-

рого в тот морозный декабрь принял Дажи-Намчал овец, открыто говорили, что просто ему везло раньше, хорошие овцы попадались. Вот пусть покажет себя с молодыми ярками, которых припил взамен состарившейся отары. Но коммунист Дажи-Намчал Ооржак снова доказал, что трудолюбивый не испугается и гору сломать. В позапрошлом и прошлом годах он вырастил по 112 ягнят от сотни овцематок, а в этом — 134.

— И все-таки не я первый в совхозе,— улыбаясь, говорит Дажи-Намчал.— Обошел меня Доржу Ооржак. С ним мы соревнуемся третий год, нынче он вырастил по 140 ягнят. Молодец!

И вспомнилось мне то собрание, когда со всех стоянок приехали овцеводы в Алдан-Маадыр, чтобы посоветоваться, как работать в новой, девятой пятилетке. Партия наметила на своем XXIV съезде большие задачи, каждый должен внести вклад в их выполнение. Попросил слова и молчавший все время Доржу Ооржак:

— Я хочу посоревноваться с Дажи-Намчалом,— сказал он.— Пусть он меня научит работать.

В зале стало тихо. Все знали Доржу Ооржака как добро-совестного чабана. С планом он справлялся, падежа не допускал. Но чтобы тягаться с Дажи-Намчалом,— на это не решаются чабаны и посильнее. Председательствующий тоже не ожидал такого и не знал, как поступить. Но тишину нарушил спокойный голос Дажи-Намчала:

— Вызов я принимаю. Но запомни, легкой славы мне не надо, поэтому приезжай ко мне, смотри, все покажу, расскажу.

И он крепко пожал руку смутившегося чабана. А потом мне рассказывали, как летом, во время наадыма, на совхозном стадионе Дажи-Намчал подвел к своему сопернику коня, главный приз первому чабану в соревновании, надел на него ленту «Чемпион-72» и поддержал стремя, когда победитель сел в седло,— обычай древний, возможно, так чествовали сутхольские араты и своих шестьдесят богатырей...

И в его словах я не слышу горечи поражения, наоборот, в глазах вижу искорки радости. Такой он человек: всем сердцем доволен, что теперь в совхозе десятки чабанов идут по той же дороге, по которой он первым делал робкие шаги. Я знал, что радость эта искренняя, потому что всякий раз, бывая в Алдан-Маадыре, слышал о нем только хорошее. То он организует членов своей Оргу-Шольской бригады на заготовку сена. То по его инициативе чабаны строят на зимниках новые тепляки. А вот нынче все коммунисты бригады, опять-таки по его примеру, взяли шефство над молодыми чабанами. И даже такие, как Доржу Ондар, Тадар-оол Монгуш, Адар-оол Ооржак,

которые в прошлом году не справились с планом, нынче вырастили по 101—103 ягненка от сотни овцематок. Конечно, шестство отнимает много времени, а его и самому не хватает, особенно, когда наступает пора ягления овец. Но опытный чабан частенько наведывался к ребятам на стоянки, советовал, помогал. И радостно ему, что заботы эти окупились. Вот и Доржу Ооржак уже орденом Трудового Красного Знамени награжден за высокий результат в миновавшей зимовке. И в этом есть заслуга старшего товарища.

А сколько важных вопросов решила партийная группа бригады, в которой восемь коммунистов! Возглавил ее Дажи Намчал в тот год, когда принял первую отару. Да так с тех пор коммунисты бригады и возлагают на него эту ответственность. Центр чабанской бригады — один из лучших в совхозе. Сюда зимой спускаются овцеводы с гор, чтобы послушать лекцию, посмотреть кино, помыться в бане, обсудить свои очередные задачи. Зимой коммунисты и все чабаны бригады совместно думали, как лучше провести расплод маток, принимали обязательства на решающий год пятилетки, весной подвели итоги зимовки и соревнования с Шекпээрской бригадой, обсудили, кому и куда откочевывать. Потом обдумали, как больше заготовить сена, провести ремонт кошар, тепляков, домов.

— Теперь ни одного вопроса без партийной группы мы не решаем, — говорил мне бригадир Оттук Монгуш. — Чабаны доверяют коммунистам, все они хорошо работают, свое слово всегда держат.

И такие теплые отзывы о Дажи-Намчале я слышал от многих в Алдан-Маадыре. Каждому с ним приятно поговорить, потому что знает — получит добрый совет, а если надо, то и помощь. Не пройдет Дажи-Намчал Ооржак мимо, если увидит бесхозяйственность. Односельчане оказали ему большое доверие, избрав депутатом районного Совета. Новые обязанности он исполняет так же добросовестно, как и ставшее для него главным на всю жизнь чабанское мастерство. А оно действительно в его руках стало делом трудовой чести, доблести и геройства. Недавно экономисты совхоза подсчитали цену труда Дажи-Намчала. За годы чабанства он вырастил почти 3.500 овец, настриг около восьми тонн шерсти. И я видел его труд в сегодняшнем облике растущего села — в новых домах и двухэтажной школе, в строящихся тракторных мастерских и в планах недалекого будущего Алдан-Маадыра.

Большой зал Кызыльского Дома политического просвещения полон. В нем много чабанов, приехавших со всех районов на очередной X пленум обкома партии, чтобы обсудить свою важнейшую задачу — как и какими путями довести за семь лет поголовье овец до двух миллионов, вдвое увеличить прода-

жу государству шерсти, баранины. Богатый опыт многих чабанов подсказывал, что эта задача вполне реальна. И вот партийная организация республики держала большой совет с лучшими овцеводами.

Были среди них и Дажи-Намчал Ооржак. Он внимательно слушал докладчика. Все было ему близко и понятно, потому что стало делом всей его жизни. А потом, когда докладчик назвал его имя, в зале раздались бурные аплодисменты. Вся республика в лице участников пленума чествовала нового Героя Социалистического Труда. А Дажи-Намчал Ооржак вспомнил в эту минуту тот студёный декабрь, когда впервые приехал в Тербе-Даш с одним лишь горячим желанием доказать, что и в суровых условиях можно получать от каждой овцы приплод.

Потом зал внимательно слушал его. Много хотелось ему сказать тогда. Но, преодолев волнение, заговорил о самом главном — об ответственности чабанов за доверенное дело, о воспитании достойной смены, переводе овцеводов на сменную работу и постоянное жительство в села, чтобы они и их семьи могли жить так же, как все сельские труженики: тогда и молодежь пойдет дорогой отцов.

...Тысячи чабанских троп проложены по Манчуреку, Улуг-Аку, Чодуралыгу, Алашу. Тем, кто шел по ним первыми, было труднее. Одну из таких троп проложил и коммунист Дажи-Намчал Чыртай-оолович Ооржак. Один раз выйдя на дорогу легендарных шестидесяти богатырей, подвигу которых исполнилось нынче девяносто лет, он твердой поступью идет по ней.

СВЕТЛЫЙ ПУТЬ

I. Делегатка

Самолет вылетел из Баку, оставил позади Каспий и взял курс на Волгу. Пассажиры занимались каждый своим делом: кто читал газеты или журналы, кто играл в шахматы, многие беседовали между собой. Кого только не было в этом самолете! Африканцы, индусы, арабы... И среди них — тувинка. Учительница из Тес-Хема. Внимательно прислушивалась она к разноязыкому говору своих спутников. Приходили в голову мысли о дружбе, о мире, о судьбах народов, представители которых сидели сейчас рядом с ней, и своего, тувинского, новой жизни которого обязана она и своей счастливой судьбой.

Самолет летит в Москву. Пассажирами его были участники проходившей в Баку конференции солидарности стран Азии и Африки. Это было весной 1964 года.

Адыяа Бадыргыевна Максыр никогда не забудет тех дней. Не раз у себя, в Чыргаладинской школе, вспоминала она, как выступали на конференции Антонио Мигуэль Байа из Анголы, Абдульвахаб Селим из Ирака, Махмед Калимшула из Индии, советский делегат — писатель Мирзо Турсун-Заде... А потом — Москва, Красная площадь, Мавзолей Ленина. Людям мира дороги эти слова, как дорого им слово «Дружба». Люди различных рас проходили в едином шествии к Мавзолею, и выражение их лиц было одинаковым: задумчивым, торжественным, решительным. Словно все они, не стовариваясь, дали тогда клятву каждый в своей стране и по-своему бороться за осуществление задуманного Ильичем.

II. Начало пути

Адыяа Бадыргыевна снова и снова рассматривает альбом с фотографиями участников конференции. И вспоминает... Не только о событиях тогдашних. Гораздо дальше уведат ее мысли...

Первый месяц лета. Кругом расцвели степные цветы. Отец Адыя встречал вернувшуюся из Кызыла дочку.

— Быстро ты добралась, уруум. Мы ждали тебя только через три дня.

— А зачем ехать так долго? Ведь я не на коне — на машине!

— И не страшно было тебе на машине ехать, голова не кружилась?

— Ну, что ты такое говоришь, отец! Мы к машинам давно привыкли. Так удобно, так быстро! А что, в Самагалтай разве машины не ходят?

— Нет, уруум. Дорога плохая. Да и так-то машины в наших местах — редкость. Зато коня своего председатель сумона мне дал, он сказал: «Как тут откажешь! Не кого-нибудь человек встречает, а учительницу нашу! Встречай, встречай скорее. В прошлом году твоя дочь много народу грамоте выучила, наверное, и нынче учить будет», — вот что сказал дарга!

— Правда, отец, я опять буду культурмейцем. А может, совсем не уеду больше: здесь останусь учительствовать.

— Уже учительствовать? Не сможешь, уруум. Маленькая ты еще. Разве станут тебя ученики слушаться!.. Ладно, поедем лучше. Вот Калдак-Хамар перевалим, а там до самого Самагалтай спуск...

Адыя залюбовалась: так красиво было вокруг. Казалось, и ее душа стала просторной, как степь Агара, зазвенела, как песня хомуса. Поглядит девушка на тайгу — лиственницы стоят тихо, их зеленые ветви покачиваются, словно приветливо машут ей. Глянет на берег речушки — там тальник молодой опустил листву в прозрачные воды... На кого он так похож? Не на невесту ли в праздничном наряде? Нет, скорее на молоденькую учительницу перед первым уроком: принарядившуюся, строгую и взволнованную...

Радостно встретили девушку в родном аале. И стар, и млад приезжали глядеть на единственного образованного человека в аале Бадыргы. Но недолго погостила она. Пошла по соседним стоянкам обучать неграмотных. Все лето учила жителей Шурмака, Кызыл-Арыга, Уттуг-Туруга, Тээрге. И везде ее встречали тепло, как родную. А осенью она стала работать учительницей в Берг-Дагской школе. И было это в 1944 году.

Нелегко пришлось ей на первых порах. Настоящей школы еще не было: занимались в маленьком деревянном домике, а жили ребята в юртах. Но кому было тогда легче? На весь Тес-Хем — ни одного трактора, араты, вступившие уже в тожзем, пахали землю, как и единоличники, на быках да худых бедняцких лошадях. И убирали хлеб вручную, молотили по старинке: гоняли упряжку быков по снопам. Ребятишки-школь-

ники, бывало, тоже тут как тут: колоски собирают. Работают ребяташки и песню поют:

Дарзыг-дарга прикочевал,
в пшеничном поле почевал,
а овцы почью в хлеб зашлц,
все поле чисто подмели.
Ты не ксчуй сюда, дарга!
Пшеница людям дорога!

Учительнице и смело, и страшно: знает, был и вправду такой случай с председателем тожзема. И боится: а вдруг он услышит и перестанет пускать в школу своих детей? И так многие араты не понимают, зачем это — ребятшек учить. Да и сами подростки — а ученики были все большие, кто ростом выше своей учительницы — нет-нет и разбегутся по своим юртам в горы. Разыскивай их тогда, уговаривай вернуться... Доучился до четвертого класса — и уже призывного возраста достиг, уходит служить в армию.

Потом построили возле школьного домика второй — интернат. Там ученики и спали, и ели... Все равно не хватило мест. Председатель сумонного Совета Самбыл распорядился поставить около школы десяток юрт. В них поселили по 4—5 школьников в каждой. Завхоз Чамдылай по утрам развозил по этим юртам быштак, далган, тараа, тем и питались. Если работала мельница на Сайгыне, мололи муку, лепешки для школьников пекли. Прочую пищу — мясо, молоко, ааржы — привозили ребятам сами их родители, араты. Из них тетя Сувалчай готовила обеды. Карандашей, тетрадей не хватало. Зато энтузиазма — через край. Так начинала работу ныне заслуженная учительница школ РСФСР, кавалер ордена Красного Знамени и нескольких медалей, Адьяа Бадыргыевна Максыр.

III. Ветеран

Сколько лет живет тувинский народ в великой семье Советской страны, столько и учительствует Адьяа Бадыргыевна. А сегодня посмотрите на село Белдир-Арыг. Это — центральная усадьба колхоза с поэтичным названием «Чодураа» — черемуха. Что интересно: вся молодежь в селе, да и зрелые, серьезные люди, специалисты, труженики хозяйства — почти все они учились у Адьяа Бадыргыевны. И все гордятся ею. И автор этих строк, не знавший в свое время, что напишет о своей учительнице — тоже.

Большое здание стоит посреди села. Это Чыргаландинская восьмилетняя школа, в которой Адьяа Бадыргыевна прорабо-

тала более пятнадцати лет. Опыт ее огромен, и им она охотно делится с молодыми учителями. Именно под ее влиянием стали передовиками Балдан Дыртыймаа, Чурукпан Алдаймаа и другие.

И сама Адьяа Бадыргыевна Максыр постоянно учится. Каждое лето ездит на курсы повышения квалификации, старается обогатить формы и методы своей работы. Наглядные пособия, изготовленные руками самой учительницы, хранятся у нее годами, ими пользуются и другие учителя. Она ездила и в Ростов, была в лучших его школах. Очень многому научилась там.

Депутат районного Совета, член женсовета своего села, Адьяа Бадыргыевна никогда не бывает без дела: то в заботах о благоустройстве домов и улиц Белдир-Арыга, то в раздумьях о том, как лучше организовать досуг уже окончившей школу, работающей молодежи. А ведь у самой учительницы своих детей шестеро, да еще внучата. И их, как всех учеников, растит Адьяа Бадыргыевна тружениками. Старший сын ее Сергей и дочь Мария — продавцы, Лена — работник культуры, окончила Кызыльское училище искусств, остальные пока учатся.

Адьяа Бадыргыевна прошла путь нелегкий, но большой и светлый. О таком пути, о такой работе, о такой жизни хочется петь, хочется говорить стихами:

Буквой «А» открылся твой букварь.
«А» добра, как мама, как авай.
Ты листай страницы в букваре —
и умней, мальчишка, и добрей,
и взрослей ты будешь с каждым днем.
А учитель... Не забудь о нем.
Ты придешь рабочим на завод —
и учитель твой с тобой придет.
Заживешь счастливою семьей —
и учитель будет в ней с тобой.

Олег ГАВРИЛОВ

СИЛА ТАЛАНТА

Я смотрю на гордо вскинутую оленью голову, царственную корону рогов, бархатисто-черные глаза, и передо мной встает тайга в золотом осеннем убранстве. Неслышно осыпает оранжево-желтые хвоньки лиственница, хрустят под сапогами овальные лепешки листьев бадана, скованные крепким утренним морозцем. Храмовую тишину леса еще больше подчеркивает стук дятла по сухой лесине.

И вдруг тайга исторгает из своих замшелых недр могучий вопль. Он начинается с низкого, страстного мычания, крепнет, набирает силу — в нем уже слышится не призыв, а угроза — и заканчивается высокой звенящей нотой, ликующей и победной. Ее отголоски еще мотают эхо по лесистым распадкам и скалистым вершинам, а впереди отчетливо раздастся дробный костяной перестук рогов, фыркание разгоряченных животных и треск сучьев под крепкими копытами. У маралов в разгаре гон: пора любви и жарких, свирепых драк.

Пока я готовлю фотоаппарат, шум схватки смолкает. По треску кустов можно догадаться, куда ретируется менее сильный и удачливый соперник. А через несколько секунд неслышно раздвигаются ветки, и на поляну выходит могучий зверь. Необузданная сила чувствуется в его пружинящей походке, мощной шее с черной гривой и ветвистых шестнадцатиконечных рогах. Еле слышный шорох настораживает бойца, и он на секунду застывает во всем великолении, чтобы через мгновение исчезнуть бесплотной тенью.

Таким он и остался в моей памяти. Но вот я снова вижу его, замершего, готового к прыжку. И хотя передо мной лишь музейный экспонат, в памяти рисуется поляна в блестящих инае, взрытая копытами земля, отчетливо ощущается запах мускуса и сладковатая прель опавших листьев. Видно, настолько велика сила искусства, что способна всколыхнуть самые сокровенные уголки памяти, затронуть тончайшие струны чувств.

Я не случайно упомянул о силе искусства, которую таит в себе замечательное чучело лесного красавца, выставленное в зале краеведческого музея. Оно способно вызвать не менее глубокие эмоции, чем картина художника или скульптура вая-

геля. Ведь не зря в последние годы появился термин — «скульптурная таксидермия». Впрочем, великолепная работа мастера и есть настоящее произведение искусства, самобытного и оригинального, близкого по манере исполнения к скульптуре, но лишённого и элементов художественности.

Когда вглядываешься в выполненные Иваном Матвеевичем Путинцевым чучела стоящего на скале козерога, приготовившегося к прыжку соболя, глухаря, токующего, распустившего крылья в любовной истоме, кажется, что животные не застыли навечно в этих позах, что они полны жизни, движения, скрытой энергии. И начинаешь понимать, что их творец постоянно и пристально вглядывается в окружающий его мир природы, потому что все в ней, с его точки зрения, полно значения, всё одинаково заслуживает внимания. Ведь никогда нельзя предугадать, где и в чем удастся ему подсмотреть то неуловимое движение, то неповторимое сочетание теней, красок, позы, которое, кажется, одно только и способно заставить дрогнуть сердце человека, вызвать щемящее, пронзительное чувство, которое мы зовем любовью к родному краю.

Пишешь такое, и перо невольно спотыкается на бумаге: не хватил ли через край? Ведь речь идет не о деятеле искусства, а всего-навсего о таксидермисте — мастере по изготовлению чучел животных, попросту говоря, о чучельщике или препараторе. Но когда я вспоминаю, как его руки укладывают перышки на спинке крохотного синего воробья или расправляют шерсть на хищно изогнувшейся спине рыси, чувствую, что такая работа стоит высоких слов: настолько она поражает большим мастерством, жизненностью и правдивостью, исключительной художественной выразительностью.

И становится досадно, что на подставке чучела редкостного зверя или птицы, которых даже опытный натуралист не увидит на воле, живи он здесь хоть двадцать лет, нет этикетки с фамилией мастера, что имя его остается неизвестным тысячам читателей его таланта. Воздают же американцы в многочисленных публикациях, хотя и носящих рекламный характер, должное мастерству Карла Эккли, основателя современной школы американской таксидермии.

Мастеров-таксидермистов в нашей стране можно перечислить по пальцам, настолько сложно их искусство, самобытен талант. В Сибири таких специалистов единицы. В их числе и Иван Матвеевич Путинцев, заведующий отделом природы Тувинского республиканского краеведческого музея имени 60-ти богатырей — Алдап-Маадыр. На его оригинальные работы большой спрос. Достаточно сказать, что только в Красноярском краеведческом музее выставлено более сотни его работ.

Орел. Работа И. Путинцева. Фото П. Гольцова.

В их числе чучела лося, марала, бобра, биологическая группа «Волчата». Его чучела украшают музей заповедника «Столбы», биологический кабинет Красноярского сельскохозяйственного института, Абаканский, Минусинский, Дудинский краеведческие музеи. Недавно представители монгольской делегации, побывавшие в Кызыле и ознакомившиеся с замечательным ис-

кусством мастера, пригласили его к себе на родину. За несколько недель, проведенных в Монголии, Иван Матвеевич изготовил десятки чучел зверей и птиц местной фауны.

Это не случайно, потому что прекрасное знание природы, тонкая наблюдательность, замечательное мастерство и художественный вкус отличают большинство работ Ивана Матвеевича Путинцева. Трудно поверить, что их сделал мастер-самоучка. И это так. У него не было ни учителей, ни руководителей. Впервые с иркутским мастером Павлом Пахоруковым он познакомился спустя пять лет после того, как освоил редкое ремесло. Любовь же к родной природе родилась в душе задолго до того, как Иван Матвеевич подумал о профессии таксидермиста. Он с детства полюбил тайгу, потому что жил в ней, рос с ней рядом. Потому что тайга в тяжелые годы была в своей неисчерпаемой щедрости кормилицей людям, согревала их дома и сердца, смягчала опаленные страданием души.

И, наверно, именно с тех пор красота жизни человеческой в представлении Ивана Матвеевича Путинцева всегда так или иначе связана с красотой природы, с ее всепроникающим влиянием. А если человек страстно хочет донести эту красоту до людей, его ничто не остановит. Начав с любительства, неопытный охотник наощупь постигал секреты мастерства. Знаниями в области анатомии и биологии животных, методами скульптурной лепки и формовки, художественным вкусом и чутьем — всем этим (а перечень качеств, необходимых мастеру-таксидермисту, еще далеко не полон!) Иван Матвеевич сейчас овладел в совершенстве.

Смотреть на его работу — одно удовольствие. Сосредоточенный, спокойный, в синем халате со следами гипса и крахмала, без улыбки на тонком, слегка удивленном лице, он скальпелем делает быстрый разрез на тушке птицы, уверенными, точными движениями пальцев стоняет тончайшую кожу, следя, чтобы не выпало ни одного перышка, очищает кости от сухожилий и мяса. Затем готовит проволочный каркас, заменяющий скелет, который обматывается тончайшей древесной стружкой или паклей, шкурка тщательно очищается от жира, смазывается специальным раствором. После этого она натягивается на искусственную тушку и зашивается.

Несмотря на все сложности, это — подготовительный этап. Хотя он и таит в себе много профессиональных тонкостей и секретов, его можно постичь усидчивому человеку. А затем наступает самое трудное. На столе лежит взлохмаченный комок перьев. Вот тут-то и требуется настоящее искусство, чтобы расправить и уложить одно к одному сотни перышек, придать птице ту естественную позу, которая сразу отличит ее от грубой ремесленной поделки. Я знаю многих натуралистов и лю-

бителей природы, для которых это стало камнем преткновения. У них все шло хорошо до тех пор, пока не наступала заключительная стадия. Сколь ни бились они, а чучело оставалось настоящим пугалом, бесформенным и растрепанным, жалким карикатурным подобием живого существа.

У Ивана Матвеевича, вроде бы, все получается само собой. Несколько неумовимых движений пальцев: прогибается шея, отводится набок голова, расправляется хвост — и вот на ветке совсем живой щегол, который лукаво косится в сторону, готовый вспорхнуть в любое мгновение. Именно эти неумовимые движения и превращают бесформенный материал в художественное произведение, придают ему гармонию, завершенность. Точно так же художник последними ударами кисти превращает в картину неясный набросок.

Чтобы постичь искусство таксидермиста, нужен талант. У Ивана Матвеевича много учеников, он раскрывает перед ними все секреты своей профессии. И, тем не менее, ни один пока не может добиться, чтобы его работа хотя бы в общих чертах повторяла живой оригинал.

К Ивану Матвеевичу мастерство тоже пришло не сразу. Тринадцать лет назад он с жадным интересом разглядывал в местном краеведческом музее малочисленные еще чучела животных. Тогда и родилось страстное желание делать их.

— Я не стал откладывать дела в долгий ящик, — вспоминает Иван Матвеевич, — настолько сильно хотелось сделать чучело самому. Убил тетерку, просидел над ней весь день. И, представьте себе, удалось. На мой теперешний, даже очень снисходительный, взгляд чучело было неважным, но тогда показалось мне очень красивым.

Своей удачей он поделился с работниками музея. Музей в те годы очень нуждался в экспонатах для отдела природы, и Ивану Матвеевичу предложили изготовить для него несколько чучел.

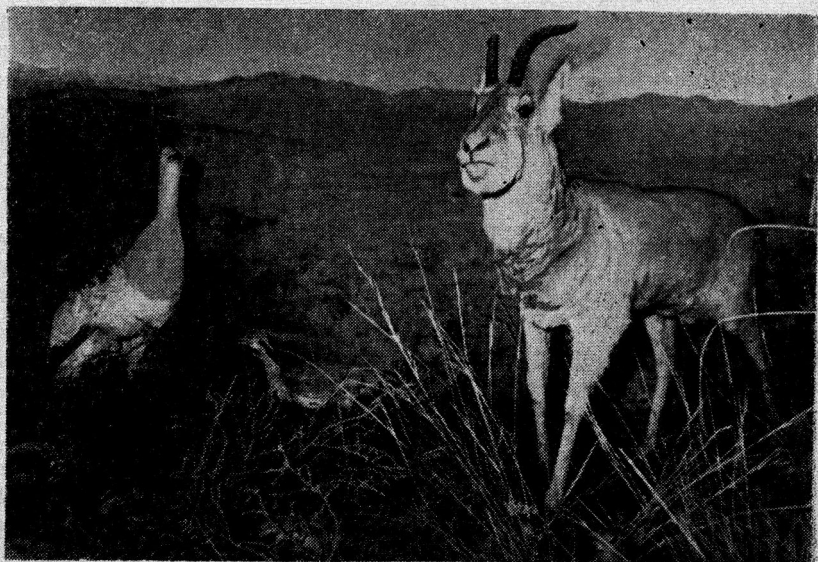
— Сейчас смешно вспоминать, — смущенно улыбается Иван Матвеевич, — насколько тогда я был самоуверен. Подумать только, даже аванс взял в счет будущей работы!

Возможно, это и помогло ему, потому что пути к отступлению были отрезаны. Настрелял птиц, наловил петлями зайцев, просиживал над ними дни и ночи. Чучела начали получаться, хотя по качеству они были далеки даже от тех посредственных работ, что экспонировались в музее. Благополучное завершение первого опыта не следует относить только за счет удачи и усидчивости. Ивану Матвеевичу сослужило добрую службу накопленное исподволь знание повадок обитателей тайги и степей, которое ждало только толчка, чтобы найти выход.

Иван Матвеевич понимает это и отдает много сил изучению

родного края. Нет такого уголка Тувы, где не побывал бы он с ружьем в руках. Отстреливал пустынных рябков в песках Эрзина, редкостных куликов и полосатых индийских гусей в девственных камышах поймы Теси, отлавливал соболей в Саянах, лазил по скалам в поисках красноклювых альпийских гапок-клушиц, встречался один на один с медведем на таежной тропе. Более двухсот видов птиц добыл он, работая в составе научной экспедиции в зоне затопления Красноярской ГЭС. Поэтому его сборы представляют, прежде всего, большую научную ценность, вносят весомый вклад в изучение животного мира Сибири. Ни в одном из научных изданий вы не найдете сведений о том, что в Туве можно встретить таких птиц, как белолобый гусь, выпь, малая чомга, тулес, поморник. И, тем не менее, чучела этих живых редкостей, изготовленные Иваном Матвеевичем, экспонируются в краеведческом музее.

Вершиной художественного мастерства таксидермиста можно считать изготовление биологических групп животных, поданных в их естественной обстановке, или диорам. Умело выполненные биологические композиции в сочетании естественного фона с живописным пейзажем создают объемную перспективу, имеют большой художественный эффект и являются украшением любого музея. Мне приходилось наблюдать, как подолгу задерживаются посетители краеведческого музея у диорам «Тайга», «Высокогорье», «Лесостепь», «Степь», «Полу-

Степь. Диорама работы И. Путинцева. Фото П. Гольцова.

пустыня». Таких биологических композиций только в нашем музее Иваном Матвеевичем выполнено около десяти. Это высшая школа мастерства художника-таксидермиста, который моделирует чучела, лепит и монтирует фон, используя для этого богатый арсенал технических средств и приемов изобразительного искусства. Здесь и рождается художник в лучшем смысле этого слова, от таланта которого зависит успех работы.

Благородный труд Ивана Матвеевича Путинцева оценен по достоинству: Почетная грамота Президиума Верховного Совета Тувинской АССР высоко отмечает его заслуги как художника и исследователя.

К 50-летию Советской власти он завершил многолетний труд — создал при биологическом кабинете Кызыльского пединститута зоологический музей. Чтобы уяснить, какой колоссальный для этого потребовался труд, достаточно сказать, что только биологических композиций им подготовлено около двадцати. Поражают своей реалистичностью диорамы «Хвойная тайга», «Горный ручей», «Озерная заводь». Сотни экспонатов служат не только наглядными пособиями в учебном процессе при преподавании естественных наук, но и способствуют воспитанию хорошего вкуса и любви к живой природе.

В настоящее время мастер занят большой, сложной и кропотливой работой — обновляет фонды музея, собирает полное систематизированное собрание зверей и птиц Тувинской республики, научное значение которого трудно переоценить.

В моей комнате на стене висят рядом известный «Натюрморт с шишками» тувинского художника-графика Михаила Петрова и головка косули с пушистыми пантами на деревянном медальоне работы Ивана Путинцева. Они в одинаковой степени по своей художественной выразительности служат для меня звеньями чудесной связи человека с природой. В них сконденсирована вся красота тайги. Они помогают вспомнить плещет крыльев утиного табуна над камышами, шумный взлет глухаря, первые проталины на таежной тропе, терпкий вкус смолы на губах, пряный запах хвои и закат над озером. Они трогают струны души и раскрывают сердце человеку. В этом и заключена сила таланта.

Мария ХАДАХАНЭ

ПО ИТАЛИИ

Рим нас встретил жарой. Термометр показывал плюс 26°. Мы приземлились в аэропорту Фьюмичино, и до вечернего рейса в Венецию у нас было свободное время. Первый итальянский обед с кисловатым вином в траттории, непременно спагетти в томатном соусе, острым сыром и оранжадом. Городок в 34 километрах от Рима на берегу голубого Тирренского моря.

Мы бродили по улочкам, выходили на каменный мол, куда только что приплыли рыболовные суда. Любовались рыбным базаром: сардинами, макрелью, кефалью, креветками, миногами, устрицами, пучеглазыми осьминогами, раками, морским луком — дарами моря.

Все очень похоже на наш юг — природа, смуглые экспансивные люди. Множество магазинчиков и лавочек, в которых совсем нет покупателей. Продавцы скучают от безделья и буквально набрасываются на вас с предложениями — показать,

Рим.

принести. Вся жизнь проходит на улице — обмен новостями, чтение газет, непрменная чашечка кофе.

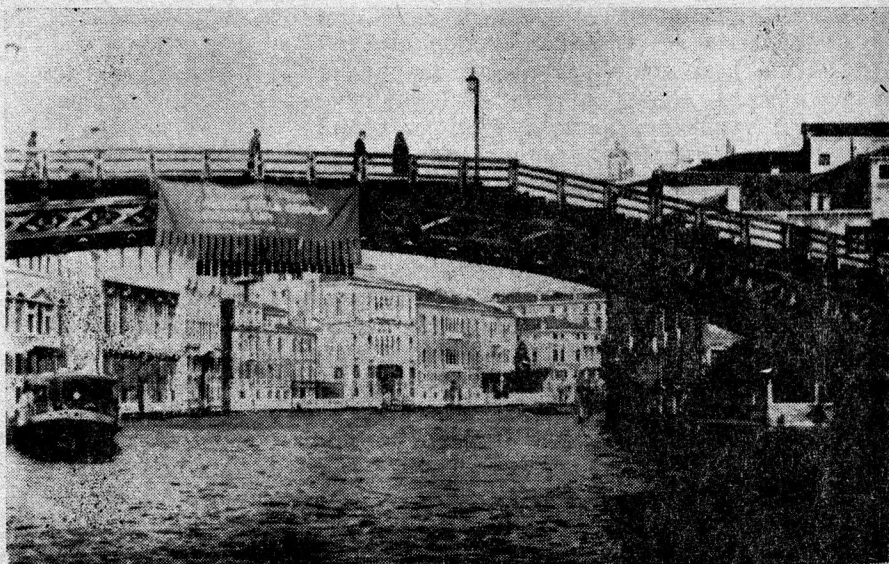
То и дело проезжают туристские автобусы самых разных стран мира. Очень популярен маршрут по Европе. Удивляет возраст туристов: дряхлые старухи, иногда инвалид в коляске со специально нанятым человеком, который возит его. Видимо, к концу жизни подбит финансовый итог, кое-что оставлено на черный день, а остальное — на путешествия.

И вот перед нами после часа полета почная Венеция, как светящаяся морская звезда. Мы садимся в автобус и едем по длинному четырехкилометровому мосту с материка в город на 118 островах. Сплошной поток машин — туристы. Мы останавливаемся на Пьяцца Рома, дальше можно плыть только морским трамваем — вапорето. Перед нами Гранд-канал шириной примерно 50 метров. По нему сплывают лодки, баркасы, катера. Мы проплываем мимо ночных слабо освещенных дворцов. На окнах двойные жалюзи от сырости. Через 13 остановок плывем какими-то зигзагами, с одного берега на другой, и огромная луна оказывается то справа, то слева от нас, мы ходим и размещаемся в отеле «Ала» (Крыло). Усидеть в номере невозможно и, наскоро поужинав, мы идем на центральную площадь Святого Марка.

Длинная прямоугольная площадь в рамке дворцов — прокураций. В глубине собор, рядом высокая башня с часами и колоколом. Два бронзовых мавра — «на башне, с песнею чугунной, гиганты бьют полночный час». Хороша ночная Венеция, много влюбленных пар, художников с мольбертами — пишут в любой манере; звучит итальянский оркестр — мелодии знакомые, слышится разноязычная речь у кафе и баров.

Утром мы снова вернулись сюда, чтобы зайти в собор X века, а затем прошли дальше, во Дворец дождей. Легкие колонны нижнего этажа, а над ними массив самого дворца, от этого кажется, что он парит в воздухе. «Мираж или город над водой?».

Наш гид Елена отлично говорит по-русски. Мать у нее — русская, отец — грек. Смуглая, худенькая, подвижная, она энергично прорезает толпы туристов и ведет нас вперед — «аванти», ставшее нашим любимым словом. Мы проходим мимо лестницы гигантов со скульптурами Нептуна и Марса XVI века, через внутренний венецианский дворик с двумя чашами в центре, по многочисленным переходам и лестницам в приемные залы дворца. В просторных высоких залах расписаны стены и потолки — это картины Тициана, Тинторетто, Веронезе из жизни дождей и Венецианской республики. Мы в Сенате — вокруг 120 кресел красного дерева. Здесь решались судьбы народа. Во время назначения на престол дож выезжал на гондоле в Адриатическое море и бросал в море золотое кольцо.

Венеция. Большой канал.

Этот древний красивый обряд обручения на верность широко описан в литературе.

Мы проходим через оружейные палаты, видим многочисленные коллекции щитов, мечей, пик, воинских доспехов крестоносцев. По традиции все гиды обращают внимание туристов на железный пояс целомудрия, в который заковывали своих жен рыцари, уходившие в походы.

В огромном, без колонн, зале Совета — самом большом в Европе — мы видим грандиозную работу Тинторетто «Рай» с сотней фигур. Венецианцы считают ее самой большой картиной мира: ширина 25 метров, высота — 7. Спускаемся в подземелье, где расположены тюрьмы на две тысячи человек. В одиночных камерах-колодцах люди быстро умирали от сырости, темноты, крыс. Мы проходили через Мост Вздохов. Рассказывают, что великий Байрон просидел здесь в добровольном заточении три дня, чтобы самому прочувствовать этот ужас.

В тот же день мы совершаем прогулку на гондолах по каналам. Мы проплываем мимо древних дворцов, их более двухсот, палаццо Пезаро, дома Марко Поло, мимо балкона Демони. Наш гондольер — веселый пожилой человек — мастерски управляет длинным веслом и предупреждает встречных громким возгласом: ауль! Мимо проплывает черная погребальная лодка. Мертвых хоронят на острове Сан-Микеле. Недавно там похоронен композитор Стравинский, умерший в Америке.

На пути церковь святой Марии де Фрари. Здесь находятся знаменитые работы Тициана «Асуита» — семиметровое полотно с изображением мадонны и «Мадонна семейства Пезаро» — яркая красочная торжественная картина. Умер Тициан от чумы в возрасте 96 лет и похоронен здесь, около своих знаменитых полотен.

Мы несколько раз ходили к древнему мосту Понте Ригальто, там размещены лавочки с работами венецианских мастеров — кружевниц, стеклодувов, чеканщиков. Ходили по узким улочкам, где с трудом расходятся два человека, по крутым лесенкам, бесчисленным мостикам — их более 400. Прямо на земле выставлены бокалы, вазы, кубки темно-розового, ошолово-голубого, густо-синего цвета. Рядом в грязновато-зеленой воде ныряет аквалаунгист. Дети бегут в школу в длинных до пят пальто, за плечами ранцы. Забегают в собор, деловито молятся — наказала мать, и веселые, облегченные, шумной стайкой вылетают оттуда.

Вечером мы прощаемся с Венецией, с ее неповторимым очарованием. Последняя прогулка по морскому каналу, и вот нас уже поджидает неунывающий шофер Фаусто. Впереди длинная дорога до Флоренции — 250 километров. Едем по автострате Солица. Отличная дорога, одностороннее движение. За окном мелькают виноградники, кукуруза, персики, зеленые равнины. Яркое светит солнце, на мягких холмах развалины древних крепостей, замков. Заезжаем в Падую полюбоваться величественным, в семь куполов собором — базиликой Сан Антонио. Перед входом на площади стоит конная статуя Гаттамелата работы Донателло — воин, состарившийся в битвах, равнодушный к опасностям и страданиям людей... Шелкаем фотоаппаратами и снова в путь. Мы едем через области — Венето, Эмилия — в Тоскану. В стороне остается красная Болонья — город, в котором много коммунистов, крупный промышленный центр.

Все ближе Флоренция, характерный тосканский пейзаж — серебристые оливы и темные кипарисы. Почти нет деревень, вместо них — маленькие городки. Изредка встречается отара овец. Солому здесь сразу превращают в брикеты и складывают в виде конуса. Въезжаем в город, останавливаемся в отеле «Бончиани», и через несколько минут мы уже в капелле Медичи у знаменитых надгробий Микельанджело.

Небольшая усыпальница в полумраке — 6 саркофагов — все из рода Медичи. На покатых крышках лежат фигуры, говорящие о быстротечности жизни: День, Вечер, Утро, Ночь. Лучшая из них «Ночь» — женская фигура. На пьедестале высечен сонет Микельанджело: «Мне сладко спать, и еще слаще окаменеть, пока длятся нищета, позор и тирания, не видеть и не чувствовать — высшее для меня счастье. Поэтому не буди

Флоренция.

меня, прошу тебя, молчи». Здесь же его «Мадонна с ребенком», застывшая в безысходной тоске. На стенах гербы всех итальянских городов — инкрустация из камня.

Затем мы осмотрели баптистерий — собор 11 века с восьмиугольным куполом. Великолепны бронзовые двери «Ворота рая», над которыми 26 лет трудился Лоренцо Гибerti. По преданию, здесь в купели был крещен Данте.

В центре Соборной площади высится каменная громада Санта Мария дель Фиоре, облицованная трехцветным зелено-бело-голубым мрамором. Это третий по величине собор XIII века в Европе после Рима и Лондона. Брунеллески в XV веке воздвиг грандиозный купол, а Джотто — колокольню. Здесь находится одна из лучших работ Микельанджело «Пьета», которая изображает скорбную мать, поддерживающую бездыханное тело сына. Удивительна улыбка спокойствия на мертвом лице — это одна из самых драматических работ Микельанджело, предназначенная для собственной гробницы.

Мы едем в церковь Санта Кроче (XIII век) — это священное место, усыпальница-пантеон. Здесь погребен Микельанджело, над его надгробием аллегория — три вида искусств, которыми он занимался — скульптура, архитектура, живопись. Не-

подалеку пустой символический кенотаф Данте — он умер в изгнании в Равенне. Мы видим гробницы великого Галилея, Мачиавелли, из Парижа сюда был перевезен прах композитора Россини. Здесь же много скульптур Донателло и его могила. Цветные витражи сверкают в лучах заходящего солнца и делают все фантастическим, нереальным.

Наутро мы переехали через реку Арно на площадь Микельанджело, возвышающуюся над городом, откуда хорошо видна панорама Флоренции. Это зеленый уголок — платаны, каштаны, дубы, кипарисы. Сюда приезжают молодые пары перед свадьбой сделать памятный снимок. В центре воздвигнут памятник Микельанджело — бронзовые репродукции его «Давида» и «Суток». Нам показывают холм Фьезоле, на котором великий Леонардо устраивал испытания летательного аппарата.

Подлинное наслаждение доставляет посещение художественных галерей Питти и Уффици, в которых хранятся полотна Рафаэля «Мадонна делла Седиа», «Мадонна в кресле», «Мадонна с мешком», «Прекрасная Форнарина», картины Тициана «Концерт», портреты Ипполито Риминальди и Пьетро Арентино, «Кающаяся Магдалина» и, наконец, прекрасная «Венера Урбинская». Экспозиция не хронологическая, много не итальянских мастеров: Рубенс, Веласкес, Вай Дейк, Мурильо.

Из окон дворца прекрасный вид на зеленый парк Боболи с гротами и фонтанами, запомнились отличные инкрустации из камня на круглых столиках.

Переходим во дворец Уффици. Здесь собраны работы Чимабуэ, Леонардо да Винчи, Микельанджело, Тициана, Джорджоне, Боттичелли. Глубокое впечатление оставляют «Весна» и «Рождение Венеры», написанные светлыми бирюзовыми и розовыми красками. Музеи пострадали во время минувшей войны, а также от большого наводнения 1966 года — вода доходила до вторых этажей зданий. Некоторые произведения Чимабуэ утрачены безвозвратно.

Флоренция — побратим Киева, в ней хорошо работает общество итало-советской дружбы, созданы кружки по изучению русского языка, чтятся места, связанные с Ф. М. Достоевским. В городе много институтов и университетов, мы видим студентов, стоящих у выхода. Здесь стал традицией музыкальный фестиваль «Флорентинский май», в котором принимают участие и советские артисты. Вечером мы проходили по мосту Понте Веккьо — излюбленному месту прогулок флорентийцев. Толпы туристов разглядывают ювелирные ряды, художники устроились на каменных перилах с мольбертами, группа хиппи что-то оживленно обсуждает. Идем на соломенный базар, где

продаются оригинальные поделки из соломы — сумки, туфли, накидки, игрушки.

Самое яркое впечатление от города — «Давид» в Академии искусств: сильная фигура юноши, готового к бою. Победой он обязан только самому себе. Туристы рассматривают его с разных точек: сидя, стоя, сбоку, сзади. Благоговейная тишина — наедине с лучшей работой Микельанджело.

Ранним утром мы выезжаем в Ассизи. Дорога идет через холмы и виноградники по Умбрии через Прато, Перуджу — крупные центры этрусской культуры. По дороге масса реклам вина, кондитерских изделий, пива Перопи, «бежит» шестиногая собака — символ нефтяной кампании, мелькают яйцевидные «тигры» — станции обслуживания. Во Флоренции мы видели рекламу Фиата, окруженную пустыми зелеными бутылками. В местечке Бассиньяно делаем остановку у красивого Тразименского озера, здесь когда-то римляне сражались с Ганнибалом. В маленьких тавернах целиком жарят свиней, нафаршированных острыми специями, это называется покетто. Всюду масса белых и желтых хризантем — приближается праздник — День поминовения усопших, потому так оживленно у кипарисовых кладбищ. Говорят, когда-то нимфа полюбила прекрасного юношу, он не ответил ей взаимностью, и она, разгневанная, превратила его в кипарис...

Ассизи расположен на горе Монте Субазно — это средневековый город XI века с кривыми узкими улочками, город монахов и паломников. Мы останавливаемся у церкви святого Франциска, расписанной фресками Чимабуэ и Джотто. Осматриваем склеп и саркофаг с мощами; во внутреннем дворике — духовная семинария, мы видим двух молодых монахов, к которым приехали родители. В длинных рясах, босые, они производят нелепое впечатление. В одном из пределов попадаем на венчание, идет служба, падре читает молитву торопливо и не очень торжественно.

В центре города храм Минервы и остатки форума. На высоте 450 метров древняя крепость, в которой в юности обитал Фридрих Второй — шведский король. Здесь масса религиозных католических сувениров: кресты, распятия с изображениями святого Франциска Ассизовского. Очень много керамики и чеканки. Мы видим огромные железные сапоги, петухов, утюги, железных мух размером с детскую коляску, различные военные доспехи и множество красивых фонарей старинной работы. Покупателей нет, и хозяева рады даже любопытствующим.

Впереди Рим, еще 200 километров дороги. Проезжаем Сполетто — небольшой городок, известный музыкальными фес-

тивалями и выставками художников в летний сезон. Видим старинный, римского периода, мост. Въезжаем в горы, похожие на Саяны, только мягче колорит, на осыпях натянута сетка, много виражей и тоннелей. Проезжаем город Терни, где мэром является коммунист. Тут даже сложилась поговорка: «если в землю Терни посадить фасоль, то вырастет коммунист». Это один из центров химической промышленности.

Мы проезжаем через главные реки Италии Тигр и По — обе не больше наших тоджинских речек.

Гете говорил: «Кто видел Рим — тот не будет несчастен». Мы въезжаем в вечный город мимо любительского аэроклуба, большого парка Боргезе, мимо памятника стрелкам, через площадь Независимости, мимо железнодорожного вокзала Термини на тихую улицу виа Маджента, где расположен наш отель «Милани», неподалеку от советского посольства.

И вот здесь началось сплошное невезение. 1 ноября — день всех святых, 2 ноября — день поминовения усопших, а это значит, что закрыты музеи и магазины, галереи и развлекательные зрелища. Ничего не поделаешь — праздник католиков. Вот почему мы так подробно могли познакомиться с самим городом: площадь Республики с фонтаном Наяд, площадь Кверинале, фонтан Нептуна, знаменитый фонтан Треви с очень красивым каскадом. Толпы туристов — японцев, американцев — заполнили всю площадку. По традиции все туристы бросают через левое плечо монеты на дно бассейна. Ловкие римские мальчишки тут же становятся нумизматами.

На улице Сикста останавливался Гоголь, там на здании укреплен мемориальная доска. Он говорил, что в Рим влюбляешься очень медленно, но на всю жизнь.

Наш автобус едет до площади Испании, мы любуемся огромной мраморной лестницей в 136 ступеней, известной по итальянским кинофильмам. На Народной площади стоит египетский обелиск Рамзеса II. Мы подъезжаем к площади Навона, любимому месту детворы. Здесь в центре три фонтана работы Бернини, изображающие великие реки и континенты: Дунай, Ганг, Нил, Рио. Кругом масса ларьков и лотков с игрушками: стрекочут механические голуби, качаются надувные шары в форме зверушек, громко хлопают пистолеты. В крещенье здесь добрая профсоюзная баба-яга раздает подарки, спрятанные в чулке.

Гете, долго живший в Риме, сравнивал его с морем: «Чем дальше едешь по морю, тем глубже становится оно. Это можно сказать и о Риме».

Мы едем в римский пантеон, поклониться праху Рафаэля. Над его надгробием в нише мраморная мадонна и высеченная

еще в 1520 году эпитафия, которая гласит: «Сын природы, при жизни ты превзошел мать-природу, но когда ты умер, завяла она вместе с тобой». Сам Пантеон — чудо строительного искусства, диаметр здания и купола одинаковы — 43,5 метра. Окон нет, свет падает в круглое отверстие в куполе диаметром в 9 метров, стены толщиной 6 метров.

Направляемся к сердцу Рима — на Палатинский холм, откуда начался город две с лишним тысячи лет назад. Форум находится метров на десять ниже современных улиц. Развалины величественны и грандиозны — Храм Сатурна, Марса, Венеры, на этих руинах решались когда-то судьбы народов древнего мира. Слева Табуларий, на котором воздвигнут дворец сенаторов — Капитолий. Площадь перед Капитолием украшена красивым архитектурным ансамблем, созданным Микельанджело. Гид показывает нам нору волчицы, вскормившей Ромула и Рема, могилу Ромула — основателя Рима и место сожжения тела Цезаря — прах его был развеян по ветру.

Неподалеку высится грандиозный амфитеатр Колизея, имеющий форму эллипса. Здание было построено за восемь лет, на арене могла одновременно выступать тысяча пар гладиаторов. В средние века римские папы стали грабить Колизей, вывозя мягкий камень травертин для постройки церквей и дворцов, в результате ныне осталась примерно треть здания. Размеры Колизея — диаметр 188 метров, высота здания 57 метров, имеется 80 входов под арками, вместимость — 50 тысяч зрителей. В жаркие дни натягивался огромный тент (сохранились скобы). Под ареной обнаружены подземные коридоры, помещения для диких зверей, уборные артистов. Мы осматриваем Колизей поздним вечером, везде масса бездомных кошек, нашедших здесь приют. Вечером Форум и Колизей подсвечиваются — зрелище неизгладимое, живописное и грустное.

В Риме много древних бань — терм. В термах Диоклетиана могли одновременно мыться 3 тысячи человек. В термах Каракаллы (они вмещали 1600 человек) теперь большой открытый театр с летними оперными сезонами.

На следующий день мы объезжаем Ватикан, видим у ворот швейцарскую охрану в широких плащах и беретах. При Ватикане аккредитованы посольства многих государств, в том числе итальянское. Однако монахи празднуют, а мы лишаемся возможности увидеть художественные сокровища их музея.

Едем на площадь Св. Петра. К собору XVI века с обеих сторон овалом примыкают колоннады (работа Бернини) в четыре ряда — всего 284, украшенные сверху огромными статуями. Это самый большой храм в мире, его высота 132 метра.

В строительстве принимали участие лучшие зодчие Италии (Браманте; Рафаэль, Микельанджело). Работу закончил Микельанджело. Особенно впечатляет грандиозный купол, диаметр 42 метра. Собор занимает площадь свыше 15 тысяч квадратных метров, длина его — 186, ширина — 137 метров. Он больше Лондонского, Парижского, Кельнского соборов и поражает необычной роскошью: алтарь с балдахином, статуи, мозаики, вдоль стен стоят мраморные гробницы пап. Здесь находится ранняя работа Микельанджело «Пьета» — скорбь матери; она вызвала всеобщее восхищение современников, и ее стали приписывать другим скульпторам. Тогда Микельанджело пробрался ночью в собор и высек свое имя. Так она стала единственной подписанной вещью автора.

Особым почтением верующих пользуется древнейшая статуя св. Петра — правая нога отполирована до блеска поцелуями. Во всех этих грандиозных соборах — гигантский труд безвестных народных мастеров. Поднимаешь голову вверх — и дух захватывает от высоты. У основания купола двухметровыми буквами выложена надпись по латыни: «На тебе, Петр, оснуй мой дом, иди и паси моих овец». Мы проходим в золотую капеллу, любуемся скульптурами Борромини. В одном из притворов идет торжественная месса, присутствует кардинал в красной шапочке и черной накидке, сидят епископы в малиновых мантиях с кружевами, сверху поет хор. Странное впечатление производят монахи: в очках, с интеллигентными лицами, упитанные, румяные, пахнущие дорогими духами. Еще нелепее становится, когда раздадут облатки и все высовывают языки. Туристы с трудом удерживаются от смеха.

Очень часто установлены кабины — исповедальни для отпущения грехов, причем исповедаться можно на любом языке. И мы видели коленопреклоненных прихожан, главным образом, женщин. Сейчас во главе церкви стоит Павел VI, которого не очень любят, однако в воскресенье толпа ожидает его появления в окне или на балконе его личной резиденции. Все католические сувениры с его изображением очень дешевы — еще одно из средств рекламы.

Мы проезжаем через Тибр в парк, в центре которого высятся памятники Гарибальди и его жены Аниты, делившей с ним опасности боев и походов. На склонах холма показывают дуб, под которым Торквато Тассо писал свои стихи. Едем мимо тюрьмы, которую итальянцы называют «царицей небесной», держа путь в небольшую церковь св. Петра, где находится «Моисей» Микельанджело. Это могучая властная фигура мудрого борца, способного защитить свой народ от любых врагов. На лице сложная гамма: гнев, возмущение, огромная сила воли. В спутанную бороду вставлен портрет самого скульптора.

Когда работа была окончена, Микельанджело, по преданию, сказал: «Встань и заговори!».

Мы расстаемся со старым городом и едем в новый район Рима — Эур, строительство которого было начато сразу после войны; здесь находятся многие административные здания, концессии, компании, министерства, дом депутатов. Мы объезжаем вокруг Дворца спорта. Здания очень современные, в стиле модерн. Дворец цивилизации напоминает своим стеклянным кубом Колизей, на фронтоне надпись — «Во славу итальянского народа». Даже церкви здесь в духе модерна, необычных форм (во Флоренции в виде паруса), очень светлые внутри, стилизованные. Заходим в одну такую церковь: горят свечи, пустуют лавки, никого нет. Проезжаем мимо фешенебельных вилл, много зелени, броская архитектура, искусственные озера. На одном из пустырей видны жилища бедняков из фанерных ящиков, бутылок и других отбросов. Много цыган.

Наш последний маршрут — в катакомбы. Мы едем по древней Аппиевой дороге, по которой проходили легионы Спартака, мимо круглого мавзолея знатной римлянки Цецилии Метеллы. Эти подземелья были убежищем христиан, местом их тайных сборищ в первом веке; они идут в глубь земли в три яруса и протягиваются на 20 километров. Воздух спертый, переходы узкие, впереди идет надре со свечой, бойко тараторящий на нескольких языках заученный текст. В нишах захоронено более 100 тысяч христиан, из них около 40 тысяч детей. С невольным облегчением выходишь на свежий воздух, к вечно-зеленым кустам. Вдвращаемся через южные ворота в Рим — снова скопище машин, сияние реклам, оживленное движение.

Италия — страна туризма, в году там бывает 32—35 миллионов туристов. Значительное число населения составляют продавцы, гостиничная прислуга.

Школьная система обучения — 13 лет, учатся с 6 лет. Школ не хватает, и поэтому церковь открывает свои школы, монашки приезжают сами за детьми, а потом, после школы, развозят их по домам.

Сложно со стоянками для машин. Любимые машины — малолитражки. На улицах много монахишь в черно-белых одеждах, они сами водят машины. Очень смешно выглядят на маленьких, типа детских самокатов, велосипедах. Распространены чаевые, берут их в любом виде — значки, открытки, сигареты. Из русских книг любят Шолохова и Евтушенко; мы видели книги Булгакова и Катаева. Заметен культ Софи Лорен и Марчелло Мastroяни — всюду их портреты: на тетрадах, открытках. Показывают дом Софи — шестиэтажный особняк, внизу запущенный, вверху — в стиле модерн.

Такова Италия — страна резких контрастов.

МАЛЕНЬКИЙ ЧАБАН

Отец раскрыл настежь дверь кошары. Густые удушливые клубы пара, обволакивая намерзшие паледи на косяке, вырвались наружу и растворились в холодном воздухе.

Козы не хотели вылезать из теплой кошары на холод и теснились у выхода, толкая друг друга. В глубине кошары зачихали испуганные козы. Вдруг одна из них — большая, белая с черной головой — устремилась вперед. Другие тотчас последовали за ней.

— Смотри, сынок, чтобы ни одна коза не осталась в кошаре, — сказал отец.

Маленький Алдын-оол привычно вошел в кошару и начал выгонять коз, лежавших в дальних углах. Он колотил кнутом по полам своей белой овчинной куртки и голосил, чтобы распугать скот. Из-под малахая, низко опустившегося на лоб мальчика, сверкали, как лезвие, быстрые черные глазенки, во рту недоставало переднего зуба. Мальчик ухал, кричал, подпрыгивал, бегал по всей кошаре, и вскоре на смуглом лице засиял румянец, а на кончике носа появились капельки пота. Козы зпали маленького хозяина и не боялись его — выходили степенно, не торопясь.

Двери кошары были невелики: пока пройдет вся отара, понадобится много времени.

Как и его отец с матерью, Алдын-оол знал многих коз по кличкам: Дезиг-Калдар, Ээр-Мыйыс, Хая-Кырлаар, Мончукпан, Донгур-Ак.

Алдын-оол называл коз по кличкам:

— Смотри, не уведи подруг, Хая-Кырлаар! Пасись там, куда тебя привели... Эй, Ээр-Мыйыс, почему ты хвастаешься своими рогами? Смотри у меня, вот отпилю — будешь знать... Ой, какой гордый стал Чолдак-Кулак, даже не смотрит в мою сторону!..

Несколько коз провели ночь у задней стены кошары и сегодня оказались позади всех, хотя обычно шли впереди.

Было время окота, повсюду слышалось бляение. Алдын-оол закрыл уши ладонями и стал надуваться, как кузнечный мех — тогда получалась удивительная музыка.

Мальчик задержался у выхода: ему показалось, что где-то жалобно блеет козленок; потом он ренцл, что это в тепляке для молодняка.

Алдын-оол помог отцу угнать коз за бугор и, возвращаясь домой, опять услышал слабый, как из-под земли, голосок. Мальчик вспомнил, что отец ночью занес в дом всех народившихся козлят. Кто же это? Он побежал вокруг кошары и услышал жалобное меканье у задней стены, которая примыкала к навесу под скалой. Подбежав, на дне ямки, которую обычно роют козы, мальчик увидел крохотный черный комочек. Алдын-оол опустился на колени и осторожно двумя руками поднял хрупкого козленка. Свою находку он принес домой и положил у теплой печки.

— Это, наверное, окаяшная Дезиг-Калдар. Она всегда бросает второго из двойни, — ругала мать непутевую козу.

Алдын-оол снял с гвоздя овчинный мешочек — инчеек, засунул туда новорожденного и стал отогревать, сначала очистив ему нос и глаза от слизи. Потом согрел молока в кастрюле, налил в бутылку, надел соску и поднес козленку. Тот хотел сосать, но не смог. Мать, понаблюдав за действием сына, сказала:

— Раз его matka не кормила, он, бедный, ослаб совсем. Давай-ка, сынок, нальем ему прямо в рот.

Алдын-оол бережно и ловко открыл рот козленку, а мать стала кормить с ложечки. Козленок лизал маленьким язычком.

За это время его кудрявая шкурка обсохла и заблестела от косых лучей зимнего солнца, заглядывавшего в окно. Козленок встал, пошатываясь на неокрепших ножках, и тоненько заблеял — зазвенел маленьким колокольчиком.

Теперь он уже сам сосал из бутылки, его живот заметно покруглел. Однако вскоре он устал и упал ничком, больно ударившись об пол.

Обычно Алдын-оол целый день играл на улице, но сегодня почти не отлучался из дома, ухаживая за козленком.

Другие козлята, родившиеся прошедшей ночью, резвились

и прыгали за перегородкой в углу. Глядя на веселых козлят, Алдын-оол жалел своего найденыша еще больше, снова принимался греть его у плиты и кормить молоком из рожка.

Когда козленок снова встал на ноги, Алдын-оол обрадовался и громко закричал, напугав мать, сидевшую в другой комнате. Козленок упал — Алдын-оол подхватил его и стал осторожно искать, нет ли где ушиба.

Солнце село за гору, когда отец пригнал отару к стоянке. Многоголосое блеяние коз и козлят наполнило зимовье чабана, прятанное в отрогах гор.

Хозяева суетились. Работы было много — надо поднести новорожденных козлят к матерям, чтобы те накормили их и признали своими, надо помочь заблудившимся найти друг друга, надо подпевать козе песню — тоопту, чтобы подпустила козленка к себе, надо голодных, не наевшихся у матери козлят поднести к другой козе, вымя которой обильно молоком...

Только после всего этого Алдын-оол прибежал домой, взял инчеек с найденышем, схватил другого козленка и пошел искать Дезиг-Калдар. А она не убежала, как обычно, — ее вымя набухло от молока. Опустив козленка на землю, Алдын-оол схватил строптивную козу. Сегодня она досыта наелась на пастбище среди гор.

Когда Дезиг-Калдар начала кормить козленка, Алдын-оол выпустил из мешка найденыша. Но коза сразу начала брыкаться и чуть не убежала — Алдын-оол схватил ее за ногу.

— Не кормит свое дитя, противная, — чуть не плакал мальчик. Он смочил козленку хвостик соленой водой, припасенной специально для этой цели, и, подражая матери, стал тихонько петь.

Но как он ни уговаривал козу, она не подпускала козленка к себе и резкими движениями чуть не опрокинула мальчика на землю.

— Все равно тебе придется накормить молозивом моего найденыша, — рассердился мальчик и, схватив козу за сосок, ткнул его своему козленку.

Загнав коз в кошару, семья пошла домой. Отец резал пожом жирное мясо, мать раскатывала тесто для лапши. Сын опять стал греть своего малыша у печки. Узнав о том, как нашли козленка, отец ласково сказал:

— Прошлой ночью я принес пять козлят, наверное, не заметил твоего в потемках. Если бы не ты, ему, бедняге, пришлось бы худо. Молодец, я вижу, у тебя лежит душа к нашему чабанскому делу.

— Это не коза, а козел. Когда вырастет, станет большим, как бычок, вот увидишь, папа.

А козленок, наевшись досыта, спал на коленях у своего маленького хозяина, нисколько не интересуясь разговором.

— Смотри, папа, он что-то видит во сне! — шептал, боясь разбудить козленка, мальчик.

— Он радуется, что хозяин у него хороший.

Алдын-оол при свете керосиновой лампы искал особых примет. Козленок был черный, как сажа, и только на шее виднелась полоска желтоватых волос — совсем как недоуздок.

— Он у тебя больше на щенка похож, — сказала мама, наблюдавшая за сыном со стороны.

Алдын-оол не понял, шутит мама или говорит серьезно.

— А я его так и назову Эникпен, — обрадовался мальчик, что нашел подходящее имя своему питомцу.

— Может, не подойдет ему эта кличка, все-таки он козленок, — заметила мама.

— Наоборот, забавное имя, — улыбнулся отец.

— Эникпен, а, Эник! — мальчик звал и ласкал козленка, но гот мирно спал, разомлев в тепле.

Мать сняла кастрюлю с плиты. По дому поплыл ароматный дух свежей тувинской лапши. Алдын-оол осторожно опустил козленка, но тот сразу встал — ему не понравилось на твердом полу. Копытца его забавно разъезжались в стороны, он то и дело скользил и падал, но уже все ему было интересно, ко всему он принюхивался.

Наспех поев, мальчик опять стал возиться с козленком. Весь вечер он старался, чтобы Эникпен откликался на свою кличку. Мальчик не дотронулся до своих игрушек и не просил мать рассказать ему сказку — так был занят. Настало время сна, а он все еще не мог расстаться с козленком: так хотелось взять маленького к себе на кровать!..

— Отнеси его к друзьям за перегородку, — посоветовал отец.

— Ну, пап... Ему же там будет холодно... Вдруг кто-нибудь наступит на него! — жалобно сказал мальчик.

— Другие как-то живут. Надо его приучать ко всяким невзгодам, иначе плохой козел вырастет: из аала не выгонишь.

Подумав, Алдын-оол с большой неохотой понес козленка за перегородку, а сам лег в постель, но долго не мог заснуть и тихо звал питомца. Но тот мирно спал в тепле, тесно прижавшись к своим ровесникам.

Мать встала рано, растопила печку, поставила на огонь большое ведро со снегом. Снег растаял, поверху плавали травинки степной полыни — чашпан.

Отец пригнал коня из лоцины, куда его отпускали на подножный корм, привязав арканом к большому валуну. Он наполнил коня талой водой из ведра, насыпал ему овса.

Козлята проснулись в своем закутке и начали подавать голос. Алдын-оол сразу вскочил.

— Почему так рано встал, сынок? Даже чай еще не готов, — сказал отец ласково.

Алдын-оол спросонок не сразу сунул ноги в валенки, накинул на себя куртку и побежал к перегородке. Он легко, как пушинку, поднял Эникпена, пощупал его живот, понюхал нос.

— Проголодался, бедный. В животе пусто, — озабоченно сказал мальчик.

Потом он вышел на улицу и сделал зарядку, как его старшие братья-школьники в интернате. В долине реки стоял плотный густой туман, было холодно. А здесь, в кольце гор, было тепло, как весной. Горы преграждали путь холодным ветрам.

Вернувшись домой, он шумно умылся, быстро поел вместе с родителями.

— Пора, однако, выпускать коз из кошары, — сказал отец и начал готовиться.

Дверь кошары открыли, и козы потянулись по степной тропе к пастбищу. Только матки, у которых малыши остались в загоне для молодняка, громко блея, толпились у загородки в ожидании козлят. Козы всячески хитрили, прячась от чабана: только бы остаться в аале, поближе к своему детенышу!..

Алдын-оолу, как и вчера, удалось подкормить Эникпена молоком матери. Дружок весело шевелил коротким хвостиком и жадно сосал.

Как только всех козлят разлучили с матерями, отец повел коз к пастбищу. Мальчик проводил их до бугорка. Потом они с матерью стали связывать пучки сена и натянули их на веревке в тепляке.

— Видишь, сынок, старшие козлятки уже стали большими, хотят щипать траву. Ты видел, как они выдергивают друг у друга шерсть?— говорила мать, ловко увязывая пучки.

— А теперь они будут жевать сено, да, мама?

— Конечно, сынок. Ну, ладно, кажется, все, пойдем домой,— позвала мать.

Мальчик обрадованно побежал домой. Эникпен лежал у печки — чутьем нашел теплый уголок.

— Эх ты, козел, живешь на свете уже целые сутки, а все валяешься. Надо бегать, Эник,— мягко журил хозяин.

А Эникпену что? Живот полный, лежанка теплая, вот и нежился он, забыв обо всем. Мальчик осторожно поднял спящего козленка и поставил на ножки. Тот спросонок ничего не понял и, покачиваясь на слабых еще ножках, побрел к перегородке.

— Хилый он у тебя какой-то,— говорила мама.

— Он не хилый, это мать его виновата, не подпускает к себе,— защищал дружка мальчик.

— Может, и так, сынок. Только не мни его все время, а то он изнурится. Отпусти его к ровесникам.

— Он же сытый. Как он может изнуриться, мама?— растерялся мальчик.

— Одному скучно. Кроме того, он не игрушка, от возни с тобой устает.

Алдын-оол еще некоторое время полюбовался Эникпеном, а потом убежал.

Взял лыжи, привязал их к валенкам и пошел к горке.

Козы вытоптали лыжню, потому идти было трудно. Однако когда аал скрылся из виду, лыжня наладилась: кругом лежал нетронутый снег; стало легко и весело идти.

Мальчик взобрался на холм. Сверху было видно, как лыжные следы извивались среди низких кустов караганника в больших снеговых шапках, пересекали ложбину и уходили к горе. Этот путь проторили его старшие братья, гостившие здесь зимой, на каникулах. Сколько раз он тут падал, ныряя головой

в снег — не счесть. Как вспомнишь, так даже сейчас кажется, что за шею насыпался колючий снег. Первые дни он намучился ужасно, а потом в конце концов приловчился и стал неплохим горнолыжником.

Алдын-оол встал на лыжню и оттолкнулся палками. Лыжи легко заскользили вниз. Мальчик согнул колени, чуть подался вперед. Ветер так и засвистел в ушах. Он с размаху одолел горку и ловко развернулся. Обычно Алдын-оол в такой теплый день катался долго. Иногда мать, не дождавшись, приходила за ним сюда. А сегодня он прокатился несколько раз и заспешил домой. Мать уже закончила уборку, в доме было чисто и уютно.

— Почему так скоро, сынок?

— Соскучился по Эникпену, — ответил сын.

Он заглянул за перегородку. Козленка не было.

— Мама, а где Эникпен?

— Всех повзрослевших козлят я вынесла в тепляк. Дома их можно изнежить.

Мальчик молча смел веником снег с валенок и подбежал, ласкаясь, к матери.

— Мама, ведь Эникпена коза не подпускает к себе. Можно, я возьму его домой и сам буду растить?

Мать молча понюхала вихрастую головку сына и согласилась:

— Пусть будет по-твоему.

Алдын-оол выскочил во двор и побежал к тепляку. Он открыл дверь, и все козлята тут же столпились возле него, оставив связки с сеном. Мальчик позвал козленка, но тот не откликнулся. Отогнав козлят, мальчик бросился на поиски и нашел своего дружка в самом дальнем углу. Он принес его домой, поставил табуретку поближе к плите и сел с козленком на руках отогреваться. Эникпен лежал спокойно, будто привык к такому положению.

Алдын-оол гладил его рукой по спине.

— Большие тебя не бодали? — говорил мальчик.

Приблизив ухо к груди козленка, Алдын-оол прислушался, как обычно делает врач. Слышно было, как где-то за ребрами билось маленькое сердце. Мальчик подогрел молоко, налил в бутылку и выпил из рожка. Эникпен не заставил себя долго

упрашивать. Даже от удовольствия взмахивал хвостиком.

— Смотри, мама, шевелит хвостиком, как будто мать сосет,— воскликнул мальчик любуясь.

Мама из соседней комнаты спросила:

— Что ты делаешь, сынок?

— Кормлю Эникпена.

— Не корми его без конца. Живот вздуется.

Мальчик послушно отодвинул рожок в сторону. А козленок, все еще надеясь получить добавку, облизывал губы тоненьким язычком. Алдын-оол сделал подстилку из потника, который отец повесил здесь подсушить, и хотел уложить Эникпена. Однако не тут-то было — козленок упирался. Ничего не добившись, Алдын-оол рассердился:

— Ну и стой, сколько хочешь.

И пошел к матери.

— Почему у него живот вздуется, мама?

— Что?— не поняла она.

— Ты же говорила сама.

— А!— вспомнила мать.— Если перекормишь, то живот раздуется и будет болеть. Это уже плохо.

— Но ведь он сам хочет, даже облизуется.

— Он ведь всего-навсего козленок, да еще такой маленький.

За спиной послышалось: топ-топ. Это прибежал Эникпен.

— Я же тебе постелил, чтобы ты лег. Ты зачем сюда пришел?

Эникпен ничего не понял, он тарачил свои круглые глаза и лизал руку хозяина. Мальчик отдернул руку, но козленок, нища, пошел прямо на Алдын-оола.

— Опять есть? Нельзя, живот вздуется,— решительно сказал мальчик и, подхватив козленка в охапку, унес на кухню.

Затем он спрятался за плитой и стал звать козленка. Тот шел совсем в другую сторону. Мальчик продолжал его звать и, если тот прибегал на зов, кормил его молоком и продолжал обучение. В конце концов Эникпен стал прибегать на голос хозяина.

— Почему он никак не может запомнить свою кличку?— жаловался сынишка маме.

— Так быстро никто не может. Привыкнет со временем, сынок,— утешала мама.

Провозившись с козленком, Алдын-оол не заметил, как наступил вечер.

Так Эникпен принес новые заботы в жизнь маленького Алдын-оола, живущего в далеком аале у синих гор. Мальчик очень хотел, чтобы его козленок стал сильным и крепким, и старался изо всех сил.

В один из вечеров Алдын-оол подкормил Эникпена не только у матери, но и у других коз,— выбирал тех, у кого много молока. Живот у козленка был, как плотно набитая барба — палец отскакивал, как от барабана. Мальчик радовался — козленок сыт.

Запуская козлят в тепляк, он ощупывал их животы. Оказалось, что не у всех такие полные, как у Эникпена. Он похвастался матери:

— Хоть коза и не подпускает, а Эникпен наелся лучше всех.

— Хватит, сынок, он может объесться.

— А что будет?

— Заболеет от перекорма.

Но Алдын-оол так и не понял, как и почему это бывает.

— Чем занимался, сынок, сегодня?— спросил вечером отец.

— Катался на лыжах, однако скоро вернулся — холодно было.

— Ты же не неженка, а крепкий на мороз парень. И сегодня было не холодно,— заметил отец.

— Скучно одному, когда никто не смотрит.

— А дома стало сразу веселее, а?

— Так я кормил из рожка Эникпена.

— Вот так бы сразу и говорил, не увиливая,— засмеялся чабан.

Мать, стряпавшая лапшу, присоединилась к отцу:

— С этим козликком он совсем перестал бывать на воздухе.

— Когда козлята подрастут, будешь пасти их,— сказал отец.

Алдын-оол вспомнил, как в начале зимы он вместе с отцом пас коз. Они остановились с отарой на хорошем пастбище и

развели костер, отец боялся, что сын замерзнет, и заставлял его почаще греться.

Именно тогда мальчик первым заметил волка, который подкрадывался к козам по ложбинке, заросшей таволгой. Отец посадил мальчика позади себя на коня и поскакал, крича во весь голос и пугая зверя. Алдын-оол крепко держался за кушак, чтобы не свалиться с кося, и почти ничего не видел. Отец показал огромные следы на снегу и сказал: «Смотри, какой здоровый волк». А козы, собравшись в кучу, от испуга глушаво блеяли в нос.

Теперь от предложения отца пасти козлят он возгордился и, как взрослый, советовался, где и как он будет пасти и что делать, если снова панадет волк.

Наутро Алдын-оол взял Эникпена, чтобы опять подкормить у коз. Он тихо подкрался к Дезиг-Калдар, подпустил ее любимого козлика и тут же хотел накормить заодно и Эникпена. Но тот стоял, как вкопанный, опустив голову, не проявляя никакого интереса к еде.

Козы ушли на пастбище.

Проходившая мимо мать заметила:

— Отпусти козу, отстанет она от отары.

— Эникпен не хочет есть, мама.

— Значит, он сытый... А, может, облеялся? Вот беда-то какая! Я же говорила тебе, не корми много.

Алдын-оол отпустил козу, и она убежала вслед за отарой, несколько раз мемекнув.

Эникпена принесли домой. Еще вчера он весело топал по полу, а сейчас только переступал ногами, словно боясь, что вот-вот упадет.

Мальчик, присев на корточки, ощупывал голову, заглядывал в глаза козленка. Живые глаза его потемнели и смотрели в одну точку. Растерявшийся Алдын-оол послушал сердце. Оно стучало как-то тихо и неравномерно.

— Мама, сердце не бьется совсем! Беда!

— Что ты говоришь, сынок?— сказала мать, выходя из комнаты с веником в руках.— Как может не биться сердце живого козленка, ненаглядный мой?

— Что же делать, а, мама?

Мама, посмотрев внимательно на сына, незаметно усмехнулась:

— Что же делать, сынок. Сам поправится со временем.

— Сам?

— А чем ты поможешь?

— Надо дать лекарство. Ты же мне давала, когда у меня болела голова. Сразу станет лучше.

— У него не голова болит, просто он объелся.

— А разве от этого нет лекарства?

— Не знаю, сынок. Я ведь не ветеринар. Если до вечера не поправится, будет лечить отец.— И про себя проговорила:— Обьевшееся молоком дитя скоро поправится.

Зимнее солнце обычно быстро заходит, но сегодня оно что-то долго держалось на небе. Мальчик не выходил во двор. Чувствуя слабость козленка, он готов был сам заболеть. Эникпен лежал у плиты и тихо вздыхал, как будто стонал. Почти незаметно вздымались его бока.

Вечером отец достал какие-то снадобья, завернутые в кусок овчины, замесил на молоке и напоил Эникпена. Мальчик, уверовавший в волшебную силу лекарств, не отходя, ждал немедленного выздоровления друга.

В тот вечер в семье чабана не было веселых разговоров. Мать рассказывала сыну сказку. Но сын слушал с пятого на десятое, думая о своем больном друге. И козлик поправился.

Как-то утром Алдын-оол, как обычно, подкормил Эникпена, потом стал помогать отцу и матери загонять козлят в тепляк. Когда отара ушла на пастбище, он побежал к Эникпену, но его на месте не оказалось. Решив, что он убежал с отарой, мальчик побежал на бугорок. Отец еще был недалеко. Алдын-оол еще раз оглянулся и увидел Эникпена возле загона молодняка. Он повернул обратно, подбежал к козленку, который с важным видом взрослого жевал сено. Схватив в охапку, мальчик понес его домой.

— Я думал, что Эник пошел за отарой, даже испугался, мам,— сообщил он.

— У него нет матери, так что один он не пойдет,— ответила мать спокойно.

— Он был у загона и искал сено. Вот!

— Значит, уже стал большой. Принеси-ка ему пучок сена. Мальчик проворно убежал, ругая себя, что сам не додумался до этого.

Подвязав веревкой пучок сена, он подвесил его над перегородкой. Козленок тут же принялся жевать своими крохотными губами, и травинка исчезла на глазах Алдын-оола.

Алдын-оол запрыгал и закричал от радости: «Козленок мой стал большой!»

Он помог матери растопить снег и напоить козлят теплой водой. Вернувшись домой, напоил Эникпена холодным чаем с молоком и солью.

Из ведра с горячим упревшим овсом, предназначенным козам, готовящимся к окоту, Алдын-оол набрал ложку и для своего дружка. Козленок, будто привыкший к этому угощению, тут же съел овес, не оставив ни зернышка в миске. Мальчик хотел принести еще добавки, но вовремя спохватился:

— Хватит, а то опять объешься.

Козленок, облизываясь, смотрел на мальчика выжидающе. Но мальчик сдержал себя.

После ужина отец сказал:

— Козлята уже подросли и их стало много. Может, завтра попасешь их, сынок?

Алдын-оол, возившийся на полу с игрушечной машинкой, вскочил:

— Где я буду пасти, папа?

— Лучше всего увести их на Уттуг-Хая.

Мальчик размышлял, как он будет выводить козлят из аала, по какой дороге и, конечно, обязательно прихватит и Эникпена.

Утром Алдын-оол, гордый доверием, еле позавтракал и собрался наравне с отцом. Эту гору можно увидеть из окна, но для мальчика было не так близко. Он хотел надеть свои лыжи, но, по совету матери, взял с собой только деревянную лопату.

Козлята двинулись вереницей по ухабистой дороге, боясь наступить на глубокий нетронутый снег на обочине. Непривычные к такой вольной жизни, они никак не хотели уходить от аала и рвались обратно в загон. Эникпен тоже. Тогда мальчик схватил его подмышку.

Солнечная сторона горы была еще в снегу, а траву под скалами козы давно ощипали. Козлята все-таки находили кое-что, ощипывали кусты караганника, бегали по скалам и бодали друг друга, резвясь на воле.

Алдын-оол облюбовал гладкую поляпу, покрытую глубоким снегом. Он несколько раз скребнул широкой лопатой — и из-под снега показалась пожухшая трава. Поработав изо всех сил, немного отдохнул, опершись на лопату. Совсем недавно, когда шел сюда, дул резкий ветер, больно щипал нос и щеки. А сейчас хоть куртку снимай. Мальчик подвязал уши у шапки, снял рукавицы и сунул их в карман. Вскоре он очистил круглую, размером с юрту, полянку от снега.

Однако козлята и не думали идти сюда, резвясь среди скал. «Эх вы, бестолковые, даже не видите сытного места», — думал пастушок, подгоняя их к «пяточку». Козлята, заметив траву, набросились на нее. Самым малым здесь был Эникпен. Его тут же вытеснили остальные, и он ходил, подбирая объедки.

— Вот окаянные! Совсем не думают о младшем, только о своем животе! — сердился пастушок. Он отвел любимца подальше и специально для него очистил еще один пяточок. Не успел Эникпен ощипнуть несколько травинок, как сюда заявились остальные козлята.

— Ах, вы, бесстыжие, почему сюда пришли? Мало вам своего места? — и мальчик отогнал их назад. Но поняв, что козленок один все не съест, перестал отгонять. Спустя некоторое время, козлята собрались в кучу перед скалой — может, наелись или замерзли...

— Ладно, пошли домой. У вас же нет куртки, как у меня, вот и дрожите. А ну, за мной! — и, опять взяв Эникпена под мышку, мальчик повел козлят к аалу.

Придя домой, он тут же начал отогревать своего дружка у теплой печки, поглаживая ему бока.

— Где ты видел, чтобы грели у огня большого козленка, ненаглядный мой? — сказала мать, войдя в дом со двора.

— Козлята его обижают, толкают на снег, мама, — оправдывался сын.

— Какая же скотина не ходит по снегу, сынок? Отнеси его в загон, пусть закаляется, — посоветовала мать.

— А разве дома его нельзя закалять?

— В теплом-то доме? Он станет зябким, как козлиное сало. Будет мерзнуть при легком морозе.

Мальчик отнес своего питомца к сверстникам. С этого дня он каждый день пас козлят в горах, очищая огромные, как ему казалось, пространства от снега. Козлята быстро привыкли к нему и, завидя хозяина с лопатой на плече, бежали следом. А Эникпен вовсе стал неразлучен с ним. Другие козлята вечером бежали к матерям, а Эникпен искал мальчика. Он привык к своей кличке. Стоило хозяину позвать его, он бежал со всех ног.

Путь солнца становился все выше, каждый день прибавлял света и тепла.

В один из таких ясных дней Алдын-оол попас козлят и вернулся домой. Только переступил порог — вокруг стало темно, как в безлунную ночь. Растерявшись, мальчик постоял несколько минут неподвижно. Постепенно все начало светлеть, окружающие предметы приняли свой обычный вид.

Он услышал голос матери из комнаты:

— Что так тихо стоишь, сынок?

Алдын-оол подбежал к матери:

— Почему мои глаза ничего не видят, мама?

— Что ты, мой ненаглядный?

— Когда вошел в дом, стало темно в глазах.

— Значит, воспалились твои глаза, сынок!

— А что это такое?

— Весной солнце очень яркое, а снег белый. Вот и потемнело у тебя в глазах, когда ты вошел в дом.

Мальчик толком не понял, что это такое.

Назавтра мальчик опять повел козлят на пастбище, теперь их стало намного больше. Окоп уже закончился.

Солнечная сторона Уттуг-Хая наполовину освободилась от снега. Козлята паслись на проталинах. Мальчик считал себя настоящим чабаном, а козлят — целой отарой.

— Когда я вырасту, закончу школу, коз в колхозе будет еще больше, и я буду пасти их. Как хорошо! Мне дадут хорошего резвого скакуна, — мечтал он вслух.

Мальчик стал подниматься на гору, чтобы с вершины посмотреть вокруг. Эникпен неразлучно следовал за ним. Алдын-

оол спрятался в камнях под нависшей скалой. Козленок, потеряв хозяина, заблеял. Мальчику стало жаль его, и он выглянул из укрытия. Эникпен весело подпрыгнул от радости. Они двинулись к вершине вдвоем. Солнце сильно пригревало, с кромки снежного пласта свисали ледяные сосульки, и капли падали одна за другой на землю.

Мальчик вспомнил сказку матери и сказал козленку:

— Смотри-ка, у снега голова болит, поэтому он плачет, и слезы бегут ручьем.

Эникпен, будто понимая, смиренно стоял и смотрел умными глазами, помахивая хвостиком.

Карабаясь по камням, покрытым лишайником, Алдын-оол начал подниматься выше. Вершина скалы была похожа на огромную юрту, выточенную из глыбы. Когда смотришь снизу — видна большая пещера, похожая на распахнутую пасть.

Козленок скакал впереди хозяина, вызывая восхищение ловкостью.

Вскоре впереди показался вход в пещеру. Семья Алдын-оола зимовала в этом месте впервые, и мальчик никогда не был здесь. Нагнувшись, он заглянул вниз: куда-то далеко шел узкий ход, по которому едва можно было протиснуться. Из темного дна, как из кузнечного меха, несло холодным сквозняком.

Можно, конечно, подняться на самую макушку глыбы, цепляясь за выступы и наступая на выемки. Но что там интересного?

А если... подумав так, мальчик даже съежился. Мать давно предупреждала, что внутри пещеры опасно, может завалить камнями.

Алдын-оолу очень хотелось войти в пещеру и осмотреть ее. Он оглянулся — не смотрит ли кто, расправил куртку, лег ничком на землю и наказал Эникпену:

— Стой здесь, а я выйду с той стороны и посмотрю на козлят под горой.

Пригнувшись, отталкиваясь локтями и коленками, он пополз в пещеру. Там было темно. Наверху тревожно блеял Эникпен. Рывком он прополз один изгиб — стало светлее. Над его головой кто-то зашелестел или зашуршал. Он упал ничком, ут-

гнувшись в землю лицом, а потом посмотрел исподтишка — это была какая-то большая птица.

Постепенно стало просторнее, он уже мог присесть на корточки. С опаской прислушался, нет ли еще кого здесь, — кругом было тихо.

Мальчик пополз на четвереньках. Еще один изгиб, и стало совсем светло. Здесь можно было встать на ноги. Только надо быть осторожным — повсюду торчали острые камни. На земле были видны остатки костра — куча золы и головешек, причудливые узоры птичьих следов.

Однако, на следующем изгибе пещера снова стала узкой. Мальчик пополз и, наконец, нашел выход. Птица резко вскрикнула и улетела за скалу. Наверное, она сердилась на незваного гостя, ворвавшегося в ее жилище.

Подтянувшись, он увидел зимовье. Видны были дом и кошара. Мать вытряхивала половики. Мальчик даже пригнулся, чтобы она его не заметила. Закончив работу, она вошла в дом, даже не взглянув в его сторону. Опять подавшись вперед, Алдын-оол стал разглядывать местность. Пасшиеся на склоне козлята казались черными шапками: ног не было видно, и они катались, как мячи, среди прошлогодней травы.

Когда смотришь снизу, вход кажется легко доступным. А отсюда поглядишь — скала очень крутая и опасная, даже дух замирает. А похожа она на лицо старого человека — вся в морщинах. В расщелинах вырос высокий ковыль и шевелился от легкого дуновения ветра.

А в одном месте торчал кустик таволожника, из-под которого осторожно высунулась мордочка мышки. Она, принюхиваясь, повела носом и, ловко цепляясь за выступы, направилась в сторону мальчика. Вдруг она исчезла из поля зрения. Мальчик вытянул шею, ища ее, — и в тот же миг горная мышь выскочила на бугорок, находящийся на одном уровне с лицом Алдын-оола. Он от неожиданности отпрянул назад, успев заметить коричневую спинку, длинные усы и круглый глаз мыши. Слышно было только царапанье ее когтей по скале.

Раньше мальчик думал, что пещеры холодны и необитаемы. А теперь он убедился, что это хороший кров для разных птиц и мышей. Ему было неловко, что он ворвался в их мирную жизнь и напугал их.

За зимовьем находился глубокий овраг, за ним косогор, покрытый ярким сверкающим снегом. Вон едет по дороге всадник. Черная нитка дороги скрылась за перепейком. Там виден отец на лошади с отарой коз. Наверное, он встретится с путником и поговорит, узнает что-то новое, а вечером обязательно расскажет о беседе.

За тем хребтом виднеется другой, более высокий. Между хребтами в увалах чернеет тайга. Алдын-оол там никогда не был. Как бы интересно взобраться на тот хребет и посмотреть вокруг. Даже вроде приближаешься к солнцу. Мама всегда, рассказывая сказку, упоминает: «Посреди необозримой желтой степи шел столб черной пыли, доходящий до неба». Может быть, за тем хребтом и лежит эта необозримая степь. А что еще дальше, кто знает!.. Если бы посмотреть в бинокль, может быть, можно было увидеть и Чадан, и Ак-Довурак, о которых взрослые так интересно рассказывают.

Он посмотрел вниз и увидел, что козлята потянулись домой, к кошаре. Мальчик стал пятиться назад, сразу стало темно. Идя на четвереньках, он поднял голову и невольно присел. Вперед горели два зеленых огня. Сердце сжалось, лицо запылало. Он стал потихоньку нащупывать камень. В мгновение ока перед ним пронеслись мать, отец, братья. Никто из них не знает о его трудном положении. «Где Эникпен? Если бы был человеком, давно предупредил бы об опасности. Или с ним что-нибудь случилось?».

Зеленые огоньки мигнули, и в ту же минуту заблеял козленок. Алдын-оол, не помня себя, вскрикнул:

— Эникпен!

И голос его был таким громким, что он сам поразился. Такой шум бывает, когда отец чистит палкой трубу железной печки. Может быть, к этому времени глаза мальчика привыкли к темноте — со стороны выхода пробивался сумеречный свет. С трудом пробираясь вперед, он, наконец, дополз до козленка, который закрыл собой вход в пещеру: видимо, шел по его следам. Эникпен нежно лизнул в щеку маленького хозяина. Обрадованный мальчик, выталкивая козленка вперед, выполз из пещеры. Вокруг был светлый прекрасный мир.

Южные склоны гор открылись, дороги почернели. Снег ос-

тался только на северных склонах и в ущельях, осел, приобрел темный вид.

Отец пригонял коз раньше, подпускал к ним козлят и опять выводил на пастбище, на близкие холмы, возвращаясь в сумерках.

Как-то родители, занятые работой в доме, послали сына присмотреть за отарой. Эникпен следовал за хозяином.

Козы остановились у Ак-Кожагара, они, вероятно, были довольны, что козлята вместе с ними, и спокойно щипали траву.

Алдын-оол устроился у скалы и стал играть в сайзапак: из плоских маленьких камней он строил дом и кошару. Столбики делал из сухих веток караганника. Эникпен вертелся рядом, облизывая щеки, руки, разрушая возведенную постройку.

— Вот пристал, а!— Алдын-оол достал из-за пазухи лепешку, завернутую в газету, отломил половину. Козленок заблеял от радости.

Мальчик раскрошил лепешку на ладони и протянул козленку. Тот быстро съел и снова глядел с надеждой на добавку, вертя коротким хвостиком.

— Эх ты, жадина! Остальное дам потом.

Между тем несколько коз ушли на вершину горы. Пастушок кричал, звал, но они шли все дальше, не останавливаясь.

— Пойду прогоню их, безобразников. Ты не догонишь, устанешь,— сказал мальчик своему дружку и побежал вверх между скалами. Эникпен побежал было следом, но скоро отстал.

Алдын-оол бежал без передышки, скоро догнал коз и завернул их назад. Идя за ними следом по горной тропинке, он вдруг споткнулся о камень и упал. Мальчик покатился вниз, на ходу схватился за куст жимолости, а потом оперся на камень ногой. Но камень оказался шатким: взял да и скатился вниз по склону. Алдын-оол опять за что-то ухватился и наконец поднялся и вышел на тропу. Свалившийся камень оказался коварным, он задел другой камень — и тут начался шум и грохот камнепада. Казалось, все камни ожили, встряхнулись и помчались наперегонки. Козы, испугавшись шума, шарахнулись в сторону.

Грозная лавина, взметая клубы пыли и издавая ужасный грохот, остановилась только у подножья.

Но несколько больших камней помчались дальше, как не-

обузданные кони и, несколько раз кувыркнувшись и будто устав, замолкли. Стало тихо. Мальчик заметил, что козы очень встревожены, заблеяли, сгрудившись в кучу. В это время он увидел мчавшегося на лошади отца. Вдруг у Алдын-оола сжалось сердце от испуга — где Эникпен?

Он вскрикнул и побежал вниз по извилистой тропке, спускаться по крутому склону было гораздо труднее, чем взбираться.

Он неся, не в силах остановиться, как будто кто толкал в спину, а колени невольно подгибались. Мальчик несколько раз падал, поскользнувшись, вставал и бежал к козленку, к тому месту, где он играл.

— Эник, Эникпен! — позвал он друга.

Он огляделся и в десяти шагах от себя увидел неподвижный черный комочек — Эникпен! В горле запершило, по щекам покатались горькие слезы. Не вытирая глаз, он шел к козленку. Эти десять шагов показались бесконечными, пока он присел на колени около козленка. Эникпен лежал, свернувшись клубком, а левая нога вытянулась в сторону. Мальчик бережно поднял его на руки. Нога висела, как плеть. Когда мальчик пощупал рукой, козленок жалобно вскрикнул. Веселые огоньки глаз Эникпена потемнели, а по мордочке скатились крупные слезы.

Алдын-оол ударил себя кулаком по голове. На всем скаку подъехал отец.

— Почему козы испугались, сынок?

— Камень свалился, — чуть не плача, ответил сын.

— Ой, халак! Обвал, что ли, был? Коз не задавило? — испугался чабан.

Мальчик молчал, не находя слов от горя. В глазах стоял только Эникпен со сломанной ногой.

Отец, видимо, понял беду мальчика. Спешившись, он осторожно осмотрел козленка.

— Сломана берцовая кость. Отнеси его домой. А я пригону коз, сынок.

Мальчик только кивнул головой и побрел домой. Он старался идти медленнее, но какой-то внутренний голос торопил его.

А дома мать спрашивала:

— Что, твой козленок не отстаёт от тебя никак, да?

И тут Алдын-оол не выдержал и заплакал. Мать испугалась:

— Что ты, милый, замерз или голова болит?

Сын, всхлиывая, сбивчиво рассказал о своей вине, и на душе сразу стало легче.

Мать положила козленка на подстилку у теплой печки. Потом вытерла лицо сына, понюхала его волосы.

— Иди, умойся. Совсем чумазый стал.

— Что же делать с Эникпеном, мама?

— Придет отец, наложит на сломанную ногу лубок. Ничего, не горюй. Он поправится.

— Он будет хромым, да?

— Если кость срастется правильно, хромать не должен.

Мальчик воспрянул духом.

«Папа все сумеет — он вылечил, когда Эник объелся, и сейчас вылечит», — думал Алдын-оол. Потом он вспомнил, как отец уже вылечил одну козу со сломанной ногой, когда та неудачно перепрыгнула через изгородь.

«Только бы поправился, бедный, я тебя никогда больше не оставлю одного», — клялся про себя Алдын-оол, с жалостью глядя на своего любимца.

Когда вернулся отец, он достал нож и сделал четыре щепы из полена. Примерив к ноге козленка, сделал зарубки на лубке, связал тонким кожаным шнурком.

— А ну-ка, сынок, держи козленка, — сказал отец.

Алдын-оол напрягся — весь внимание.

Чабан потрогал больную ногу, взял за копытце и резко, с хрустом дернул на себя.

Эникпен жалобно заблеял, а у Алдын-оола от сострадания заныла собственная нога; хотелось убежать, чтобы не видеть ничего. Однако любовь к другу и доверие к отцу остановили его. «Если я уйду, козленок не поправится. Нет, я не могу бросить друга в беде», — подумал мальчик, крепко держа козленка. Отец быстро наложил лубок и завязал шнурочком.

— Отнеси его на место. Если хорошо будешь ухаживать, должно зажить — кость молодая, — подбодрил он сына.

Эникпен держался хорошо. Теперь он волочил свою перевязанную ногу и никогда долго не залеживался.

Алдын-оол ухаживал за больным, забыв об играх и отдыхе.

Утром и вечером он доил коз, собирал молоко в маленький деревянный горшок и сразу выпаивал козленку, пока молоко было теплым, добавляя туда хлебный мякиш. Иногда он уходил в степь, собирал пучки молодой зеленой травы и приносил Эникпену.

Хороший уход сделал свое дело: вскоре нога срослась и окрепла. Как-то Алдын-оол вынес козленка во двор. Эникпен смело наступал на ногу в лубке и даже подпрыгивал, как раньше. Мальчик обрадовался, поднял голову и увидел в небе золотой диск солища, его веселую улыбку. Казалось, что вечно теперь будет светить щедрое солнце, копчилились болезни и все вокруг такое светлое, доброе, теплое — и люди, и горы, и степь.

— Эникпен уже прыгает, папа!— весело окликнул отца Алдын-оол.

— Вот и славно. Только повремени, не развязывай лубок. Пусть еще поносит дня два-три,— посоветовал отец.

Мальчик повел своего Эникпена с другими козлятами на склоны гор пастись.

Снег всюду растаял, и козлята, пощипывая верхушки трав, каждый день уходили все дальше, пересекая неведомые им лощины, нехоженные тропы. Мальчик заметил, что козлята проходили теперь мимо прошлогодней травы в поисках сочной весенней зелени. Ведь еще недавно они были непрочь отобрать друг у друга сухую травинку.

Эникпен не отставал от сверстников и даже выделялся рослым крупным телом. Он досыта наелся зелени, поднял голову и побежал к своему маленькому хозяину. Он весело и радостно смотрел на мир.

Через несколько дней лубок сняли, и теперь Эникпен всюду следовал за маленьким чабаном.

Весна все более укреплялась в своих правах, без передышки теснила зиму. Растаял сугроб на дне глубокого оврага, заросшего кустами караганника и таволги.

Все склоны гор покрылись нежной молодой зеленью, даже на пустошах выросла трава. Трудно уже стало жить на зимовье: снег таял на глазах — и козам, и людям не хватало воды. Повзрослевшие козлята паслись вместе с отарой.

Как-то вечером отец, вернувшийся из колхозного поселка, сказал домашним:

— Послезавтра пришлют машину. Надо подготовиться к переезду.

Алдын-оол так и запрыгал от радости. Это так интересно — перекочевка! Он всегда любил эти переезды с зимника па летник. Каждое стойбище отличалось чем-то своим, неповторимым.

— Я буду гнать коз. Вдвоем будем перегонять, правда? А козлят загрузим на машину,— предлагает мальчик.

Он помнит прошлогоднюю кочевку.

— Придется так и сделать, а то малыши не успеют за нами,— соглашается отец.

— А Эникпена я возьму с собой на коня.

— Зачем такого большого брать на седло, пусть идет с отарой,— вмешивается в разговор мать.

Мальчик задумался:

— Ему ходить-то не с кем. А если он останется, заблудится.

Отец чуть заметно улыбнулся:

— Тогда погрузим на машину.

Мать, смеясь, возразила:

— Что вы? Он ведь прыгнет за борт и опять сломает ногу.

— Тогда я погоню его с отарой! Глаз не буду с него спускать,— решительно заявил Алдын-оол.

Вот настал день переезда. Грузовая машина уже ждала чабанов.

Разместили домашнюю утварь и козлят. Мать села в кабину рядом с шофером.

— Мы-то что, мигом доедем. Вы не отставайте,— сказала мать на прощанье. Столб пыли взвился за машиной.

Отец с сыном подошли к оседланным лошадям. Эникпен выскочил из кошары, мекнул и подбежал к мальчику.

Коз еще рано утром отправили вперед по дороге, чтобы они паслись. Когда Эникпен вернулся, никто не заметил — все были озабочены погрузкой. А он, оказывается, ждал удобного случая, чтобы приласкаться к маленькому чабану.

— Вот это номер, сынок. Ну, давай его мне, а то ты еще уронишь его из седла,— сказал отец, усевшись верхом на лошади.

Алдын-оол бережно поднял козленка, который так и лас-

кался к нему, и передал отцу. Сам привстал на большой валун, вдел ногу в укороченное стремя и сел верхом на смиренного гнедка.

Между тем, козы шли не по дороге, а рассыпались по холмам, некоторые подались даже к красным скалам. Догнав коз, отставших от других, отец опустил Эникпена на землю:

— Я поеду пригону тех дальних коз. А ты езжай, сынок, за отарой.

И он, ткнув кнутом в бок лошади, поехал рысью по крутой тропинке на увал.

Алдын-оол поехал за отарой. Эникпен бежал следом.

Громкий голос отца, зовущего коз, отозвался эхом в скалах. Козы послушно собрались в кучу и спустились в ложбину. «Когда я зову, они даже ухом не ведут. А голос отца знают», — думал мальчик.

Они двигались по узкому ущелью, заросшему караганником и таволгой, в долину. Солнце поднималось все выше и припекало спину даже через стеганку. Козы, словно поняв, что вскоре дойдут до воды и травы, шли послушно.

— А твой козел оправдывает имя, идет за тобой, как собака, сынок, — сказал догнавший сына отец.

Алдын-оолу было приятно это слышать.

Отец и сын гнали отару размеренно, без остановок, и козы шли, не сбиваясь с ритма. В полдень они пришли на Кат-Хавак. Учувя близкую воду, козы побежали наперегонки к пойме Ак-Чыраа. Берега речки окаймляли заросли ивняка. Козы досыта напились и разбрелись, с жадностью щипая низкую молодую травку.

— Козам последнее время не хватало воды, и они меньше ели. Ну, а теперь отвели душу, — удовлетворенно заметил чабан.

Отец с сыном сняли уздечки с лошадей, и те забрели в воду и стали пить не отрываясь.

Мальчик из любопытства стал считать, сколько же глотков делают лошади. Досчитал до пятидесяти и сбился со счета.

Только один Эникпен не чувствовал жажды, он вертелся возле мальчика, явно попрошайничая.

— Смотри на сверстников. Они напились и пасутся. Учись у них, — ласково укорял Алдын-оол своего любимца. Эникпен

продолжал приставать, и мальчик сунул ему кусок сахара и лепешку.

— Раз он получает такие вкусные вещи, зачем ему трава и холодная вода,— заметил отец.

Чабаны собрали коз и погнали дальше.

Стойбище находилось на широком лугу. С севера его окружала, петляя и рисуя замысловатые узоры, речка Ак-Чыраа. За ней простиралась обширная луговина, вся в кустах караганника, ивняка, между которыми белели солончаки. Луг заканчивался у леса. В южную сторону раскинулись пески, упирающиеся в черные скалы. С пригорка начиналась голая, как дубленая кожа, степь. Она тянулась далеко, постепенно переходя в плоскогорье.

На стойбище был пятистенный дом с крышей, с кладовкой и палисадником. Здесь недавно побывал отец, когда ездил в колхозный поселок, и быстро сделал мелкий ремонт. Неподалеку был большой загон, сложенный из молодых лиственниц. Около него тепляк для молодняка, куда можно укрыть козлят в случае непогоды.

К приезду мужчин мать навела полный порядок в доме и приготовила еду. Перебрасываясь новостями, семья наскоро пообедала.

— Работы еще хватит. Сходи за водой, сынок,— попросила мать.

Мальчик взял маленькие бидончики и ушел. Козы уже паслись на луговине.

Встав на маленький настил из досок, перекинутый через речку, Алдын-оол наполнил бидончики и поставил их у берега.

Поискал глазами козленка и начал звать его. И тотчас же услышал ответный крик с луга. Видно, у козленка был полон рот травы — голос звучал глухо.

Мальчик спрятался за высокими кустами. Потом взглянул в воду и увидел там веселых рыбешек. Они шли вверх, блестя плавниками. Отвлечшись, он совсем забыл о козленке. А тот прибежал к хозяину и громко заблеял над ухом.

Эникпен смело взобрался на мостик.

— Где это ты научился?— спросил Алдын-оол и, взяв козленка на руки, сразу почувствовал в носу знакомый запах

солнца и пыли. Живот у козленка тугой — видать, успел наестся зелени, в этот раз даже ничего не просил из рук хозяина.

Мальчик продолжал следить за рыбками в воде.

— Алдын, где ты? — слышался голос матери.

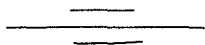
Мальчик торопливо вскочил, схватил бидончики и побежал домой. Вода налилась за голенища кирзовых сапог.

Пока он помогал матери по хозяйству, пригнали коз с луга. Первый день на стойбище прошел совсем незаметно.

Мальчик вышел во двор, Эникпен — следом. Около дома чабана стояли рядом маленький человек и козленок и смотрели на ясный закат весеннего солнца.

Сколько раз им еще улыбнутся такие светлые дни! С чем можно сравнить счастливое детство человека, который беззаботно растет возле отца и матери под голубым небом и золотым солнцем? Что может быть чище и благороднее, чем его мечты? И где может быть такая страна и такой народ, как наша великая Советская Родина, которая заботится о каждом своем маленьком человеке и его желаниях?

Шагай смело и гордо по жизни навстречу счастью, маленький чабан Алдын-оол!

АККЫРМАА И ДВОЙКА

Дзинь! — зазвенел первый школьный звонок. Впервые вошли в свой сверкающий свежей краской класс, все в новеньких формах, с новенькими портфелями, ручками, тетрадками и книжками, совсем-совсем новенькие первоклассники. Впереди их, заботливо поглядывая на каждого, шла учительница. А позади незаметно проскользнула Двойка.

Двойка что? Цифра как цифра. Ни рук у нее, ни ног, ни головы, ни глаз. А вот хитрости, как ни странно, хватает. Смекнула же: раз в этом новом классе будут учиться, учительница начнет вызывать ребят к доске, ставить им в тетрадки и в журнал отметки... Авось и сй, Двойке, местечко найдется!..

Однако первый день пришлось ей просидеть без всякого дела. Учительница показывала ребятишкам, как правильно держать ручку в руке, как должна лежать тетрадка, как — книжка, как ученику сидеть за партой.

— Ребята, кто из вас ходил в детский садик? — спросила она. — Поднимите руки.

И тут же над партами дружно вырос, как любят говорить в школах, «лес рук». Только большеглазая девочка с длинными ресницами, по имени Аккырмаа, рук не подняла.

— Хорошо, опустите, — сказала учительница, и рук над партами — как не было. — А ты, Аккырмаа, разве не ходила в детский сад?

Девочка с длинными ресницами несмело поднялась с места, опустила глаза и чуть слышно прошептала:

— Я? Нет...

— А почему? — допытывалась учительница.

— Не знаю, — еще больше потупилась Аккырмаа.

— У тебя папа и мама оба работают? — Аккырмаа кивнула.

— Не кивай, а говори словами, да или нет. Да, значит. А с кем же ты дома оставалась?

— С бабушкой...

— А какие буквы ты знаешь?

Аккырмаа покачала головой, давая понять, что букв она никаких не знает.

— Ну что же, садись...

По сравнению с Аккырмой, остальные ребята были хорошо подготовлены к школе. Они умели считать до десяти, знали буквы, а некоторые даже писать и читать пробовали. Загоревала Аккырмаа. А Двойка обрадовалась: вот кто приютит ее в своих тетрадках!

Уроки кончились. Аккырмаа схватила сумку и, не дожидаясь подружек, выскочила из класса. И Двойка трусцой побежала за ней, словно щенок за хозяином.

— Ученица наша домой идет!— радостно сообщила бабушка.

Это было во время обеда. Папа с мамой как раз сидели за столом. Всем было приятно, что Аккырмаа стала школьницей. Услыхав сообщение бабушки, все насторожились, приготовились встречать дочку. Дверь хлопнула, и вот она, их маленькая Аккырмаа, в школьной форме, с сумкой в руке, стоит на пороге!

— А-а! Ученица наша!

— Чему вас учили сегодня?

— Дай головку, внученька, я приласкаю тебя...

Все радовались. Одна Аккырмаа не могла скрыть своего сторчения. Молча повесила на гвоздик сумку, прыгнула на диван, уткнулась лицом в руки да как заплачет!..

— Что с тобой, внученька? — всполошилась бабушка.

— Почему ты плачешь? Устала с непривычки? — спросила мама.

— Ревушкой-коровушкой не пристало быть ученице, — чинно заметил отец.

Аккырмаа, всхлипывая, стала выговаривать родителям:

— Почему я не ходила в садик? Дру-у-гие де-е-ти б-у-уквы зна-а-ют... А я одна ничего не знаю!

Тут все втроем стали Аккырму успокаивать:

— Не плачь, дочка, всему научишься,— вытирала ей слезы мать.

— Дай головку, внученька,— тянулась к ней всем сморщенным лицом бабушка.

— Нечего горевать, всех учат — и тебя выучат,— внушал отец.

А Двойка, спрятавшаяся за сумкой, торжествовала: «Ага, девчонка-то плакса! Такая учиться не сможет. Не отстану от нее!»

Своим чередом шли учебные дни. Каждый день по четыре урока. Больше всего занимались математикой и родным языком. А еще — и русский язык, и физкультура, и труд, и рисование, и пение... Трудно Аккырма. Учительница напишет в тетрадке букву или цифру — и надо так же правильно, аккуратно все повторить самой. А непослушные пальчики выводят кривулины... Как ни старается Аккырмаа, руки все не слушаются. Буквы прыгают во все стороны, горбятся, падают или, наоборот, пляшут. Цифры... они как будто дразнятся! Вон, двойка словно бы и язык высунула, а откуда у двойки язык?.. Плачет Аккырмаа, слезы на тетрадку капают, еще хуже получается... И опять упрекает она папу с мамой и бабушку:

— Вот видите, видите? Ничего у меня не выходит. Вот если бы я ходила в детский садик...

А Двойка, как тень, следовала за Аккырмай: девочка в школу — Двойка за ней, девочка на улицу — и Двойка тут как тут... Садится Аккырмаа уроки учить — Двойка к ней в чернильницу ныряет, смешается с чернилами и наделает клякс, а то ручку незаметно подтолкнет — вот и кривая загогулина получилась...

Как-то раз учительница пришла к Аккырмае домой.

— Ваша дочка старается, но ей пока очень трудно,— сказала она папе с мамой.— Вы, пожалуйста, последите за ней, когда сядет готовить уроки. Пусть сначала на черновике напишет, а уж потом переписывает в тетрадку.

Стали родители по очереди следить, как делает уроки Аккырмаа. Установили ей строгий режим: весь день, от часу до часу, расписан. Двойке нигде не найти пустого промежутка. Расстроилась Двойка, похудела даже.

Вот уже учительница сказала, что скоро станет выставлять в тетрадях оценки. Ребята еще никогда оценок не получали. Кто радовался, а кто и побаивался. То-то Двойке веселье! «Не надо больше будет прятаться. Всласть покрасуюсь в тетрадках у лентяев!» — думала она.

В тот вечер Аккырмаа с особенным старанием готовила уроки. Буквы и цифры переписывала по несколько раз. От усердия даже кончик языка высунула. И все-таки...

— Что это ты накарябала? — закричала мама, заглянув дочке в тетрадку. — Смотри, как красиво учительница пишет.

Такой уж у мамы характер. Чуть что неладно — она выходит из себя. Жалко ей Аккырму, хочется, чтобы дочурка поскорее — ну, прямо за один вечер — научилась писать совсем как учительница... А разве получится такое сразу? Время и терпению нужны... Вот и горячится мама, как кипяток. А Двойка радуется: чуть только мама начнет над Аккырмой строжиться, она так и запляшет, так и захохочет! То в чернильницу прыгнет, то повиснет на кончике пера и раскачивается, словно на качелях... Аккырме тут ручка тяжелой кажется, рука начинает дрожать — вот буковка и перекосилась...

А папа несколько не горячится. Он спокойно объясняет, как надо выводить буквы, не торопит и не кричит под руку. А ведь ему тоже хочется, чтобы Аккырмаа училась на 5!

— Ничего, мать, не волнуйся, — говорит он. — Не видишь разве? Дочка наша с каждым днем и пишет, и считает лучше... А поспешить -- людей насмешишь...

Такие слова для Двойки — нож острый. Услышит она, заберется в чернильницу, сожмется в комочек и лежит там на самом дне.

Первым уроком в тот день была математика. Учительница проверила домашние задания и стала выставлять оценки. Залезла Двойка к ней в авторучку, притаилась, ждет... Только забыла она, что Тройка, Четверка и Пятерка ни за что ее не пропустят вперед. Они тоже выстроились внутри авторучки, в красных учительских чернилах, и тоже ждали. С кончика пера соскакивали все больше Пятерка да Четверка. Троек совсем было мало. А Двойке так и не пришлось в тот раз покрасоваться в чьей-либо тетрадке.

Вот подошла очередь Аккырмы. Двойка стала пробираться

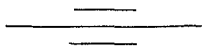
вперед. Но ее не пускали. Хотела Тройка проскочить — и ей не дали дороги. Четверка сама поняла, что ей надо подождать, раз уж девочка все правильно решила. С достоинством вышла из кончика пера Пятерка и улеглась на белом листке.

Второй урок — родной язык. Двойка вспомнила, что вчера мама Аккырма кричала на дочку, все ей казалось, что буквы плохо написаны... Стала Двойка опять пробираться вперед. Но Четверка оттеснила ее плечом и оказалась в тетрадке.

Совсем растерялась Двойка, соскользнула с кончика пера учительницы и — исчезла. Больше она не решалась даже приблизиться к старательной первокласснице Аккырме.

То-то было радости дома, как все увидели тетрадки с хорошими оценками!

...Так вот, запомните, ребята: если есть у вас в классе мальчик или девочка, которые в детский сад не ходили и поначалу меньше вашего знают, не так бойко разговаривают, — не смейтесь над ними, не думайте, что они будут плохо учиться. У хорошего учителя, если сам ученик будет стараться, да еще и родители ему помогут, последят, ничем хитрой Двойке не поживиться.

ЖИВОЙ ЖЕЛУДОК

Рассказ охотника

Однажды весной я отправился в тайгу искать волчьи логова. Я работаю егерем в охотничьем хозяйстве, и в мои обязанности входит уничтожение хищных зверей. Самая подходящая пора встретиться с волками — вторая половина апреля: в эту пору волчьи начинают цениться. Они заранее выбирают место, где будут растить волчат. Еще в марте можно наблюдать, куда прокладывают себе тропинки волки, так охотники узнают, где будут обитать эти хищники.

В верховьях реки Маральей замечена стая волков. Поэтому я сначала поехал туда. Устроился на поляне, где есть трава, годная в корм для лошади. Земля уже начала одеваться в летний наряд. Зеленым ковром расстилается молодая зелень. Разноцветье ранних цветов. Восхитительное время! А в лесу поют птицы, словно оркестр играет. Не наслушаешься. На деревьях появились листья, они ожили. Лето — поистине создатель жизни. Летом все живое счастливо, довольно. У каждого своя жизнь, каждый ею наслаждается по-своему. И повадки у каждого зверя свои.

Так и с волками. Вот интересный случай, который свидетельствует о том, как любят волки своих детенышей.

В разгар лета охотник обычно не ходит в лес с ружьем. В это время все звери, птицы усиленно хлопочут вокруг детенышей, заботливо растят их. Сроки охоты давно истекли. Если в это время в лесу раздастся хоть один выстрел, это будет похоже на взрыв бомбы! Потому и мне с ружьем бродить по лесу в поисках волков даже неудобно. Но что поделаешь — служба обязывает... Если не уничтожить сейчас этих серых хищников, сколько они зверя погубят за лето, чтобы прскормить своих волчат!

Вот, значит, ищу и ищу волчьи логова. Вижу и старые, и свежие следы хищников. Значит, они обитают где-то тут же, в укромном месте.

Два дня ходил по таежным урочищам, устраивал засады. Там, где по моим предположениям, могли оказаться волчьи логова, ничего не нашел. После очередной засады на рассвете

третьего дня, когда солнце уже изрядно поднялось, возвращаюсь к костру. Вдруг что-то мелькнуло перед глазами. Боже мой! Вон же, вон она: по поляне идет волчица с перекинутой через спину огромной ношей, держа один конец этой ноши в зубах. От тяжести ноги у волчицы подкашивались, она то и дело отдыхала. Хотел я стрелять, но — далекоовато.

Я вмиг добежал до костра, благо, он был рядом, сел на коня и пустился за волчицей.

Вон она волочитя со своей тяжелой ношей. Мне подумалось: тащит проклятая серая какого-то зверя живьем, будет учить своих питомцев брать добычу. Мчусь во весь опор: может еще удастся спасти бедного зверя!..

Волчица заметила меня и остановилась ненадолго, как будто соображая, что же предпринять. Потом она опять хватанула зубами свою тяжелую ношу, перекинула ее через спину и убежала. Я на скаку выстрелил. Промахнулся. От свиста пули испуганная волчица хватанула воздух пастью, сбросила ношу и пустилась наутек.

Я подошел к сброшенной ноше. Кольшется на месте что-то огромное, круглое, желтое. Я так и замер. Страшно, жутко стало даже. Пересилив себя, пригляделся: внутри кольшущегося предмета копошились живые существа! Они пытались вырваться из этого живого мешка. Ба, да это ведь желудок какого-то крупного зверя! Да, да, живой желудок! Внутри его слышались странные звуки. Наконец, из шевелившегося желудка вырвалось какое-то маленькое серое существо и встало на слабых подкашивавшихся ногах. Оно напоминало новорожденного щенка. Потом появился другой щенок. Еще и еще.

Странное дело! Как вы думаете, кто же был внутри желудка, который волчица еле-еле тащила? Новорожденные щенки самой волчицы! Оказывается, хитрая зверюга вытащила целиком желудок войманного зверя, уложила туда своих щенят и перетаскивала их в другое место. Почему она решила увести волчат из выбранного заранее логова? Заинтересовавшись этим, я пошел обратно по следам волчицы. И увидел, что сам же я разложил костер совсем близко к логову волчицы. А там были ее детеныши. Разве могла мать оставить их в столь опасном месте! И она додумалась соорудить этот мешок. Волчица могла бы, конечно, перетаскать своих детенышей по одному, взяв в зубы. Однако она, хитрая, знала, что это опасно: возьмешь волчонка в зубы, а он будет кричать, визжать... Да и оставшиеся в логове щенки в поисках матери подняли бы крик, услышал бы его их враг и напал бы на них. А в закрытом мешке-желудке их можно перетаскать враз, и крика не слышно... Вот ведь какая история!

СПОР

Однажды на лесной поляне собрались разные ягоды и заспорили: кто важнее, кто полезнее. Решили выбрать судью. Каждой яголке хотелось возвыситься. Вот и Солнце поднялось высоко, а спору — конца не видно. Кислица, униженная россыпью красных ягод, выхвалялась:

— Я самая ранняя, значит, и самая главная.

— Ах ты, скороспелка — балаболка, хвастуша, — рассмеялась румяная Клубника. И даже Солнце в небе улыбнулось и прогрохотало:

— Эх вы! Всех вперед от моих лучей поспеваает Хлебенка, она — первое лакомство ребятишек весной.

Ягоды зашумели:

— Конечно, Солнце говорит правду. Быть Хлебенке нашим судьей. Она — вестник Весны.

— Нет, я не согласна, — возразила Смородина. — Самая полезная здесь я. Сами посмотрите — какая я круглая, черная. В любом магазине мое варенье нарасхват. Ну, что скажете, подружки?

— Ты думаешь, из меня варенье не варят? — возмутилась неспевшая бело-зеленая Голубика. — Стар и млад мною лакомятся, ребятишки от меня бегают с голубыми зубами.

Неизвестно, чем бы закончился этот спор. Вдруг, откуда ни возьмись, прибежали веселые девчонки и собрали в свои ведерки все ягоды.

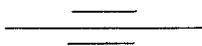
ПТЕНЕЦ

Я давно, друзья, знаю эту птичку и ее повадки. Это было год назад. Лежу я в жаркий день в тени тополя возле речки. Вдруг что-то мягкое упало возле моих ног. Я вскочил, гляжу — птенец. Лежит и трепещет весь, совсем крохотный, желтый

влювик разевает, глазками-бусинками сверкает. Я не стал его трогать. Думаю — мать скоро прилетит.

На другой день я пришел купаться на это же место, но птенца там не нашел. Только пристроился позагорать, слышу знакомый писк. Что такое? Вскочил, осмотрел все — нигде не видно. Опять прислушался — жалобный писк раздается совсем рядом. Так вот он где! Забрался, оказывается, в бумажный пакет от вафлей. Жалко мне его стало. Взял осторожно птенца и понес домой. Смастерил гнездо, стал кормить крошками, молоком, разными букашками.

Теперь он стал совсем большой, нет-нет да и постучится ко мне в окно. Увидит меня, повертит юркой головкой, постучит клювом по стеклу и ждет, не дам ли я чего. Наберу в ладонь крошек и покажу ему. Он затревожится, забьет крыльями, зачирикает, хвостом завертит. А я возьму и спрячу еду, он тогда встопорчится весь. Значит, рассердился. Тогда я открываю окно и высыпаю ему крошки. Он вскакивает и начинает быстро-быстро клевать, только стук стоит, а потом посмотрит на меня черным веселым глазком. Красив он в синем костюме, желтой рубашке с черным галстучком и голубой шапочке. Вот какой у меня есть дружок, ребята.

Монгуш ДОРЖУ

ИСКАТЕЛЬ СЛАВЫ

Муравьишка-бахвал
громкой славы искал,
но искал муравей
не в траве-мураве,—
он залез на сосну,
он полез в вышину!
Крикнул он муравьям,
удивленным друзьям:
«Влезть на солнце могу!
Всех быстрее я бегу!»
Но — увяз он в смоле
и — засох на стволе
«самый быстрый бегун»...

Так-то,
жалкий хвостун!

Серен-оол ЧЫРГАЛ-ООЛ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИЛИ ХУДОЖНИК?

(О повестях Михаила Пахомова)

«Никакая архиважная тема, никакая идейная значительность содержания не могут сами по себе оправдать убогость формы, серость, казенность письма — иначе говоря, бездарность. И, наоборот, никакое новаторство формы, никакое мастерство и образность не могут обеспечить полноценность произведения — полноценность духовную и художественную — если оно идейно незначительно, бескрыло, лишено глубокой проблемности».

(Чингиз Айтматов: «Литературная газета» № 34 от 22 августа 1973 г.)

Нельзя не согласиться со словами Чингиза Айтматова. Если рассматривать три изданные повести Михаила Пахомова с такой точки зрения, то, по-моему, все они в какой-то степени могут удовлетворить этим критериям, ибо ни в одной из трех не выпячивается ни та, ни другая сторона, не оголены слишком ни форма, ни содержание и идейная значимость.

Тематика всех трех произведений одина и сама по себе значительна. Это исследование последствий величайшего в истории человечества переворота — Великой Октябрьской Социалистической революции, его влияния на судьбы стран, народов, в частности — тувинского и живущих на территории Тувы русских людей; освещение взаимоотношений и интернациональной дружбы тувинских и русских тружеников; борьбы за установление и упрочение в Туве независимой Народной республики и Советской власти (у русского населения), гражданской войны, коллективизации и т. д.

Интересно и композиционное построение этих произведений. Так, в первой повести («В предгорьях Танды», 1960 г.) можно проследить жизнь и деятельность прославленного в Туве партизанского командира Сергея Кузьмича Кочетова, узнать о его родных и близких, с жителях села Атамановки — ныне Кочетова, которое в то время было едва ли не центром революционных, социально-демократических преобразований и военных действий в Туве (здесь в августе 1921 года проходил I Всетувинский Великий хурал, где было положено начало новому независимому государству — Народной Республике Танну-Тува; здесь концентрировались основные силы партизанской армии Кочетова; сюда насту-

пали контрреволюционные мятежники; здесь начало объединяться в первые коллективные хозяйства русское и тувинское население края...). Имеет огромное познавательное значение повествование о гражданской войне в Туве: весьма обширно использованы автором документы, исторические факты и события, реально жившие и живущие люди стали персонажами повестей. Интересно проследить подробности расстановки классовых сил, стратегии и тактики боев — Оттук-Дашского (октябрь 1920 года) против отряда китайских колонизаторов Ян Ши-чао; Тарлашкынского (май, 1921) против белогвардейской армии атамана Казанцева — «Серебряная шапка»; Хондергейского (весной 1921 года) против отряда Казанцева же и, наконец, решительного, имеющего большое политическое, военное и моральное значение, Атамановского боя (декабрь 1921 года) против объединенных сил тогда все еще многочисленных остатков армий генерала Бакича и атамана «Серебряная шапка». Имели место также мелкие бои против остатков белогвардейских отрядов: против банды корнета Шмакова в районе Турана и Баян-Кола, против банды Сафронова и Мелегина на Малом Енисее...

Не менее интересно показаны в повестях и характеры хемчикского ойюна Буян-Бадорху, главаря шайки духовных отцов Чамзы-Камбы и других знатных феодалов и духовных лиц. Так, например, Буян-Бадорху по всей своей сущности примыкал к колонизаторам Ян Ши-Чао, вооруженным отрядам монгольских феодалов, сотрудничал с белогвардейскими бандами Шмакова, Казанцева, Бакича и другими, стремясь подавить национально-освободительное и революционное движение аратских масс. В то же время он лицемерно вел переписку с особоуполномоченным Сибревкома по делам Урянхя Сафьяновым, стараясь показать, что к красным он относится лояльно, даже дружелюбно, приглашал его прибыть на Хемчик. Когда же надежды этого крупного феодала на победу белогвардейских банд не оправдались, он присвоил себе звание вожака — организатора разгрома китайских и белогвардейских банд, хотел стать вождем национально-освободительной революции и сумел проникнуть на руководящие посты в новом народном государстве...

Чрезвычайно интересно проследить и судьбу армий Ян Ши-Чао, Казанцева, Бакича и других белогвардейцев. Некогда грозная сила — многочисленная армия атамана Казанцева «Серебряная шапка» — постепенно таяла, до крайней степени деградировала духовно и морально. Вот что представляла она собой до разгрома ее партизанским отрядом Кочетова на Тарлашкыне: «Как хищный зверь, загнанный в нору, зализывая раны, отсиживалась в Тес-Хемской степи банда. Здесь был всякий сброд: и отпрыски уральских казаков братья Колосовы, и колонизатор из-под города Верный Гальянов, и белогвардейцы, отколовшиеся от кровавых полчищ атамана Семенова, и закоренелые куркули из Забайкальского казачества — кого тут только не было!» «И каждому хотелось хотя бы скорее кончить эти опостылевшие скитания, где-либо укрыться от ненависти людей. Но как и куда скрыться — никто не знал». Характерны и символичны признания поручика Подползухина, впоследствии добровольно сдавшегося партизанам Кочетова:

«— Из славной и могущественной армии его величества мы превратились в стадо баранов или, вернее, в кучу мусора на реке во время половодья, которая плывет не ведая куда. Барон Унгерн нашел свой конец — и он счастлив. Я жалею, что красноармейская или сухэ-баторская пуля не продырявила мой череп, как это случилось с бароном.

— Что ж! И ты получишь, подожди.

— Вспомните: мы в свое время перекатились было за Волгу. Красная Москва — рукой подать. А нас потом отшвырнули за Урал и с тех пор вот уже два года изо дня в день бьют без передышки. От великой армии великого адмирала, которого поддерживали великие державы мира, остались одни печальные воспоминания; а мы с вами и другие вроде нас являемся всего лишь жалким отребьем...»

В повестях Михаила Пахомова можно проследить настроения, дела, чаяния трудового народа в описываемые годы; отражена в них и колеблющаяся, неустойчивая психология зажиточных средних слоев населения (Тамдын в повести «Утро древнего края», 1972 г.). Бедняки-тувинцы сразу стали на сторону красных, на сторону трудового русского народа. А русские кулаки и тувинские феодалы всячески вредили молодой республике и Советам, пытались подорвать их авторитет, в конце концов шли даже на вооруженные выступления. Контрреволюционные мятежи русских кулаков и тувинских феодалов хорошо показаны в повестях «На распустье» (1966 г.) и «Утро древнего края» (1972 г.).

Нелегко верно изобразить межнациональные отношения и интернациональную дружбу, тем более, в такой сложной обстановке, какая была в Туве в период гражданской войны и становления народной власти. Здесь можно впасть в крайности, выпячивая или великодержавно-шовинистические настроения русских белогвардейцев, или местнонационалистические тенденции у коренного населения. И заслуга М. И. Пахомова, на мой взгляд, заключается еще в правильном реалистическом отображении межнациональных взаимоотношений и дружбы русских и тувинских трудовых людей. Как трогательно описана дружба тувинской семьи Бальчира с семьей Узун Иванг или Ивана Михайлова («В предгорьях Танды»), как естественно и интересно показаны в этой повести дружба и сотрудничество Бальчира, Кечил-оола и других тувинских партизан с Сергеем Кузьмичом Кочетовым. Подростки Гриша Михайлов, Ванюша Митрошин и Бальчир всегда неразлучные друзья — и на работе, и в бою, и на охоте, и на рыбалке.

В повестях немало эпизодов жестоких трагических столкновений между взбунтовавшимися кулацкими элементами, мятежниками-феодалами с одной стороны и вожаками коллективных хозяйств, коммунистами, комсомольцами и передовыми людьми — с другой; трагична гибель коммуниста директора госхоза Павла Григорьевича Городищева и крестьянина Агафона Пахомова от руки кулацких мятежников («На распустье»), не менее трагична гибель партизана коммуниста Кара-оола от руки бандитов Сумунака — Чамьяна («Утро древнего края»)...

Во всех трех книгах можно встретить немало удачных образов.

«В предгорьях Танды» — это, прежде всего, образы негибких борцов за народное дело Сергея и Ольги Кочеговых; показанный в постепенном развитии его классового сознания образ ставшего бесстрашным разведчиком-партизаном стряда Кочетова Бальчира. Психологичны и портреты злостных врагов народа — отца и сына Тимошенкиных, атамана «Серебряной шапки» — Казанцева, поручика Подползухина; лэмы Чамзы-Камбы, хемчикского нойона Буян-Бадорху и других. В повести отводится совсем мало места командиру взвода Тарасу Галушко, но тем не менее этот образ очень интересен своей индивидуальной, яркой образностью, неистощимой веселостью характера и простонародным украинским юмором и речи.

В лирических героях — Бальчире, его сыне Чульдуме и сыне Чульдума Бадарчи — угадываются обобщенные образы и судьбы трех поколений тувинского народа.

В повести «На распутье» очень много имен с той и с другой стороны — здесь и вояки из кулацких банд, и крестьяне, объединяющиеся в коллективные хозяйства. Повесть по объему невелика, но насыщена событиями. Однако нельзя не заметить, что образы людей в ней даны порою как-то вскользь, второпях, поверхностно, без глубоких портретных и психологических штрихов. Наиболее удачными, на мой взгляд, являются образы директора госхоза Павла Григорьевича Городищева, председателя товарищества Агафона Пахомова и завмага, секретаря деревенской коммунки Григория Михайлова. Городищев достойно держался перед своими убийцами и крикнул прямо в лицо бандиту Курнау: «Стреляй, кулацкая шкура. Советскую власть все равно не убьешь!»

В третьей, сравнительно большой по объему, повести «Утро древнего края» тоже немало удачных образов. Это образ партизана, коммуниста Кара-оола; образы его сына ревсомольца Самдана, партизана Аракчаа, старика Бюрюека.

Нельзя читать без волнения об Ошку-Саар — бесправной женщине-матери, которая еще девчонкой была насильно выдана замуж за сына ламы Чотпа-Хелина жестокого Чамыяна. Ошку-Саар выглядит в повести умной, обаятельной, трудолюбивой. Ее образ напоминает нам одновременно и образ Кары из драмы «Хайыран-Бот» В. Ш. Кок-оола, и Тас-Баштыг из «Слова арата» С. К. Тока.

Из отрицательных персонажей интересны Чамыян, Сумунак, Чотпа-Хелин, Чамзырай.

В повестях, в то же время, имеется немало героев, образы которых даны недостаточно зримо и выглядят поверхностными. Так, например, в повести «На распутье» остается неизвестным, кто же такой представитель исполкома Русинов: просто гордец с замашками диктатора или пробравшийся в органы Советской власти враг? Такие же вопросы можно задать автору и по отношению к представителю райбюро Печеркиной.

В повести «Утро древнего края» остается неизвестным, как сложится дальнейшая судьба Саина — сына мятежника Чамыяна: пойдет ли он по дороге отца, станет противником всего нового, или же, в силу новых

обстоятельств, встанет в ряды трудовых честных молодых людей. В книге еще не созданы такие ситуации, где бы он проявил свое подлинное лицо.

Как говорят, вымысел и документ с давних пор существовали в столкновениях. Но они же, как бы переливаясь друг в друга, вместе питали литературу жизненными соками и всегда составляли диалектическое единство противоположностей. Одни факты, документы, события, какими бы они ни были сильными, важными, достоверными, еще не составляют художественного произведения. Если мы хотим, чтобы эти факты прошли через пламя сердца писателя, чтобы отсеялась ненужная шелуха, было отображено лишь наиболее типичное, важное. И нужен талант писателя, чтобы их осветить художественно. Нужна светлая фантазия, смелая, но в то же время органически связанная с объектами изображения, с идейным замыслом — нужны творческие отступления, вымысел.

М. И. Пахомов, на мой взгляд, сумел достаточно увязать эти две стороны художественного произведения в своих повестях. От книги к книге заметен рост его творческих возможностей: если в первых двух повестях преобладает констатация фактов, событий, то в третьей — «Утро древнего края» — уже факты, события и документы оказываются более охудожествленными. Причем здесь подлинные факты, события, персонажи более смело переплетаются с вымышленными зарисовками и привлечением многих уже вымышленных героев (хотя, возможно, их прототипы и существуют в жизни).

Отличительной особенностью таланта М. И. Пахомова, на мой взгляд, является хорошее знание им жизни, быта, традиций и обычаев различных социальных слоев тувинского и русского населения республики в названный период. Так правдиво, оптимистически и сильно может показывать межнациональные отношения и интернациональную дружбу тувинского и русского народов, увидеть и художественно обрисовать эту близость и сотрудничество только писатель, который сам не просто глубоко знает язык и обычаи обоих народов, но и глубоко любит и уважает их.

Другой похвальной стороной повестей является логичная связь описываемых событий, происходящих на тувинской земле, с военно-политическими ситуациями в СССР и международным положением.

Повести Пахомова благодаря умелому использованию словесного материала как русского, так и тувинского языков, читаются легко, доступно, понятно и с неослабевающим интересом как русским, так и тувинским читателем. Автор отлично знает не только тувинский характер и особенности склада мышления, но и тувинскую природу, умело пользуется пейзажем согласно тону и замыслу глав. Вот пример: «Могуч и величав Танну-Ольский хребет, развернувший свои исполинские плечи от Бурятии до Горного Алтая. Его косматые отроги спускаются на север, в долину Енисея, где между ними и седьми Саянами лежат центральные районы Танну-Тувы, и на юг, в степной красавице Тес, за которой раскинулись бескрайние просторы, уходящие в пустынную даль Монголии».

Или вот: «Лучи восходящего солнца золотили вершины Танну-Ольского хребта, нежно скользили по ветвям могучих кедров и стройных елей, затем спускались все ниже и ниже по склонам, обнимая лиственные и березовые рощи, поляны и, наконец, залили солнечным светом плодородные долины, раскинувшиеся у подножий гор».

В пейзажах из повестей Пахомова сила, могущество и красота природы передаются в красочных нежных тонах, переплетаются одухотворенными, оживленными картинками, хорошо увязываются с тоном и настроениями повествующего.

Во всех трех произведениях М. Пахомова события, факты, отдельные персонажи не только взаимосвязаны, но даже переплетаются между собою.

К сожалению, используя огромное количество фактов, автор порою даже сам запутывается в них: так, в повести «В предгорьях Танды» (1960 г.) у вожака хемчикских аратов, разгромивших банду «Серебряная шапка», Кара-оола был братишка Самдан, который батрачил у нойона Буян-Бадорху и давал сведения о мятежниках Кара-оолу. А в повести «Утро древнего края» (1972 г.) у Кара-оола есть уже сын Самдан. Совпадение ли это? В первой повести говорится, что банда Казанцева и сам Казанцев не дошли до князя Буян-Бадорху и главаря хуре Чамзы-Камбы. Атаман посылал туда лишь разведку в количестве пяти человек во главе с Тимошенкиным-младшим. Банда не успела ограбить аратов. Она была разгромлена на ночлеге в Хондергее только силами аратов во главе с Кара-оолом, партизаны Кочетова там не участвовали, и сам Кочетов узнал об этом позднее. А в последней повести говорится, будто бы атаман и его армия дошли до Буян-Бадорху и Чотпа-Хелина (а не Чамзы-Камбы, как в первой). Чотпа-Хелин ведь служил в Самагалтайском хуре? Говорится, что они, мол, даже там пировали, а армия грабила аратов. Пишется: «Хорошо помогли тогда Кара-оолу товарищи, тайно приезжавшие из отряда партизан Кочетова; будто бы был среди них и усатый Луканов».

Которой повести верить?

Некоторые тувинские названия и слова взяты в искаженном виде — в виде транскрипционном или в руссифицированном произношении, например: ойнарской (вместо оюннарский); цурул (соруул), ядран (яда-раан), Ак-Кежик (Ак-Кежиг) и т. д.

В повести «В предгорьях Танды» есть эпизод, который выглядит не совсем правдоподобно: Лантухов, который должен был связаться с отрядом Кочетова, попав в руки белогвардейцев, спешит умереть, не попытавшись вырваться из рук врагов:

«— Кто такой, куда едешь?

— Вас искал! (Сразу?!)

— Нас? Зачем же?

— Чтобы убить хоть одного. Да вот не доглядел малость.

Кругом зло захохотали. Офицер сказал:

— Без шуток, милейший! Далеко ли путь держишь?

— Убивайте, сволочи!» (Так скоропалительно?) Неужели человек, любящий жизнь, так безжалостно отдает ее? Так неестественно просто!..

Есть и другие недочеты. Но они не умаляют общего значения повестей М. И. Пахомова. А значение это заключается, на мой взгляд, во-первых, в огромной исследовательской работе автора по названным периодам; во-вторых, в большой творческой работе, т. к. автор сумел создать художественную историю нашего народа на определенном хронологическом отрезке; они имеют огромное и познавательное, воспитательное, и эстетическое значение.

Хочется верить, что обещанное автором широкое повествование о судьбах тувинцев и русских будет осуществлено, что появятся на свет еще более емкие, прежде всего, по своему художественно-эстетическому значению, произведения.

ТОЙБУ-ХАА,
ТУВИНСКИЙ КАМНЕРЕЗ

В тувинской национальной художественной культуре особое место занимает народная пластика — резьба по камню (агальматолиту) и дереву, имеющая свои многовековые традиции в народном творчестве и обретающая новые черты на современном этапе.

В последние годы заметно возросло общественное внимание к тувинской народной скульптуре, о чем свидетельствуют такие факты, как присуждение в 1972 году тувинским народным мастерам-резчикам Государственной премии имени Репина, отбор тувинской скульптуры для Всесоюзных и зарубежных выставок, в том числе для выставки «Экспо-67» в Монреале, а также появление в центральной всесоюзной печати положительных отзывов и статей об этом виде творчества тувинского народа.

Заслуженный деятель литературы и искусства Тувинской АССР, заслуженный художник РСФСР, лауреат Государственной премии Тувинской АССР, лауреат Государственной премии РСФСР в области изобразительного искусства имени И. Е. Репина за 1972 год Хертек Коштайович Тойбу-Хаа родился первого января 1917 года на берегу реки Хонделен Барун-Хемчикского района Тувинской АССР.

Его отец Хертек Коштай был потомственным скотоводом. Мать будущего камнереза Серин вышла из племени Салчак. Когда мальчику было тринадцать лет, мать умерла после тяжелых родов. Пять братьев и три сестренки остались в одинокой юрте отца. Очень характерна биография Тойбу-Хаа для старшего поколения тувинских мастеров-резчиков по камню и дереву.

«Прошло шестнадцать дней после родов,— вспоминает прославленный мастер,—как матери стало плохо. В те времена на языке тувинцев отсутствовали слова «больница», «школа», «букварь», «родильный дом». Темные люди по старой привычке обратились за помощью к шаману по имени Лама-Хам, который обещал, что будет делать операцию на рассвете, и, прибегнув к шаманскому колдовству, будет спасать жизнь женщины от смертельной опасности. Отец, не зная хитрости шамана, принес ему в жертву четырех овец с четырьмя ягнятами. Мы — восемь братьев и сестер — больше не слышали ласковых материнских слов».

В том горном аале по соседству жили и работали три народных мастера: Кужугет Дуктуг-оол, Салчак Диртээки, Кужугет Коккей. С четырехлетнего возраста Тойбу-Хаа начал наблюдать за движениями умелых рук, которые творили чудесные фигурки диких и домашних животных.

«Он меня сделал человеком камнерезного искусства»,—так говорит в автобиографии сам Тойбу-Хаа о первом учителе Кужугете Дуктуг-ооле. Мальчик многому научился у старого камнереза Дуктуг-оола, который был универсальным мастером: резчиком, кузнецом и охотником. Когда тот ходил на рыбалку на могучую бурную реку Хемчик, всегда брал с собою маленького Тойбу-Хаа и рассказывал ему о красоте природы, повадках лесных зверей, о многозначительном шуме изумрудных водопадов. Он учил юношу, как одним ударом остроги поразить тайменя в глубокой воде, как надо выть, чтобы приманить волка к себе. Учил по цвету камней определять, какая река высыхает летом, а какая не подчиняется суховеям. Охота на диких зверей, знакомство с природой, с повадками животных помогли Тойбу-Хаа впоследствии в его творчестве.

Наблюдение за работой резчика было самым интересным занятием для любознательного мальчика. Когда старый мастер Кужугет Дуктуг-оол делал тувинское седло, нож, кухонный шкафчик—улгуур, ступку, пестик, ножницы, кочергу, ружье из дерева и металла и вырезал фигурки животных из камня, юноша Тойбу-Хаа всегда был рядом с ним и жадно учился древнему мастерству. Он на всю жизнь сохранил память об учебе без карандаша, без записи, запомнил то, что видел и что слышал.

Первая самостоятельная работа Тойбу-Хаа — это фигура отдыхающего коня-скакуна, вырезанная из тополиной коры, когда мальчику было 8 лет. На берегу реки Хемчик — тополиный лес. Как известно, кора тополя — мягкий материал, с такого любой юный мастер начинает свой творческий путь. Затем маленький художник с увлечением вырезал из тополиной коры фигурки коровы, овцы, коня, марала и очень часто зайца, на которого сам уже охотился, и льва, о котором он много раз слышал в тувинских героических сказках. На этом и завершились занятия с тополиной корой и подражания старому мастеру — учителю Кужугету Дуктуг-оолу.

Выбор материала особенно важен для резчика. Хертек Тойбу-Хаа попробовал свои способности в работах, где главными материалами являлись агальматолит, корни кедра, ели, белой жимолости, рога домашнего барана, горного козерога, лося — сохатого, а также медь, бронза, железо, серебро. Он делал, например, из рога марала масленку, из серебра — наперсток, бляхи для седла, из корня белой горной жимолости — трубку, из рога горного козла — фигурки животных, из меди и железа — тувинский нож, из обработанной кожи вола сам шил узорчатый колчан.

Когда Хертек Тойбу-Хаа впервые из камня сделал подсвечник, его талант заметил Мыкылай — так называли тогда араты русского продавца госторговли в местности Чыдыг-Кара-Суг Барун-Хемчикского района; его полное имя, отчество и фамилия, к сожалению, забыты. Он купил у юного резчика подсвечник за 40 копеек, затем приобрел и фигурки коня и марала. На деньги, полученные от работника государственной торговли, Хертек Тойбу-Хаа купил плитку зеленого чая, и это было первым подарком мальчика матери (она в то время была еще жива) и первым шагом юного камнереза в мир искусства.

— Мой сын принес мне награду за свой труд!— таково было благоговение любящей матери, этими словами она как бы проводила двенадцатилетнего сына в добрый путь труда и творчества.

В 1930 году, в кружке ликвидации безграмотности, учителем которого был Хертек Догбал, Тойбу-Хаа научился писать и читать.

Весной 1933 года Хертек Тойбу-Хаа с группой молодых ребят приехал на коне, пробыв в пути семь дней и ночей, в столицу Тувинской Народной Республики, где он успешно окончил годовичные курсы столяров, на которых учились вместе дети тувинских и русских тружеников. Учителем в столярной мастерской работал мастер-тувинец Чизепей. Вернувшись домой, Тойбу-Хаа работал на стройке новой школы и новых домов в хошунном центре.

В 1936 году в поселке Кызыл-Мажалык Барун-Хемчикского района Хертек Тойбу-Хаа окончил месячные курсы ветеринарных фельдшеров и шесть лет проработал ветфельдшером в сумоне Кооп-Соок, ведя борьбу с вековым врагом коров и овец — чесоткой.

Все это время он также продолжал заниматься резьбой по дереву и камню.

Первый официальный заказ Хертек Тойбу-Хаа получил от имени министра просвещения ТНР в 1934 году на 15 комплектов тувинских шахмат и столько же русских шашек, которые он сделал из белого и черного агальматолита. К сожалению, ни одна партия не сохранилась. Они были отправлены в школы районов молодой республики...

В 1941 году Хертек Тойбу-Хаа снова приехал в Кызыл и успешно окончил годовичные курсы ветфельдшеров. До 1952 года с небольшим перерывом он работал заведующим ветпунктом в селе Шуй и помогал в организации первого колхоза, был членом комиссии по созданию овцеводческих ферм.

С начала 1953 года он снова в родной местности с красивым названием Кызыл-Даг (по-русски — Красная гора), где прошли годы его юности и где по-настоящему расцвело его камнерезное искусство. Работал там стекольщиком, столяром в сельской средней школе, заведовал молочнотоварной фермой колхоза «Победа».

Стремление к учебе всегда отличало Хертека Тойбу-Хаа. В 1959 году он снова отправился учиться в город Чадан, где окончил месячные курсы на Госплемстанции, получил новую профессию техника-осеменатора и вернулся в родной колхоз.

Хертек Тойбу-Хаа известен в республике и как общественный деятель. Односельчане не раз избирали его своим депутатом, и в 1966—1969 годах Хертек Тойбу-Хаа работал председателем Кызыл-Дагского сельсовета. Только с 1968 года он стал профессиональным художником.

Он—настоящий представитель сельской интеллигенции, рожденной и воспитанной в условиях народной власти. Хертек Тойбу-Хаа любит древнее искусство тувинских камнерезов и свой опыт, свои знания охотно передает новому поколению. С 1957 года он, на добровольных началах, руководит в Кызыл-Дагской школе кружком юных резчиков. Он обучил

искусству резьбы по камню и дереву многих талантливых юношей. Два его ученика: Дондук Тойбу-Хаа (сын) и Кама Самба-Людуп показали незаурядные способности, и их работы в 1969 году были на детской выставке советских школьников в США. Такие ученики, как Валерий Ооржак, Александр Ойдуп, стали студентами Кызыльского училища искусств и участвуют в творческих выставках, организуемых Союзом художников Тувы. Учится в училище и Дондук Тойбу-Хаа, уже признанный мастер, член Союза художников СССР.

Жизнь и творчество Хертека Тойбу-Хаа тесно связаны с его родным селом.

У Хертека Тойбу-Хаа нет специальной мастерской. Он живет в скромном домике: одна комната и кухня — и там создает шедевры современного изобразительного искусства тувинского народа. Его рабочий день всегда напряженный: утром его можно увидеть возле причудливых камней и корней, когда он задумчиво ищет еще не открытый образ марала или скакуна. Днем его можно найти в школе среди юных камнерезов. Вечером — на овцеводческой ферме или на собрании депутатов сельсовета. Где бы Хертек Тойбу-Хаа ни был, с ним всегда его творчество, фантазия, поиск.

Хертек Коштайлович Тойбу-Хаа — член КПСС с 1967 года, член партбюро совхоза «Тээли», депутат сельсовета, член правления Союза художников Тувинской АССР, участник многих выставок.

Некоторые работы Хертека Тойбу-Хаа находятся в музеях Москвы, Ленинграда, Свердловска, Омска, Новосибирска, Красноярска, Абакана, а также Монголии, Польши, Чехословакии, Германской демократической республики, Канады, Италии и других стран мира.

В Тувинском республиканском краеведческом музее имени 60 богатырей собрано 75 работ этого замечательного мастера.

* * *

Как потомственный скотовод и охотник, Хертек Тойбу-Хаа отлично знает пластику движений животных и их повадки. Работая ветеринарным врачом, он все свободное время отдавал резьбе по камню. Он любит многофигурные композиции. Даже когда создает однофигурную композицию, и то чувствуется в пространстве присутствие невидимых соучастников. Возьмем, к примеру, его скульптуру «Охотник, стреляющий из ружья «шактыр» (агальматолит, 1953 г.). В этой работе резчик запечатлел тувинца-охотника. Наклонившись вперед, он крепко прижал правую щеку к ложу ружья. Закрыв левый глаз, как это с давних времен привычно делают тувинские охотники-стрелки, он прицеливается. За широкий тканевый пояс заткнут тувинский нож, к поясу подвешены кисет, огниво и сумка для патронов. Автор, пожалуй, слишком увлекается этнографическими деталями. Хотя лицо персонажа выражено не совсем четко, скульптура «Охотник, стреляющий из ружья «шактыр», отличается тонкостью моделировки, совершенством композиции.

Творческое использование фантастических мотивов, взятых из герои-

ческих сказок, в интерпретации современных тем, рожденных эпохой, в которую живет сам резчик,— новый прием Хертека Тойбу-Хаа. В героическом эпосе тувинцев, например, нос чудовища становится медным. Этот медный нос нашел свою оригинальную трактовку в работе резчика «Поджигатель войны — агрессор-генерал» (агальматолит, 1960 г.), посвященной героической борьбе вьетнамского народа против агрессии США. Фигура поджигателя трактована в плане сатирического гротеска. Вместо обуви на его ногах — боеголовки атомной бомбы, вместо носа — ствол ракетного орудия, вместо ноздрей — дуло. Любопытна такая деталь, как хвост дракона, которым наделена эта фигура. Резчик удачно создал карикатурный портрет поджигателя войны. Здесь мы наблюдаем заметное изменение в стиле камнереза: если в работе «Охотник, стреляющий из ружья «шактыр» он, в основном, стремился показать этнографические детали, то в «Поджигателе войны — агрессоре-генерале» стремится уже к образному обобщению, к метафорическому выражению сути.

Исторической достоверностью отличаются жанровые произведения Хертека Тойбу-Хаа, которые правдиво отображают жизнь и быт аратов. К ним относятся «Укрощение строптивого коня» (агальматолит, 1969 г.) и одна из последних работ мастера-резчика «Наездник на волé» (агальматолит, 1973 г.).

Работа «Наездник на волé» посвящена одной детали из прошлой жизни аратов-кочевников; тема, казалось бы, отжившая, но произведение дышит современностью, потому что камнерез сумел оживить силою фантазии и искусства прошлое в настоящем.

Ездить на волé — радость для тувинских детей, и это старый мастер, как добрую память о своем детстве, воскрешает в скульптуре, которая во многом имеет автобиографический характер. Мальчик сидит на волé без седла. Он представляет себя лихим наездником, радуясь, что заставил молодого вола подчиниться своей воле. Между лихим наездником и упрямым волом сильно протянут аркан ритмической взаимосвязи, созданной рукою камнереза, который хорошо владеет техникой динамической композиции.

Необходимо объяснить, какое огромное принципиальное значение имел для тувинской скульптуры, которая в прошлом была в значительной мере скована буддийской религиозной иконографией, переход современных резчиков (и среди них, прежде всего, Тойбу-Хаа) — к светской жанровой тематике, к изображению сюжетов из жизни народа.

Однако, в освоении нового жанра возникают свои сложности. Хертек Тойбу-Хаа одним из первых начал работать над совершенно новой тематикой, над созданием образа вождя В. И. Ленина из камня. Это «Бюст В. И. Ленина» (агальматолит, 1952 г.). Однако эстетические качества этого портрета еще далеки от совершенства, он имеет характер подражания, видимо, резчик чувствует себя неуверенно в новом жанре. Тем не менее, упорное стремление к созданию образа человека в народной скульптуре заслуживает поддержки.

Когда Тойбу-Хаа вырезал из камня или дерева всадников револю-

ции или табунщиков, это было удачей в творчестве мастера. В качестве примера назовем работу «Табунщик» (корень кедра, 1971 г.). Самобытный талант Хертека Тойбу-Хаа в полной мере раскрылся в создании образа всадника, стремительно мчащегося вперед. Вся фигура табунщика в движении — этим выражен романтический характер тувинца. «Табунщик» — это свободная песня арата, чья мечта сбылась, чья жизнь стала свободной и чья судьба — гордится именем гражданина Советского Союза!

В последнее время у Хертека Тойбу-Хаа возник интерес к созданию портретов своих современников, и в этом трудном жанре он показал себя интересным мастером. Другом детства мастера был Данзын-оол Салчак, который добровольно ушел на фронт Великой Отечественной войны, вернулся тяжело раненным и умер в родном селе. Бюст-портрет бывшего фронтовика мастер вырезал из гранита, и эта работа резчика — один из первых образцов тувинского скульптурного портрета современника.

Бай-Тайгинский район, где живет и творит резчик, овцеводческий; в нем работают многие замечательные труженики нашей республики. Художник живет среди своих героев, которым посвятил групповую скульптуру «Пастушка и пастух» (агальматолит, 1962 г.). Девушка и юноша сидят рядом среди отдыхающей отары овец. Юная тувинка держит на руках новорожденного ягненка, она рада удачному рабочему дню. Юноша играет на старинном народном инструменте — самодельной дудке — лимби. Этой скульптуре свойственно тонкое лирическое начало.

* * *

Показывая активный интерес художника к теме современности, к образу человека, к бытовому и историческому жанру, мы все же должны сказать, что основная стихия творчества тувинских резчиков — это анималистический жанр, что связано с прочными традициями народного творчества, со всем укладом жизни скотоводов и охотников.

В анималистическом жанре созданы лучшие произведения Тойбу-Хаа, поразительные по разнообразию пластического и образного решения, сочетающие реалистическую точность изображения животных со смелой фантазией, тонкой лирикой и яркой романтикой.

Диапазон анималистического жанра в творчестве Хертека Тойбу-Хаа очень широк. Он создает работы по мотивам тувинских народных сказок и легенд. Вот характерный пример: «Медведь и козленок» (камень, 1962 г.). Сюжет таков: остался козленок на стоянке откочевавшего аала. Неожиданно к нему пришел волк и спросил: «Что у тебя на голове сверкает?» — «Это мой кинжал, которым поражаю волков и медведей», — последовал ответ. Убежал волк и по пути встретился с медведем. «Куда бежишь и почему испугался?» — спросил тот. В ответ волк сказал: «Там, под скалой, видел козленка, он до смерти напугал меня, больше туда не пойду». — «Не бойся. Я тебя привяжу к себе, к своей

шее!»— гордо ответил медведь. Однако, услышав грозный ответ храброго козленка: «Я тебя зарежу кинжалом, что у меня на голове сверкает!»— медведь убежал и задушил волка на кончике аркана. Козленок остался победителем. Содержание этой народной сказки точно и поучительно передал резчик в напряженной по композиции и динамике действия работе.

«Тигр, который ревет» (камень, 1962 г.) и «Бегущий верблюд» (камень, 1971 г.) — творения динамичного стиля Хертека Тойбу-Хаа. Даже в скульптурных работах, в формах тяжеловесного гиганта («Бегущий верблюд») резчик умело изображает легкость движения толстых ног. Скупые ребристые линии на ногах свидетельствуют о мощи степного богатыря.

* * *

Благородное отношение к окружающей природе, к животному миру— главная черта творчества Хертека Тойбу-Хаа. «Гусь с гусенком» (агальматолит, 1962 г.), «Кобыла с жеребенком» (агальматолит, 1959 г.) «Бой сарлыка с волком» (камень, 1959 г.), «Маралуха с мараленком» (агальматолит, 1963 г.)— лишь несколько примеров из длинного ряда пластических композиций такой тематики, созданных скульптором за его жизнь.

«Маралуха с мараленком»— это законченное поэтическое творение Хертека Тойбу-Хаа. Маралуха стоит в благоговейной тишине, на самом безопасном месте, оттуда она ведет чуткое наблюдение за всем окружающим, не переставая кормить своего детеныша. Фигура вырезана из красновато-серого камня, цвет его напоминает румяный восход — свидетель красного лета в подтаявшем краю, когда на вершинах Бай-Тайги сверкают вечные снега. Маралуха, сильно вытянув длинную шею, наострила уши, чтобы уловить тревожные звуки. Ее передние ноги стоят прямо, как гордые стволы лиственниц, а на задние она как бы чуть-чуть присела, чтобы мараленок легко доставал вымя матери и ему было удобно сосать молоко. Звериная чуткость, песенная легкость, мудрая грациозность, материнская любовь выражены в этой скульптуре Хертека Тойбу-Хаа, в высшей степени совершенной. Работа находится в постоянной экспозиции Тувинского краеведческого музея, а в увеличенном размере ее можно увидеть у «дороги дружбы», к северу от столицы Тувинской АССР.

* * *

Изображения животных в скульптуре Тойбу-Хаа можно разделить на две основные группы: та, что связана со сказочными и мифологическими мотивами (к ней, главным образом, относится группа великолепных арзыланов, вырезанных скульптором в разные годы жизни из разных материалов, а также композиции на темы народных сказок, персонажами которых являются животные); вторая та, что создана по непосредственным наблюдениям, с натуры, где пригодился большой опыт Тойбу-Хаа и как охотника, и как ветеринарного фельдшера — знатока животного мира.

В связи с этим хотелось бы коснуться вопроса о творческом методе Тойбу-Хаа, о его творческом процессе.

Слова мастера о себе — это открытие его творческой лаборатории. О своем творческом методе Хертек Тойбу-Хаа говорит так: «Мой рабочий ножик прикасается к камню только тогда, когда в голове у меня уже сложился образ коня или зверя, когда ясно ощущаю их физическую красоту и хитрые повадки».

«Я охотник, часто поднимаюсь на вечно снежную вершину Бай-Тайги, где пасется стадо козорогов. Посещение скалистых вершин во мне рождает новые мысли. Так возник сюжет «Козерога» (камень, 1971 г.)», — признается резчик. Суровый пейзаж родных гор, встреча с редкими животными воодушевляют мастера. Его работа «Козерог», самая крупная по величине, рождена общением с природой. В мыслях сначала возник образ козерога, однако, резчик долго не мог найти подходящего материала для создания скульптуры в крупном масштабе. Мне посчастливилось быть свидетелем всего процесса творческой работы Хертека Тойбу-Хаа над созданием скульптуры «Козерог». Это было поздним летом 1970 года, и я видел, как молчаливый человек ходил по левому берегу Улуг-Хема — Великой реки, так называют тувинцы Енисей. Через пять дней я видел его с молотком в руках возле серого гранита. Тот камень, который не мог найти в горах или около рек родного Кызыл-Дага, мастер нашел в нашей столице. Резчик немедленно приступил к работе. Во время работы он забывал обедать, много курил и подолгу в задумчивости сидел возле камня. Дней через девять он попросил меня найти транспорт. Я помог мастеру привезти камень весом свыше тонны на территорию тувинского музея. Во дворе музея скульптор проработал еще две недели стамеской и особым молотком, которые получил в подарок от московских мастеров-камнерезов, в то время они сооружали памятник В. И. Ленину на главном проспекте Кызыла. Как известно, на территории Тувы сохранились редкие животные: архар — горная дикая овца, архар кошкары — горный дикий баран, чээреч или дзерен — степной дикий козел, оона — степная дикая коза, те — горный дикий козерог, чунгма — горная дикая коза. Они не сбрасывают рогов ежегодно, как, например, марал, лось и олень. Эту особенность диких животных с детства хорошо знал Хертек Тойбу-Хаа, хотел показать ее в новой работе. Однако это ему удалось не сразу.

Упорство художника-резчика преодолевает большие трудности. Мастер самолетом увез первоначальный вариант «Козерога» домой, в далекий поселок Кызыл-Даг, где ему, как он сам говорит, всегда вдохновенно работает. Весной 1971 года он, снова самолетом преодолев 300 километров воздушной дороги, привез незаконченную еще скульптуру в город Кызыл. Опять работал над давно найденным образом красавца-зверя во дворе тувинского музея, заканчивал шлифовку скульптуры. Казалось бы, работа готова. Настал день, когда должна была смотреть ее приемная комиссия. Вдруг резчик просит продлить ему срок работы. В отличие от других наших мастеров-камнерезов, Хертек Тойбу-Хаа не любит

применять в скульптурах декоративную орнаментацию. Однако, при создании могучих рогов «Козерога» применил причудливые «кольца-зубчики», чтобы показать нарезы рогов, число которых увеличивается ежегодно: по словам тувинских охотников, по ним определяется возраст козерога. Первоначально рога были похожи на серп молодой луны, а в законченном варианте — совсем другое: по двенадцать нарезов на горбатых хребтах рогов, словно зубчатые вершины снежной горы Чараш-Даш, где водится стадо горных козлов. Для резчика такое, казалось бы, несложное гранение имело важное значение.

Такова история создания фигуры козерога, который лежит на камне и спокойно отдыхает, великолепный в своем зрелом возрасте, с замечательной бородой, хитрой мордочкой и лукавым взглядом. Размер скульптуры козерога 63×76 сантиметров, это пока самая крупная из работ мастеров прикладного искусства — резчиков в экспозиции Тувинского музея. Вот как работал камнерез — упорно, требовательно и тщательно! — над одной фигурой козерога.

За большие успехи в области изобразительного искусства Хертек Коштайович Тойбу-Хаа награжден Государственной премией имени И. Е. Репина. Этой награды удостоены и его земляки и соратники по искусству Раиса Аракчаа, Хертек Мижит-Доржу, ныне покойный, и Байыр Байынды. Хертек Тойбу-Хаа работает сейчас над новыми произведениями, готовится к выставке «Сибирь социалистическая», которая откроется в городе Томске в 1974 году.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Салчак Тока. Наследники богатырей. (Документальный рассказ.) Пер. М. Рамазановой	3
Михаил Пахомов. Глаза честного человека. (Отрывки из повести)	17
Федор Журавлев. Красногвардеец Норкин. (Документальный рассказ.)	37

ПОЭЗИЯ

Степан Сарыг-оол. Ильич во всем. (Поэма.) Пер. С. Козловой	52
Врачу. Пер. С. Козловой	58
Грузинке. Пер. С. Козловой	59
Песнь дружбы. Пер. С. Козловой	59
Сергей Пюрбю. Сокровища. Пер. С. Козловой	61
«Не обижайся, старость, и прости...» Пер. С. Козловой.	61
Реликвия. Пер. С. Козловой	62
Радость. (Баллада.) Пер. С. Козловой	63
Байкара Ховенмей. Гордимся! Пер. Ю. Твича	65
Монгуш Кенин-Лопсай. Черный журавль. Пер. А. Нарпара	66
Девушка-шорка. Пер. Е. Старининой	67
Чаш-Тал. Пер. В. Цвелева	67
Лиственница. Пер. Е. Старининой	68
Сосновые шишки. Пер. Е. Старининой	69
«Холмистый берег, где стоим с тобой...» Пер. В. Цвелева	69
Здравствуй, кожээ! Пер. Е. Старининой	69
Олег Сувакпит. Родина. Пер. Л. Тарана	71
Наш путь к победе. Пер. Л. Тарана	71
Осень в Туве. Пер. Л. Тарана	72
Ты уехала. Пер. Л. Тарана	73
Письмо. Пер. Л. Тарана	74
Верность. Пер. Л. Тарана	74
Озеро Буланныг. Пер. Л. Тарана	74

Алдын-оол Даржа. В моем маленьком сердце. Пер. О. Дмитриева	76
Не иссякнет род разумных. Пер. О. Дмитриева	77
Буровой мастер. Пер. М. Скуратова	77
«Вот край босого детства друга...» Пер. М. Скуратова	78
Ответ арату. Пер. В. Потемкиной	78
Салим Сюрюн-оол. Дружба. Пер. Ю. Твичча	80
Светлана Козлова. Девочка с моделью	81
Уя-а-на	82
Ягненок	82
Хонделен	84
Просвет за лесом	85
Салчак Тамба. Вечно борец. (Поэма.) Пер. А. Емельянова	87
Монгуш Доржу. Мечта и любовь. Пер. С. Макарова	93
Половодье. Пер. С. Макарова	99
На короткой волне. Пер. С. Макарова	99
Юрты. Пер. Г. Рыскина	100
Екатерина Таюва. Песни Хемчика. (Поэма.) Пер. С. Козловой	101
Александр Даржай. Жажда. Пер. С. Козловой	130
Поиск. Пер. В. Тутатчикова	134
Виктор Саган-оол. Песни рабочего. Пер. Е. Старикиной	135
Восьмиступня. Пер. Е. Старикиной	136
«Дочь друга вечером всенним...» Пер. Е. Старикиной	137
Владимир Серен-оол. Крылья. (Поэма.) Пер. В. Тутатчикова	138
Отцовство. Пер. С. Козловой	141
Трибунал миллионов. Пер. Ю. Твичча	141
Кечил-оол Экер-оол. Позовут меня дороги. Пер. С. Козловой	143
Ондар Охемчик. Вдохновение. Пер. С. Козловой	144
Чооду Кара-Куске. Волны. Пер. В. Тутатчикова	145
Эдуард Трефилов. Центр Азин	146
После смены	146
Озеро Азас	147
Валерий Тутатчиков. Старик у реки	148
Перед космическим стартом	149
Песня	150
Эмма Цаллагова. Прощание с Енисеем	151

ОЧЕРКИ

Тимофей Сермавкин. Тропу прокладывает сильный	152
Чооду Кара-Куске. Светлый путь	159
Олег Гаврилов. Сила таланта	163

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Мария Хадаханэ. По Италии	170
-------------------------------------	-----

ДЛЯ ДЕТЕЙ

Биче-оол Ондар. Маленький чабан. (Повесть.) Пер. М. Хадаханэ	181
Салим Сюрюн-оол. Аккырмаа и двойка. (Сказка.) Пер. М. Рамазановой	206
Куулар Аракчаа. Живой желудок. (Рассказ охотника.)	211
Олег Сувакпит. Спор. (Рассказ.) Пер. М. Хадаханэ	213
Птенец. (Рассказ.) Пер. М. Хадаханэ	213
Монгуш Доржу. Искатель славы. (Стихи.) Пер. С. Макарова	215

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Серен-оол Чыргал-оол. Исследователь или художник	216
Монгуш Кенин-Лопсан. Тойбу-Хаа, тувинский камнерез	223

УЛУГ-ХЕМ № 14

литературно-художественный
альманах

*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Пюрбю С. Б. (главный редактор),
Калзан А. К., *Кудажу К. К.*, *Куу-*
лар Д. С., *Сердобов Н. А.*, *Сюрюн-*
оол С. С., *Хадаханэ М. А.*

*

Редактор Козлова С. В. Редак-
торы издания Бородина А. Д.,
Тупицына Т. Е. Художник Са-
рыг-оол С. Художественный редак-
тор Кузнецов И. Я. Технический
редактор Чернова А. А.

Сдано в набор 16/XI 1973 г. Под-
писано к печати 14/XII 1973 г. Фор-
мат 60×90^{1/16}. Бумага типографская
№ 2. Печ. л. 14,75. Уч.-изд. л. 13,24.
Т. п. 1973 г. № 31. Тираж 2000 экз.
Цена 88 коп. Заказ 3490. ТС 01672.
Тувинское книжное издательство,
г. Кызыл, Щетинкина и Кравченко, 57.

Типография управления по делам
издательств, полиграфии и книжной
торговли Совета Министров Тувин-
ской АССР, г. Кызыл, Щетинкина
и Кравченко, 1.

С (Тув.)

Улуг-Хем № 14. Литературно-художественный альманах. Кызыл, Тувкнигоиздат, 1973.

236 с. Тираж 2000 экз. Цена 88 коп.

В альманахе «Улуг-Хем», издании Союза писателей Туvinской АССР, опубликованы новые стихи, поэмы, рассказы, очерки и стрывки из крупных прозаических произведений писателей республики. Помещены путевые заметки, критика и библиография.

0-7-3-3
0-7-4-3

121-170+03+M33

88 коп.

В. М. О. М.